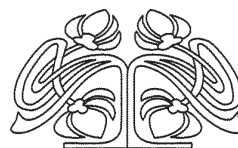

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артамонов Д. С.** Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы 124
Асташова Н. Д. Философия – путь к себе 130
Беляев Д. А. Идея сверхчеловека в творчестве М. Горького:
рецепция ницшеанского Übermensch и социально-революционный порыв 135
Костина О. В. Онтологические аспекты атмосферы 140
Ломако О. М. Социальная онтология культуры
в зеркале антропологической рефлексии 145
Новак Н. И. Проблема взаимоотношения традиции и творчества
в период кризиса культуры 150
Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска 155
Постнов С. В. Экзистенция свободы Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова:
сравнительный анализ 162
Смолиговец О. С. Субъектные основы виртуализации социальной реальности
в информационном обществе 166
Тетюев Л. И. Философия языка Юргена Хабермаса:
рациональная теория универсальной прагматики 171

Психология

- Пантелеев А. Ф.** Проблема достоверности результатов
социально-психологического исследования 176
Панчук Е. Ю. Изучение мотивации труда медицинских работников 183
Полякова И. В. Тензометрическое исследование особенностей
функционирования перцептивной и эмоциональной сфер обучающегося 188
Рябова Т. В. Профессионально значимые характеристики личности
государственных служащих 194
Султанязова Н. Ж. Взаимосвязь субъективного благополучия
и культурных установок русских и казахов 199

Педагогика

- Артёменко Е. В.** Организация научно-исследовательской деятельности
будущих учителей-словесников в зарубежных странах 207
Ваулин В. И. Теоретические основы подготовки студентов
в области безопасности жизнедеятельности 212
Железовская Г. И., Исайкина М. А., Недогреева Н. Г.
Понятийное диалектическое мышление студентов: методологический анализ 216
Лексакова Н. В. Развивающая образовательная среда в детском саду:
особенности формирования в соответствии с требованиями
Федерального государственного образовательного стандарта
дошкольного образования 221
Рождествина А. А. О содержании интеллектуально-нравственного потенциала
студента-юриста 226
Уманец С. Ф. Метаобразовательное пространство как методологическая основа
профессиональной педагогики 231

Критика и библиография

Представляем книгу

- Кальной И. И.** Рецензия на книгу: Папаяни Ф. А. Имперское будущее России /
Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. 236

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01; 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Садыкова Марина Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Садыкова Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 30.05.2019

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (14,75).

Тираж 500 экз. Заказ 67-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Artamonov D. S.** New Digital Solidarity and “Rehabilitation” of a Crowd 124
- Astashova N. D.** Philosophy as a Way to Yourself 130
- Belyaev D. A.** The Idea of the “Overman” in M. Gorky’s Creative Work: the Reception of the Nietzschean Übermensch and the Social Revolutionary Impulse 135
- Kostina O. V.** Ontological Aspects of Atmosphere 140
- Lomako O. M.** Social Ontology of Culture in the View of Anthropological Reflection 145
- Novak N. I.** The Problem of Relationships of Tradition and Creativity During the Crisis of Culture 150
- Orlov M. O.** The Diversity of the Digital Environment in a Risk Society 155
- Postnov S. V.** The Existence of Freedom by N. A. Berdyaev and L. I. Shestov: Comparative Analysis 162
- Smoligovets O. S.** Subject Bases of Virtualization of Social Reality in the Information Society 166
- Tetyuev L. I.** Language-philosophy of Jurgen Habermas: Rational Theory of Universal Pragmatics 171

Psychology

- Panteleev A. F.** The Significance Problem of Social-Psychological Research Results 176
- Panchuk Ye. Yu.** Study of Work Motivation in Medical Workers 183
- Polyakova I. V.** Tensometric Investigation Into the Peculiarities of Functioning of the Perceptual and Emotional Spheres of a Learner 188
- Ryabova T. V.** Professionally Important Personal Characteristics of Government Employees 194
- Sultaniyazova N. Zh.** The Relationship of Subjective Well-Being and Cultural Values of Russians and Kazakhs 199

Pedagogy

- Artemenko E. V.** Organization of Research Activities of Future Language Teachers in Foreign Countries 207
- Vaulin V. I.** Essentials of Theoretical Basis of Students’ Training in the Life Safety Field 212
- Zhelezovskaya G. I., Isaikina M. A., Nedogreeva N. G.** Conceptual Dialectical Thinking of Students: Methodological Analysis 216
- Leksakova N. V.** Developing Educational Environment in Kindergarten: Features of Formation in Accordance with the Requirements of the Federal State Educational Standard for Preschool Education 221
- Rozhdestvina A. A.** On the Content of Intellectual and Moral Potential of the Law Student 226
- Umanets S. F.** Meta-Educational Space as Methodological Basis of Professional Pedagogics 231

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Kalnoy I. I.** Review of the Book: Papayani F. A. The Imperial Future of Russia / Confrontation of Ideological Projects of the 19th – 21st Centuries 236

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гасилин Владимир Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Тельтевская Нателла Ваханговна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

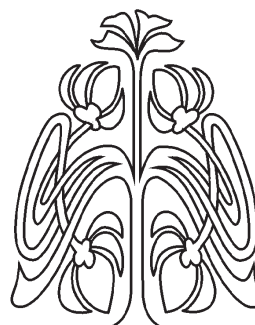
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

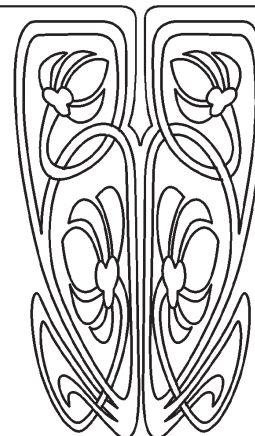
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Vera V. Afanasyeva (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Vladimir N. Gasilin (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Natella V. Teltevsckaya (Saratov, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

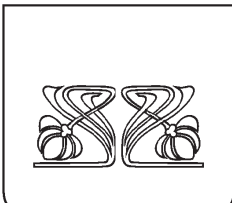
ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.444

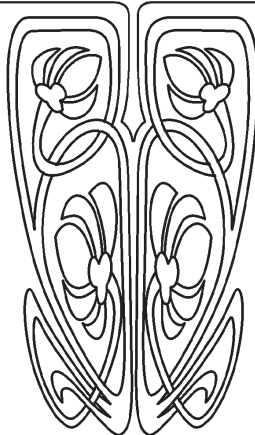
Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы

Д. С. Артамонов

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, artamonovds@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье рассматривается социально-философский подход к исследованиям общественного действия масс (толп) в цифровом пространстве. Сравняется классический для социальной философии XX в. массовый анализ общества с новациями теоретиков цифрового общества XXI в. Цель – обосновать новое понятие массы в цифровом обществе. Анализируя концепции масс в интернет-пространстве, автор приходит к заключению, что распространение в сети Интернет практик массового сетевого взаимодействия, построенного на рациональных началах, послужило импульсом для философского переосмысления роли толпы в социальной системе. Начался переход от негативного восприятия толпы к ее фактической «реабилитации», что выражается в признании рациональности социальных действий, совершаемых ею. Новые формы социального взаимодействия привели к изменению характера консолидации общества и к появлению цифровой солидарности. Идеологические основания солидарности уступают место цифровым способам объединения больших масс людей, строящимся на приоритете личных социальных связей и носящим сетевой характер. Предлагается авторское определение цифровой толпы с учетом структурно-функционального анализа, раскрываются ее основные признаки: повышение оперативности управления, усиление когнитивного потенциала, распределение.

Ключевые слова: цифровая солидарность, толпа, масса, «реабилитация» толпы, социальные сети, цифровая среда.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129>

Современная цифровая среда характеризуется большей predisposedностью к социальному взаимодействию, чем какая-либо другая в предшествовавшие исторические эпохи. Интернет-коммуникация создала предпосылки для объединения людей с любыми целями: политическими, производственными, культурно-досуговыми. Социальные медиа сделали возможной практику реального взаимодействия больших групп людей, которое осуществляется как в офлайн-, так и онлайн-форматах. Массовость стала отличительной чертой социального действия, носящего в то же время сетевой характер. Интернет-сообщества упрощают коммуникацию и создают новые основания для развития социальной солидарности. В первую очередь они трансформируют социальную функцию массы – одного из самых проблематичных для социально-философской традиции коллективных субъектов.

Практики сетевого взаимодействия создали эмпирическую базу для пересмотра основных философских подходов осмысления феномена толпы и массового общества, которые складывались на протяжении всего XX в. В работах Г. Лебона, З. Фрейда, С. Московичи, Т. Карлейля, Г. Тарда, Н. К. Михайловского массы

рассматривались в негативном контексте как угроза прежней человеческой цивилизации, замещаемой «веком толп». Указанные авторы не проводили методологического разграничения между понятиями «масса» и «толпа», что привело к дальнейшему синонимическому хождению терминов в научном обороте [цит. по: 1, р. 112]. Толпа характеризовалась как хаотичное начало, склонное к разрушению, а не созиданию. Философы представляли ее как слабоуправляемое скопление людей, главными чертами которого были утрата индивидами способности к наблюдению и осмысленному действию, подчинение бессознательным инстинктам. Доминирование масс связывалось с неразвитостью и низким умственным уровнем большинства, которое в толпе утрачивало самостоятельность личности, критичность ума и способность к рациональному суждению. Естественной формой действия толпы, легко подчиняющейся внешним стимулам, по мнению мыслителей, была паника. Импульсивные реакции толпы на внешние раздражители объяснялись обезличиванием человека и растворением его в массе, что приводило к невозможности самостоятельно контролировать свои страсти и противостоять манипулятивным влияниям [2, с. 106–110].

Основной характеристикой толпы считалась иррациональность, объяснявшая сложность понимания массового поведения, непредсказуемость ее действий и практическая неуправляемость. Толпу определяли как большое скопление людей с единым эмоциональным настроением, собравшихся в одном месте и объединенных общей целью. Сосредоточенные в одном месте, люди вынуждены были находиться в непосредственной близости друг от друга и быть прикованными к всеобщему центру внимания, что создавало условия для эффективного манипулирования их волей. Манипуляторами выступали «вожди», действующие в своих корыстных интересах. Массы, служащие интересам своих вождей, вызывали страх, так как в основе поведения толпы лежали неконтролируемые эмоции, а не разум. Толпа не имела структуры или какой-либо организации поведения, что отличало ее от группы или каких-либо других институализированных форм объединения индивидов.

Теоретическая «реабилитация» толпы началась в XXI в. в результате цифровизации современного общества. Постепенно в дискурсе социальной теории приходило понимание того, что толпа может быть управляема и регулируема, причем внутренними по отношению к ней равноправными акторами. Новые характеристики поведения толпы фиксировались не только в

digital-среде, так как быстро выяснилось, что интеграция офлайн и онлайн пространств происходит постоянно. Иначе говоря, организованная в сети Интернет масса людей способна на рациональное социальное действие в реальном мире. Социальное взаимодействие людей при помощи электронных средств коммуникации носило по большей части позитивный характер, что послужило поводом к пересмотру исследовательских точек зрения на роль масс.

Несколько крупнейших социальных теоретиков в начале XXI в. предложили новую интерпретацию социальной роли феномена цифровой толпы. Структурно-организационную концепцию цифровизации масс предложил Г. Рейнгольд [3]. Новый вид толп, консолидирующих индивидов в синхронизированное целое на основе интернет-технологий, он обозначил термином «умная толпа» (*smart mob*), подчеркивая словом *smart* скоординированность и телерациональность коллективных действий. Умная толпа Г. Рейнгольда тесно связана с новым качеством спонтанности: для внешнего наблюдателя акции умных толп разворачиваются внезапно и беспричинно, но фактически они тщательно спланированы и подготовлены. Важно отметить, что, хотя Г. Рейнгольд начинает свой анализ толп с дескриптивных позиций, он довольно быстро приходит к выводу о том, что умная толпа – это технология социальной организации. Благодаря перманентному свободному обмену данными между неограниченным количеством пользователей возможно с минимальными издержками собирать массы для осмысленных рациональных действий. С толпами доцифровых эпох умную толпу сближает только внешний признак, а именно быстрая концентрация большого количества людей в публичном пространстве. Внутренние характеристики данного феномена связаны с новым качеством социальной организации, когда основой интеракций становятся слабые социальные связи.

Итак, умная толпа (в терминологии Г. Рейнгольда – *смартмоб*, в медиадискурсе – *флешмоб*) может быть противопоставлена толпе обычной как новая групповая форма социальной практики. Ее ключевой характеристикой является четкая дихотомия на онлайн- и офлайн-фазы, поскольку *смартмобовые* действия планируются и контролируются в Интернете, а реализуются в традиционном социальном пространстве. Взгляды Г. Рейнгольда способствовали возникновению мысли о том, что благодаря цифровым технологиям толпа может быть четко организована для выполнения рациональной задачи и управляема самими участниками.

Когнитивно-экспертную концепцию цифровой толпы предложил Д. Шуровьески, использующий близкие Г. Рейнгольду идеи, согласно которым цифровая толпа является сложной формой социальной организации. В русле социальной эпистемологии он доказывает несостоятельность тезиса об иррациональности толпы в условиях цифрового общества и радикализирует утверждение о ее рациональности. Если Г. Рейнгольд считает, что высокотехнологичная толпа не снижает рациональность отдельного индивида, то Д. Шуровьески идет дальше и доказывает, что она эту рациональность повышает [4]. Используя экономико-управленческие кейсы, Д. Шуровьески оценивает вклад коллективного разума в реформирование современных институциональных структур (бизнес, гражданское общество, государство). Наиболее убедительны примеры экспертных функций толпы, востребованных в решении сложных задач. Автор показывает, как технологии раскрывают прогностические способности толпы, применяемые в финансовой сфере, политике, оптимизации бизнес-проектов, предсказании катастроф и терактов. Характерно, что Д. Шуровьески отказывается от традиционных элитократических концепций, демонстрируя когнитивное превосходство цифровой толпы над интеллектуальными элитами. Интеллектуальная реабилитация толпы, осуществляемая Д. Шуровьески, открывает новый взгляд на способы координации действий больших групп людей.

Разновидностью когнитивно-экспертной концепции являются вики-модели цифровой кооперации масс, связанные с консолидирующим потенциалом вики-сайтов (т.е. сайтов, содержанием которых самостоятельно управляют пользователи, а не профессиональные разработчики). Д. Тапскотт и Э. Д. Уильямс, предложившие термин «викиномика», исследовали экономические и социальные эффекты новых технологий массового сотрудничества [5]. Главное теоретическое достижение их вики-модели – установление массовизации социальных практик, основанных на принципах открытого кода и взаимодействия равных. Эту аналитическую линию продолжает Б. Новак, изучавшая вики-правительство [6]. Вики-сайты позволяют пользователям не только публиковать контент, но и отбирать его на основе экспертных практик, связанных с накоплением цифровой репутации. В итоге вики-сообщества превращаются в консолидированную экспертную цифровую толпу, весьма далекую от консервативного образа толпы как объекта. Вики-толпа – это созидательное начало, способное обслуживать выдвижение и реализацию проекта любого ха-

рактера, политического, правового, технического и т.д. По мнению Б. Новак, вики-правительство представляет собой новую форму коллективных действий, благодаря которой можно повысить эффективность государственных структур, создав «правительство людей, для людей и с участием людей» [6, с. 11]. Как видим, активность масс в условиях цифровизации становится формой коллективного творчества, а не инструментом разрушения и дестабилизации.

И последняя, ресурсная, концепция Д. Хау рассматривает цифровую толпу как аккумулятор ресурсов, в первую очередь – временных и когнитивных. Распределение масштабных проектов на массив локальных фрагментов операций, легко выполняемых рядовыми пользователями, Д. Хау обозначил как краудсорсинг [7]. Позднее этот термин стал применяться для описания схожих технологий использования ресурсов больших масс пользователей в целях реализации позитивных социальных проектов. Под краудсорсингом он понимал технологию социального действия, в основе которой лежит делегирование полномочий в решении разного рода задач массе интернет-пользователей, объединенных на различных сетевых площадках и выполняющих работу бесплатно или за небольшое вознаграждение [7, с. 21]. В ресурсной концепции описываются коллективные практики реализации творческого созидательного потенциала индивидов, которому нет места в офлайне. Важно, что цифровая толпа в концепции Хау становится мощным инструментом преодоления социального отчуждения.

Действительно, массы пользователей не ограничиваются обменом информацией, они стремятся к интеракциям со специальными эффектами, меняющими социальную реальность. Википедия, пожалуй, один из самых известных и масштабных проектов, осуществляемых с помощью краудсорсинга. Создание «свободной энциклопедии» на основе объединенного контента неизбежно приводит к ситуации, когда сталкиваются различные точки зрения. Исследователи А. Кальтенбруннер и Д. Ланиадо из компании Barcelona Media создали платформу Contropedia для анализа и визуализации споров в Википедии в реальном времени. Проведенный исследователями анализ показал, что конфликтность в Википедии, измеряемая объемом правок, очень мала, намного меньше, чем в социальных сетях.

Пользователи сети Интернет выступают за свободу информации и широкий доступ к интеллектуальным ресурсам. Часто упоминаемый пример в этой связи – свободное программное обеспечение Linux. Сегодня многие IT-компании

идут навстречу пользователям, предлагая им открытые программы в обмен на интеллектуальные ресурсы толпы. Другой пример – проект Sci-Hub А. Элбакян, поисковая система с бесплатным доступом к 64,5 млн научных академических трудов и статей. На этом сайте можно бесплатно получить доступ к огромному количеству платных публикаций, а ключи доступа к ним предоставляют ученые, которые уже подключены к платным базам данных. Интернет-пространство в целом не поддерживает право интеллектуальной собственности, но строго следит за соблюдением авторских прав. Пример работы в России Вольного сетевого сообщества «Диссернет» показывает, как чутко интернет-пользователи реагируют на попытки нарушения авторского права в научной сфере. Они поддерживают этот проект финансово и участвуют в нем в качестве экспертов, выявляя плагиат. В США государственное патентное бюро на постоянной основе использует сеть волонтеров, куда входят ученые, технические специалисты, люди, чья квалификация позволяет принимать участие в процессе рассмотрения заявок на патенты.

Попытки скрыть какую-либо информацию или запретить к ней доступ приводят к кризисным явлениям и еще большему распространению того, что пытались утаить. Показательны кейсы сайта Digg.com., когда в апреле 2007 г. после блокировки кода обработки HD-DVD пользователи стали его распространять на своих интернет-страницах в массовом порядке, а также история Барбары Стрейзенд, пытавшейся остановить распространение в сети фотографий своего дома, тем самым только увеличив просмотры. Эти примеры демонстрируют, что массы в цифровой среде действуют слаженно, организованно и добиваются поставленных целей, если вопрос касается свободы информации.

Разумеется, действия больших групп в сети Интернет не всегда бывают разумными и позитивными. Ярким примером негативного сетевого поведения толпы является троллинг, который можно охарактеризовать как процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путем нарушения этических правил интернет-взаимодействия. Разновидностью троллинга выступают флэйм, выражающийся в волне правок (постмодерации сообщений, тем, новостей), и «холивар», т.е. бесцельная конфронтация. Интернет-тролли могут испортить обсуждение, распространить вредный совет либо деструктивную идею, разрушить чувство взаимного доверия в сообществе,

таким образом, нанося существенный вред коммуникации. Общение в социальных сетях играет слишком большую роль в социальной жизни человека и очень часто приводит к открытым конфликтам. Исследователи из Университета Миссури Колумбия провели анализ 500 тыс. сообщений в Facebook и Twitter и показали, что большинство скандалов часто развиваются прямо в социальных сетях или продолжаются в Интернете. В некоторых случаях конфликты в сети могут привести к столкновению в реальном мире.

Однако для цифровых толп характерен новый баланс позитивных и негативных аспектов. Думается, что первые доминируют над вторыми в силу растущего государственного контроля и этической саморегуляции. Интернет-пользователи с помощью этического кодекса саморегулирования снижают и преодолевают эти практики путем блокировки агрессивных участников процесса коммуникации, удаления их аккаунтов, морального внушения и всеобщего осуждения. Рациональные действия толпы направляют коммуникацию в позитивное русло, стабилизируя систему социальных связей. Негативные явления в социальном сетевом взаимодействии также выступают источником выражения новой солидарности, носящей цифровой характер.

В целом цифровая толпа представляет собой новую форму групповой активности, для которой характерны повышение оперативности управления, усиление когнитивного потенциала, распределение наличных ресурсов для решения важных социальных задач. Ключевой функцией данного феномена является укрепление социальной солидарности в цифровом обществе, для которого характерны сверхбыстрое формирование и распад социальных связей, динамичная реорганизация институциональных форм. Поскольку индивиды чаще становятся инициаторами установления социальных связей, повышается групповая способность к кооперации. Иначе говоря, формируется новая цифровая солидарность, представляющая собой социальное явление, при котором большие массы людей прибегают к механизму социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага. Она проявляется в различных сферах организации сетевых действий, таких как цифровая экономика, цифровая демократия, новое производство знания, новая экспертиза, новый альтруизм, новый досуг и производство информационного контента, где люди воспринимают себя как сотрудников, а не как конкурентов, формируя целостное единство.

Классические формулировки солидарности (О. Конт, Э. Дюркгейм) имели аксиологическое, мифологическое или религиозное основание и носили идеологический характер. Новая солидарность имеет организационно-когнитивную природу, в которой у действия есть специфическая структура, связанная с построением сети. Одновременно она преследует рациональную цель, опираясь на новое знание о цифровой среде. Индивиды теперь сами строят горизонтальные социальные связи, которые раньше формировались стихийно в процессе социализации. Эти связи носят слабый и непрямой характер, что, по мнению М. Грановеттера, открывает лифты социальной мобильности [8, с. 41]. Любой пользователь Интернета может вступить в контакт и обмениваться информацией с любым другим пользователем, согласным на общение. Интернет трансформирует индивида в субъекта эгоцентрических слабых сетей, подыскивая и выбирая подходящих для его целей контрагентов, позволяя ему целенаправленно устанавливать слабые связи, которые служат основой солидарного действия в цифровой среде [9, с. 148–156]. Таким образом, опыт конструирования личных социальных сетей составляет сущность цифровой солидарности, что дает ключ к пониманию социальной динамики цифрового общества.

Образец для цитирования:

Артамонов Д. С. Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 124–129. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129>

New Digital Solidarity and “Rehabilitation” of a Crowd

D. S. Artamonov

Denis S. Artamonov, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, artamonovds@mail.ru

The article discusses the main studies of the mass/crowd social action in the digital space. The author compares classical social and philosophical mass analysis of society (XX century) and innovations by theorists of a digital society (XXI century). The author's aim is to substantiate the new concept of mass in the digital society. The author analyzes the socio-philosophical concepts of the masses in the Internet space. The practice of mass social networking is widespread on the Internet. Their distinctive feature is a rational basis. Social theorists note this fact and begin the philosophical rethinking of the role of the crowd in the social system. The transition from the negative perception of the crowd to its actual «rehabilitation» starts. The result is the recognition of the rationality of social actions of the crowd. New forms of social interaction have changed the nature of social consolidation and digital solidarity. The ideological foundations

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» (№ 19-011-00265).

Список литературы

1. McClelland J. S. *The Crowd and the Mob : from Plato to Canetti*. L., 1989. 343 p.
2. Валевиц Е. С. Эволюция коллективности в аспектах массы, толпы и вождизма // *Ценности и смыслы*. 2014. № 5 (33). С. 106–110.
3. Rheingold H. *Smart Mobs : The Next Social Revolution*. Cambridge, 2002. 266 p.
4. Surowiecki J. *The Wisdom of Crowds : Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations*. N.Y., 2004. 296 p.
5. Tapscott D., Williams E. *Wikinomics : How Mass Collaboration Changes Everything*. N.Y., 2006. 324 p.
6. Noveck B. *Wiki Government : How Technology Can Make Government Better, Democracy Stronger, and Citizens More Powerful*. Washington, 2009. 224 p.
7. Howe J. *Crowdsourcing. Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business*. N.Y., 2008. 280 p.
8. Грановеттер М. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
9. Кастельс М. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург, 2004. 328 с.

of solidarity are the thing of the past. Digital ways of large people masses unification, the priority of personal social connections and network actions rise. The author offers the definition of a digital crowd and reveals its main features: increase of its management efficiency, strengthening of cognitive potential, distribution of available resources for the solution for important social tasks.

Keywords: digital solidarity, crowd, mass, rehabilitation of a crowd, social networks, digital environment.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, the project “The social construction of historical memory in the digital world” (No. 19-011-00265).*

References

1. McClelland J. S. *The Crowd and the Mob: from Plato to Canetti*. London, 1989. 343 p.
2. Valevich E. S. The Evolution of Collectivity in the Aspects of Mass, Crowd and Leadership. *Cennosti i smysly [Values and Meanings]*, 2014, no. 5 (33), pp. 106–110 (in Russian).

3. Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, 2002. 266 p.
4. Surowiecki J. *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations*. New York, 2004. 296 p.
5. Tapscott D., Williams A. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York, 2006. 324 p.
6. Noveck B. *Wiki Government: How Technology Can Make Government Better, Democracy Stronger, and Citizens More Powerful*. Washington, 2009. 224 p.
7. Howe J. *Crowdsourcing. Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business*. New York, 2008. 280 p.
8. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. *Ehkonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology], 2009, vol. 10, no. 4, pp. 31–50 (in Russian).
9. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford University Press, 2001. (Russ. ed.: Kastel's M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve*. Moscow, 2004. 328 p.).

Cite this article as:

Artamonov D. S. New Digital Solidarity and “Rehabilitation” of a Crowd. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 124–129. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129>

УДК 111.6

Философия – путь к себе

Н. Д. Асташова

Асташова Надежда Дмитриевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, nadya.astashova@mail.ru

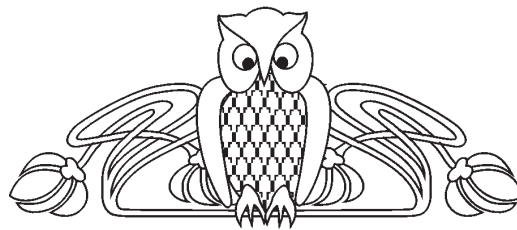
В статье анализируются проблемы философского мышления в контексте современного мировоззрения человека. Рассуждение строится на рассмотрении философии в качестве формы духовной культуры наравне с наукой, искусством и религией. Подчеркивается актуальность философского познания в наше время. Ставится цель определить роль и место философии в системе взаимодействия личности и общества. Современный человек оказывается в мире, где его существование безальтернативно подчиняется власти жестких социальных, культурных, технологических систем, где ему все труднее найти себе место. Без попыток осмыслить, понять смысл существования жизнь теряет значение для человека. Философствование путем четкого построения сознания преодолевает рутинное, плоское восприятие мира, направляет человека к тому, чтобы быть самим собой, подталкивает его к самостоятельным размышлениям, помогает противостоять различным внешним влияниям, понять и сохранить свою индивидуальность. Рассуждения о различных формах взаимодействия человека и философского знания в условиях современности приводят к выводам о том, что о философии как форме духовной культуры целесообразно говорить с позиций критического отношения к реальности, поиска истины, осмысления человеком себя и своего места в мире. Философия дает индивиду четкую систему координат, на основе которой он получает возможность вырабатывать собственное, принципиально новое мышление, способное противостоять информационному давлению современных социальных систем. Философия становится создающей и творческой силой, не только формирующей индивидуальное мироощущение человека, но и могущей повлиять на дальнейший прогресс всего общества.

Ключевые слова: философское знание, человек, социальная система, самоопределение, индивидуальность, ценность, уникальность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-130-134>

В условиях бурного научно-технического развития современного общества меняются содержание и мотивация человеческой жизни. Избыточность возможностей, возникших вследствие технологических революций, вступает в противоречие с когнитивными возможностями и программами личности, что не может не сказываться на внутреннем мире человека.

В сознании индивида возникает иллюзия постоянной смены жизненных ориентиров, распадается целостность восприятия мира. В итоге

познавательная, мыслительная деятельность редуцируется до уровня упрощенных схем, не являющихся результатом его собственных интеллектуальных и духовных усилий. Так, актуальным становится вопрос о самостоятельном, индивидуальном мышлении человека как осознанном, разумном отношении к миру, для чего необходимо сформировать критический подход к действительности как способу противостояния информационно-технологическому давлению социально-культурных систем.

Таким образом, обращение к философскому размышлению, философскому способу постижения действительности приобретает особую важность для нашего современника, а философия, как никогда, оказывается востребованной дисциплиной.

Представления о мире складываются из понимания его как мира природы и мира культуры. В этой системе философия предстает формой духовной культуры наравне с наукой, искусством и религией. Однако принципиальное отличие философии от других форм духовной культуры – концептуализация всего существующего в общих чертах человеческого сознания. Философия стремится ответить на вопросы о знании, мышлении, сознании человека, его проявлениях в мире, дойти до сути вещей, понять содержание истины. Ее смысл открывается уже в названии, которое переводится с греческого как «любовь к мудрости». Поэтому философские вопросы – вечные, метафизические («мета» – приставка «над» в греческом языке), то есть это вопросы, встающие над физической реальностью, над этим миром, выходящие за его пределы. Философия – это стремление во всем разобраться, ответить на предельные вопросы, выйти за границы сжатой имманентности существования мира.

Для философского способа познания характерно стремление освободиться от хаоса в сознании, найти лучшее, уникальное понимание реальности. Существование без философской осознанности мира очень красочно описал Платон в мифе о пещере: прикованные цепями в полной темноте люди способны видеть только

тени предметов, от выхода из пещеры их отделяет глухая стена, они никогда не видели света реального мира, его красок, единственное, чем им остается довольствоваться, это созданные кем-то силуэты, отблески костра, горящего в пещере. Это и есть их представление о мире [1, с. 2]. С чем-то похожим мы сталкиваемся и сейчас: при помощи технического прогресса, обуздав и заключив в определенные формы природу, человек создал собственные структуры, довлеющие над его сознанием. Общество и его институты навязывают индивиду поведение, представления, интересы. Вместо власти природы в современном обществе возникла власть, характеризующаяся «непрерывной работой нормы в рамках аномии» [2, с. 73]. По мнению Ж. Делеза, уже с XVIII в. начинают формироваться социальные структуры, ограничивающие свободные проявления индивида, стремящиеся подчинить себе желания, а также реализовать их [3].

Тем не менее В. Н. Порус высказывает точку зрения, согласно которой существует рационально обоснованная необходимость в существовании жестких рамок культурной жизни общества [4, с. 29]. Общество не может существовать без ценностных ориентиров, вырабатываемых культурой, сдерживающих своеволие и природную жесткость человека. Культура как систематизирующая сила общества требует от индивида признания и подчинения. Вместе с тем Ю. М. Резник отмечает тот факт, что культура не только обладает ограничивающими функциями, но и предоставляет условия для творческого развития личности [5, с. 183]. Таким образом, можно говорить о существовании ограничивающих культурных систем в обществе как об абсолютно естественном и исторически обусловленном процессе.

Другой аспект существования современного человека как элемента массового общества заключается в том, что он своей бездеятельностью и пассивностью сам создает условия для несвободы. Нежелание самостоятельно мыслить, овладевать механизмом существования стало нормой жизни, поэтому весьма логично выглядит сравнение современного человека с машиной [6]: массовый человек перестал быть действенным в мире, перестал ставить цели и идти к ним. Отсутствие рефлексии по отношению к миру приводит к чувству обреченности, непонимания происходящего и, как следствие, страху и отчаянию. В итоге наш современник оказывается в мире, где его существование безальтернативно подчиняется власти жестких социальных, культурных, технологических систем, где он все чаще не может найти себе место.

Тем не менее человек существует в мире как активное, осмысленное существо, и, как отметил Э. Фромм, это «единственное животное, для которого существование – проблема: он ее должен решить, и от нее нельзя никуда уйти» [7]. В связи с этим особенно остро встает вопрос обретения личностью собственного, индивидуально неповторимого бытия в мире, где властвуют жесткие социально-культурные системы. На этом пути в помощь нашему современнику приходит философское способопонимание действительности. Отвечая на вопросы: как мы познаем этот мир, кто такой человек, почему в мире все так, а не иначе, философия помогает человеку обрести уникальность своего существования. Со времен древнегреческой философии, задаваясь метафизическими вопросами, индивид начинает проявлять себя как духовное, мыслящее существо, через философствование в нем проявляется сверхприродное¹ – мышление, познание, творчество. Так, еще Сократ говорил о том, что неосознанная жизнь не стоит того, чтобы ее жить, то есть без попыток осмыслить, понять наше существование жизнь теряет значение, для того чтобы остаться Человеком, индивиду необходимо пройти через осознание [цит. по: 8, с. 376]. Философствование путем четкого построения сознания преодолевает рутинное, плоское восприятие мира, а отказ от него, как верно замечает К. Ясперс, приводит человека к исключению из движения в истории бытия [8].

Рассуждая о современном состоянии общества, Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что человек нуждается в новом откровении, которое не способно дать ему привычный мир [9, с. 206]. Философия – это способ снять завесу сознания, дающую нам ложное чувство понимания этого мира (иллюзию того, что мы что-то знаем и осмысливаем его, поскольку именно осознание своего незнания – первый шаг на пути к истине (по Сократу)). Философия, таким образом, позволяет смотреть на мир чистым, незамутненным взглядом, как бы заново, восхищаться и радоваться ему. В этом смысле человек представляется всегда нечто большим, чем он сам о себе думает. В процессе познания и осмысления ему приходится преодолевать себя: немощь своего незнания и ограниченности. В итоге индивид приобретает свободу решений и действий, начинает определять себя в мире,

¹ В данном контексте под сверхприродным следует понимать сложные виды человеческого опыта, необъяснимые естественным порядком вещей существования в физическом мире: разум, совесть, творчество, духовно-нравственные основы общественной жизни, трансцендентальный опыт и т.п.

понимать свое место и путь в обществе. Такой процесс немалозначим без усилий самого человека, его устремленности к постоянному самосовершенствованию, желания непрерывно взаимодействовать с миром, то есть это «движение к бытию, поступательный шаг к тому, чтобы быть» [10, с. 87]. В этом смысле особое значение приобретает философский способ мышления, предполагающий особое мировосприятие, в основу которого положена большая духовная работа над собой. Как верно отмечает Ю. М. Резник, «индивидуальная картина мира поднимается до уровня панорамного видения, способного воспринимать любой предмет одновременно с разных сторон» [5, с. 187]. Человек обретает свободу мыслить и действовать самостоятельно, не оглядываясь на установленные кем-то рамки и стандарты.

О высокой потребности в философском осмыслении для современного человека свидетельствует и возникновение направления «философское консультирование» (Г. Ахенбах, Л. Маринофф, О. Бренифье) [цит. по: 11] в Европе конца 1980-х гг. «Философское консультирование» появилось как альтернатива привычному психоанализу, который не может дать человеку ответа на сложные вопросы позиционирования себя в мире. К нему обращаются люди, желающие не просто разобраться с какой-то конкретной проблемой, а получить осознанное существование, прояснить формы своей жизни, произвести переоценку своих ценностей и, как следствие, получить новое качество существования, сформировать иной подход к бытию. Так, когда человек начинает «делать себя как свободное существо» (по Фихте), появляется гармоничная личность, для которой системные ограничения общества перестают быть тотальными. Для цельной личности возможно существование вместе с другими внутри социальной структуры, которая не воспринимается как всепоглощающая и давящая.

Философия направляет человека к тому, чтобы быть самим собой, она подталкивает его к самостоятельным размышлениям, помогает ему противостоять различным внешним влияниям, понять и сохранить свою индивидуальность. Она формирует у личности самостоятельные суждения о мире, о самом себе, о других людях. Поскольку мысль – это всегда нечто новое для человека, она всегда актуальна в отличие от физического мира, который в этом смысле остается неизменным для восприятия. Благодаря самоактуализации через мысль у человека появляется реальность, в которой он способен творчески себя реализовывать как духовное, сверхприрод-

ное существо. Противостоя внешним влияниям, философское осмысление приводит к гармонии с собой и миром, т. е. представляет некую потенциальную возможность быть счастливым. Счастье – это определенное состояние души, не зависящее от внешних вещей и событий, это наша мысль о мире. Таким образом, философское знание показывает, как обрести счастье, которое достигается через осмысленность существования человека в мире. Философия помогает перезапустить сознание, осуществляя на практике известный афоризм: хочешь быть счастливым, будь им.

В. С. Швырев предлагает идею «открытой рациональности», которая заключается «в осознанной, как необходимое условие адекватного отношения к миру, готовности к постоянному совершенствованию оснований мироориентации человека как свободного и ответственного субъекта, контролирующего и проблематизирующего свои позиции по отношению к объемлющему его миру, который всегда превышает возможности “конечного” его освоения» [12, с. 113–114]. «Открытая» рациональность – это творческое освоение мира. В качестве ее примера можно привести тенденцию отставания современным человеком права на свой путь в жизни. Часто его поведение не укладывается в рамки привычного социального поведения, оно кажется нелогичными, но с позиций личности – это вполне рациональный путь обретения себя (понятное желание следовать собственным устремлениям и ценностям). Все чаще приходится слышать о случаях, когда менеджеры крупных компаний, банков, преуспевающие по всем общепринятым параметрам люди, кардинально меняют образ жизни, а часто и профессию, чтобы обрести новую ценность существования в мире. Оставляя финансовое благополучие и стабильность, они находят счастье в более размеренной спокойной жизни с меньшими материальными возможностями, но более высоким духовным и духовным потенциалом творческого развития. Это путь людей, осознанно пошедших на разрыв с общепринятыми стандартами и стереотипами, в обмен на обретение уникальности своего момента жизни.

Таким образом, о философии как форме духовной культуры сверхприродного существования человека целесообразно говорить с позиций критического отношения к реальности, поиска истины, осмысления человеком себя и своего места в мире. Философия дает индивиду четкую систему координат, на основе которой он становится способным вырабатывать собствен-

ное, принципиально новое мышление, дающее возможность противостоять информационному давлению современных социальных систем. Философия превращается в созидующую и творческую силу, не только формирующую индивидуальное мироощущение человека, но и способную повлиять на дальнейший прогресс всего общества.

Список литературы

1. Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. 654 с.
2. Фуко М. Психиатрическая власть : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб., 2007. 450 с.
3. Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля. URL: <http://www.aitrus.info/node/754> (дата обращения: 01.04.2018).
4. Порус В. Н. Имитация рациональности : симулякры бюрократии // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 26–37.
5. Резник Ю. М. Человек за границами культуры и социальности : трансперсональность как предмет социальной теории (метафизические основания) // Вопросы социальной теории. 2009. Т. III, вып. 1 (3). С. 180–195.
6. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М., 2011. 592 с.
7. Фромм Э. Психоанализ и религия. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fromm_PsRel/02.php (дата обращения: 29.04.2018).
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. 408 с.
10. Платон. Диалоги. М., 1986. 607 с.
11. Лахав Р. Философская практика – quo vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7–14.
12. Швырев В. С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 105–116.

Образец для цитирования:

Асташова Н. Д. Философия – путь к себе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 130–134. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-130-134>

Philosophy as a Way to Yourself

N. D. Astashova

Nadezhda D. Astashova, <https://orcid.org/0000-0002-9338-7763>, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod 603000, Russia, nadya.astashova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the problem of philosophical thinking for the modern worldview of man. The reasoning is based on the consideration of philosophy as a form of spiritual culture along with science, art and religion. The article deals with the problem of the relevance of philosophical knowledge for the present. The aim is to determine the role and place of philosophy in the system of interaction between the individual and society. Our contemporary finds himself in a world where his existence without alternative submits to the power of stringent social, cultural, technological systems, where he increasingly can not find a place for himself. Without trying to comprehend, to understand the meaning of existence, life loses its meaning for man. Philosophizing by a clear construction of consciousness overcomes the routine, flat perception of the world, it directs a person to be himself, pushes him into independent reflections, helps him to resist various external influences, to understand and preserve his individuality. Reasoning about various forms of interaction between man and philosophical knowledge in the modern world leads the author to the conclusion that it is expedient to speak about philosophy as a form of spiritual culture, super-natural existence of man from the perspective of critical attitude to reality, search for truth, understanding of man himself and his place in the world. Philosophy

gives the individual a clear coordinate system, on the basis of which he becomes able to develop his own, fundamentally new thinking, capable of resisting the information pressure of modern social systems. Philosophy becomes a powerful and creative force, that forms not only the individual worldview of man, but also able to influence the further progress of society.

Keywords: philosophical knowledge, person, social system, self-determination, individuality, value, uniqueness.

References

1. Platon. *Sobr. soch.*: v 4 t. [Complete Works: in 4 vols.]. Moscow, 1994, vol. 3. 654 p. (in Russian).
2. Fuko M. *Psikhiatricheskaya vlast': kurs lektzii, prochtannykh v Kollezh de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power: a course of lectures given at the Collège de France in the 1973–1974 academic year]. Trans. from Fr. A. V. Shestakov. St. Petersburg, 2007. 450 p. (in Russian).
3. Delez Zh. *Post scriptum k obshchestvam kontrolya* [Post Scriptum to Societies of Control]. Available at: <http://www.aitrus.info/node/754> (accessed 1 April 2018) (in Russian).
4. Porus V. N. Simulation of Rationality: Simulations of Bureaucracy. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2011, no. 3, pp. 26–37 (in Russian).
5. Reznik Yu. M. Man Beyond the Borders of Culture and Sociality: Transpersonality as a Subject of Social Theory (Metaphysical Grounds). *Voprosy sotsial'noi*

- teorii* [Questions of Social Theory], 2009, vol. 3, iss. 1 (3), pp. 180–195 (in Russian).
6. Rittser Dzh. *Makdonaldizatsiya obschestva 5* [McDonalization of a Society 5]. Trans. from Engl. A. V. Lazarev; introductory article T. A. Dmitriev. Moscow, 2011. 592 p. (in Russian).
 7. Fromm E. *Psikhoanaliz i religiya* [Psychoanalysis and Religion]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fromm_PsRel/02.php (accessed 29 April 2018) (in Russian).
 8. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and Purpose of History]. Moscow, 1991. 527 p. (in Russian).
 9. Ortega-i-Gasset Kh. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow, 1991. 408 p. (in Russian).
 10. Platon. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow, 1986. 607 p. (in Russian).
 11. Lakhav R. Philosophical Practice – Quo Vadis? *Sotsium i vlast* [Society and Power], 2016, no. 1 (57), pp. 7–14 (in Russian).
 12. Shvyrev V. S. Rationality in Modern Culture. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1997, no. 1, pp. 105–116 (in Russian).

Cite this article as:

Astashova N. D. Philosophy as a Way to Yourself. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 130–134. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-130-134>

УДК 130.3

Идея сверхчеловека в творчестве М. Горького: рецепция ницшеанского *Übermensch* и социально-революционный порыв

Д. А. Беляев

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии, социологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, dm.a.belyaev@gmail.com

Статья посвящена анализу художественно-образной объективации идеи сверхчеловека в литературном творчестве М. Горького. В исследовании поднимается проблема ницшеанства Горького, его рецептивного диалога с философией Ф. Ницше и семантического освоения концепта «*Übermensch*». Цель работы – выявление форм художественного воплощения идеи сверхчеловека и особенностей ее смысловой интерпретации в типических образах героев ранних произведений Горького. Констатируется, что в XIX – начале XX в. формируется новая, социально-революционная модальность конкретно исторической экспликации идеи сверхчеловека, получившая особую выраженность в дискурсе отечественной литературы критически-реалистической направленности. Компаративный семантический анализ работ Горького позволил обнаружить вполне определенное присутствие в нем отдельных ницшеанских мотивов и смыслов. В частности, их сближают темы нигилизма, преодоления «приземленности», культа свободы и деятельно-бунтарского порыва. Выявлено, что М. Горький сформировал свою, исторически актуальную социально ориентированную модель интерпретации ницшеанского *Übermensch*. Реконструированы и проанализированы две модели художественно-литературного воплощения идеи сверхчеловека – образно-символическая и социально-реалистическая. Формулируется вывод, согласно которому сверхчеловек у Горького по преимуществу понимается как ценностно и социально инаковый человек-революционер, устремленный к свободе через бунтарский нигилизм и ломку общественных стереотипов.

Ключевые слова: сверхчеловек, Горький, Ницше, *Übermensch*, свобода, нигилизм, русская литература.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-135-139>

Идея сверхчеловека глубоко укоренилась в истории культуры. Она воплощает совокупность представлений о горизонте антропологической трансформации, а также об образе превосходного, совершенного или иномерного человека. Не случайно Б. Шоу отмечал, что сверхчеловек является «ровесником Прометея». Долгое время идея сверхчеловека оставалась феноменом исключительно мифологического, религиозно-мистического и эзотерического сознания. Однако в Новое время постепенно начинается ее социально-историческая объективизация. Идея

сверхчеловека выходит за рамки мифотеологического культурного дискурса и, пусть пока во многом и имплицитно, осваивается как феномен социальной реальности. В контексте этой линии в XIX – начале XX в. формируется новая, социально-революционная модальность конкретно исторической экспликации идеи сверхчеловека.

Как культурный феномен он изначально появляется в дискурсе художественной литературы, которая в XIX столетии особенно явно становится пространством ценностных и социальных рефлексий. И в этом качестве исключительное значение имеет творчество ряда отечественных писателей, ставшее зеркалом перспективного отражения передовых, пока еще полусознательных интенций, предчувствований и ожиданий, фундирующих становящийся дух социально-революционного обновленчества. Более того, русская литература XIX – начала XX в. сформировала особый рефлексивный дискурс осмысления идеи сверхчеловека, прежде всего, как аксиологического феномена, единицы пространства непосредственной и перспективной социокультурной практики.

В смысловом плане отечественное художественно-литературное осмысление идеи сверхчеловека шло в унисон с западноевропейской философской традицией, основным выразителем которой во второй половине XIX в. становится Ф. Ницше. Собственно, немецкий мыслитель определяет своего *Übermensch*, прежде всего, как аксиологического революционера, нигилиста и творца новых ценностей, что семантически вполне релевантно образам «новых людей» в творчестве М. Ю. Лермонтова, Н. Г. Чернышевского и Ф. М. Достоевского. Не случайно в ницшеведении уже с начала XX в. общим местом становится проведение параллелей между идеей сверхчеловека в философии Ницше и некоторыми персонажами (например, Родиона Раскольникова, Алексея Кириллова, Ивана Карамазова) романов Достоевского. Да и идейная перекличка героев Лермонтова с ницшеанским *Übermensch* была отмечена уже В. С. Соловьевым, также вполне очевидна некоторая внешняя близость «философии Рахметова» Чернышевского «философии сверхчеловека»

Ницше. Однако творчество другого видного отечественного писателя, «буревестника революции» М. Горького совершенно незаслуженно зачастую исключается из широкого пространства художественно-литературной объективации идеи сверхчеловека. В этой связи особенно интересен и примечателен факт непосредственного «ницшеанского присутствия» в творчестве отечественного писателя. И здесь мы категорически не согласны с позицией Р. Т. Певцовой, которая утверждает, что «восприятие молодым Горьким «ницшеанских художественных установок» и принятие им идеи ницшеанского «сверхчеловека» – не что иное, как псевдонаучные размышления» [1, с. 6]. По нашему мнению, Горький создает особое художественно-литературное пространство репрезентации идеи сверхчеловека, которое основывается на модели ницшеанского *Übermensch*, но авторски переосмысленной в социально-революционной модальности с учетом культурно-исторического контекста реалий конца XIX – начала XX в. и общего «духа времени».

С одной стороны, известно, что Горький интересовался трудами Ницше и, как показывает Ю. П. Соколова, даже стилистически на уровне отдельных лингвоформ был близок немецкому философу, используя его «обороты речи и даже целые отрывки» [2, с. 107–108]. Л. А. Колобаева также констатирует несомненное идейное влияние эстетики Ницше на творчество молодого Горького [3, с. 165–166]. Более того, с 1899 г. Горький становится руководителем литературного кружка, изучающего творческое наследие Ницше. Не случайно уже в начале XX в. писателя называли «нашим “ницшеанцем-самородком”, сменившим в одиночку смиренное настроение своего времени на воинственную бодрость» [4, с. 19]. Сам Горький уже в 1930 г. в «Беседах о ремесле» подтверждает, что «снабдил» некоторых своих героев «кое-чем от философии Ницше» [5, с. 490–491]. С другой стороны, русский писатель преломляет отдельные идеи Ницше через призму собственной социально-героической семиосферы, что, в частности, рождает оригинальную социокультурно-антропологическую модель интерпретации идеи сверхчеловека.

Следует помнить, что творческая эволюция М. Горького включает в себя полярное отношение к философии Ф. Ницше. Например, уже в 20–30 гг. писатель упрекает его учение в «проповеди жестокости», апологетике рабства, которое категорически необходимо для «создания людей высшего типа – “сверхчеловеков”»

[5, с. 492–493]. Отчасти эта позиция была во многом продиктована спецификой идеологического контекста, сформированного в советской России, осудившим, а впоследствии и практически табуировавшим философию Ницше. Одновременно критический взгляд Горького на идеи немецкого мыслителя имеет, безусловно, и содержательно-смысловые основания. В частности, отечественный писатель как апологет социальной демократии и эгалитаризма, категорически не мог принять аристократических интенций Ницше [6, с. 81].

В конце XIX в. мировоззрению и творческой направленности Горького оказались созвучны некоторые идеи философии Ницше, которые писатель образно воплощает в своих героях. Условное *ницшеанство* Горького основывается на развитии им следующих тем: протест против буржуазной культуры, героический пафос, апологетика свободы, актуализация концепта «сильная личность» и нигилизм.

Несмотря на преобладание реалистической манеры художественного повествования в творчестве Горького, заметное место в образно-символическом оформлении авторской проекции идеи сверхчеловека занимает небольшой рассказ «Песня о Соколе», пронизанный глубоким символизмом. Есть все основания полагать, что «Песня о Соколе» написана Горьким под непосредственным влиянием идей Ницше и, в частности, философской притчи «Так говорил Заратустра». Например, Сокол и Уж – главные герои рассказа – фактически являются выразителями ницшевской идеи *amor fati*. Также известно, что на начальном этапе продумывания рассказа Горький избирает своим героем орла, а не сокола, а это, в свою очередь, является уже прямым пересечением с сюжетом об орле и змее из «Заратустры».

Итак, в «Песне о Соколе» храбрый и свободный Сокол противопоставлен *приземленному*, практичному и по-своему мудрому «земли творенью» – Ужу. Основной конфликт рассказа раскрывается через разность деятельного отношения и жизненного целеполагания героев. Так, рационально мыслящий Уж резонно полагает: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет» [7, с. 153]. Однако Сокол находится за рамками этой логики «фатального равенства», для него форма деятельного проживания определяет смысл жизни, а не ее неизбежный конец. Для Сокола жизнь – это героическая борьба, преодоление и полет, для Ужа – спокойствие и сытый комфорт ползанья по теплой земле.

Симптоматично, что жизненная энергетика Сокола, его «тяга к небу» провоцирует в Уже размышления о смысле, возможно, заключенном в полете. «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!» [7, с. 153]. Однако в ходе эксперимента Уж совершает деятельную подмену полета его симуляцией, на основе чего выстраивает ложную критику жизненной модели Сокола, перерождаясь из расудительного мудреца в «образец обывательской ограниченности» [2, с. 126]. Через образ Сокола Горький прославляет «безумство храбрых», которые живут волей к борьбе, полету и свободе. Также в конце рассказа автор наполняет общественным смыслом жертвенность и гибель Сокола, которая в перспективе окажется способна «зажечь безумной жаждой свободы» «много смелых сердец» [7, с. 155], т.е. совершить переворот в сознании масс относительно основных жизнеполагающих ценностей.

В целом художественный концепт «сокол» как сверхчеловеческая метафора, героизирующая деятельную жизненную модель как континуум перманентных актов волевых преодолений, нашел отклик и прочно укоренился в пространстве современной культуры. Символ стремления к полету, обретению способности летать оказывается релевантен образу преображенного (лучшего) человека, стремящегося к преодолению наличной приземленности. Это символическое описание деятельной модели «нового человека» нашло свое развитие в реалистической прозе писателя. В ранних рассказах М. Горького происходит становление концепта «сильная личность», основой которого являются тяга к абсолютной свободе, независимости, агрессивность и до некоторой степени нигилизм и асоциальность. Все эти характеристики в той или иной степени присущи таким художественным персонажам, как Челкаш, Зобар, Рада, Мальва, Силан. Обращает на себя особое внимание то, что преступление как деятельное воплощение предельного асоциального поведения для этих героев оказывается, как точно отмечает Ю. П. Соколова, «свидетельством жизненной силы» [2, с. 111]. То есть общественные нормы, традиционная этика определяются ограничителями «полноты жизни», а через их преступление происходит становление «настоящего человеческого начала» и утверждение свободы, являющейся высшей ценностью для всех этих героев. Также, пусть и не акцентированно, присутствует мысль, что и вера в Бога как высший нравственный Абсолют есть фактор ограничения «жизненной силы» человека. Здесь важны

ценностные приоритеты, которые расставляют герои Горького – «жизненная свобода», дающая «полноту жизни», оказывается важнее общественно-традиционной («рабской») морали.

Особенно рельефно и показательно, на наш взгляд, сравнение двух главных героев рассказа Горького «Челкаш». Челкаш – «ловкий, смелый вор» и «заядлый пьяница» олицетворяет «свободного человека» [7, с. 119–120]. Он показан Горьким нарочито «хищно» и агрессивно, что усиливает его сопоставление с ястребом. Гаврила – скромный и боязливый крестьянин, пришедший в город на заработки. Внешне он тоже силен, но его сила иного рода, нежели у Челкаша, она носит *приземленный* характер. В ней нет реактивности, жизненной экспрессии и свободы. Всегда пределом его свободы, даже в мечтах, является Бог, а само пространство свободы и одновременно несвободы создается деньгами, что в конечном счете делает его в глазах Челкаша «жадным рабом» [7, с. 147].

Само именование Гаврилы «рабом» подразумевает, что Челкаш оказывается «господином». Собственно главным атрибутом данного господства является пространство свободы, в котором находится Челкаш. Это возвышает его в своих глазах и наполняет «жалостью и ненавистью» по отношению к «рабу» [7, с. 146]. Между тем сам Гаврила, несмотря на страх и некоторый пиетет перед Челкашем, констатирует «ненужность его на земле». Именно это понимание «человеческого превосходства» и одновременно социокультурной ненужности «сверхчеловеков» создает драматический диссонанс в творчестве Горького и по-новому проблематизирует идею сверхчеловека.

Символическое перекодирование и считывание ситуации конфликтности данных героев, как и в случае «Песни о Соколе», позволяет говорить об архетипическом столкновении двух начал – воздуха и земли. Воздух – это свобода и независимость, легкость полета и жизненная энергетика. Земля – традиция, укорененность, рождающая в понимании Горького ограниченность и несвободу. Фактически противостояние Челкаша и Гаврилы – это столкновение свободы и несвободы в пространстве социокультурной реальности, и моральную победу одерживает свобода, т.е. новая, в сравнении с традиционной, ценностная модель, возвышающая новый тип героя и «лучшего» человека вообще.

Одновременно с этим герои Горького существуют в приземленно-реалистичной бытовой действительности. Они являются субъектными репрезентаторами конкретной социокультурной

реальности, что обеспечивает возможность непосредственного проецирования и конвертирования деятельной матрицы этих героев в контекст непосредственной культурной реальности. Это создало огромный потенциал для конкретно-исторической актуализации данных сверхчеловеческих типажей Горького.

На наш взгляд, Горький довольно чутко уловил ценностно-антропологическую точку надлома современной ему культуры и предпринял попытку ее художественно-образного исследования, в результате чего был сформирован литературный дискурс «рассказов о новом человеке», призванный стать социокультурным прогрессором. Очевидна авторская уверенность, что именно новая духовно-ценностная конституция человека, основой которой будут свобода, воля, абсолютность Я, социокультурный нигилизм, станут условием рождения нового, превосходно человеческого. Соответственно сверхчеловек понимается по преимуществу как ценностно и социально инаково-трансгрессивный человек-революционер.

В целом художественные образы Сокола и «свободного босняка» Горького являются, на наш взгляд, отражением революционного духа времени и актуальных социокультурно ориентированных антропологических исканий. Более

того, отчасти именно они фундировали вскоре сформировавшийся концепт «советского человека», который стал новой страницей в истории культурной феноменологии идеи сверхчеловека в ситуации радикальной революционно-социалистической трансформации. И в этом смысловом измерении вполне можно согласиться с Т. Манном, видевшим в творчестве Горького своеобразную тропу, ведущую от Ницше к советскому социализму, где также сформировалась особая модальность культурной объективации идеи сверхчеловека.

Список литературы

1. Певцова Р. Т. М. Горький и Фридрих Ницше. М., 2001. 65 с.
2. Соколова Ю. П. Архетип «Ницше» в русской литературе 1890–1910 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2002. 170 с.
3. Колобаева Л. А. Горький и Ницше // Вопр. литературы. 1990. № 10. С. 162–173.
4. Лихтенберже А. Философия Ницше. СПб., 1901. 144 с.
5. Горький М. О литературе. М., 1953. 868 с.
6. Кулагина Г. Н. Культурно-этический идеал сверхчеловека. Ницше и творчество М. Горького // Философские аспекты культуры. Казань, 1993. С. 80–82.
7. Горький М. Собр. соч. : в 16 т. М., 1979. Т. 1. 432 с.

Образец для цитирования:

Беляев Д. А. Идея сверхчеловека в творчестве М. Горького: рецепция ницшеанского *Übermensch* и социально-революционный порыв // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 135–139. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-135-139>

The Idea of the “Overman” in M. Gorky’s Creative Work: the Reception of the Nietzschean *Übermensch* and the Social Revolutionary Impulse

D. A. Belyaev

Dmitriy A. Belyaev, <https://orcid.org/0000-0002-8062-1039>, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russia, dm.a.belyaev@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the artistic-figurative objectification of the idea of the Overman in M. Gorky’s literary works. The study addresses the problem of Gorky’s Nietzscheanism, his receptive dialogue with F. Nietzsche’s philosophy and the semantic development of the *Übermensch* concept. The aim of the work is to identify the forms of artistic embodiment of the Overman idea and the peculiarities of its semantic interpretation in typical characters of Gorky’s early works. In the course of the research it is stated that in the XIX – early XX century a new, socially revolutionary modality of a concrete historical explication of the Overman idea is formed, and has received its special manifestation in the discourse of the

national literature of the critical-realistic orientation. The comparative semantic analysis of Gorky’s works allowed the discovery of the quite definite presence of the individual Nietzschean motifs and meanings in it. In particular, they are brought together by the themes of nihilism, overcoming of everydayness – the cult of freedom and – the rebellious impulse. It was also brought out that Gorky had formed his historically relevant socially oriented model for the interpretation of the Nietzschean *Übermensch*. Two models of artistic and literary embodiment of the Overman idea were reconstructed and analyzed. They are the image-symbolic and social-realistic models. In conclusion of the study, we can say that Gorky’s Overman is primarily understood as a value-driven and socially different revolutionary man, striving for freedom through rebellious nihilism and breaking – social stereotypes.

Keywords: overman, Gorky, Nietzsche, *Übermensch*, freedom, nihilism, russian literature.

References

1. Pevtsova R. T. M. *Gorkiy i Fridrikh Nitshe* [Gorky and Friedrich Nietzsche]. Moscow, 2001. 65 p. (in Russian).

2. Sokolova Yu. P. *Arkhetip «Nitsشه» v russkoy literature 1890–1910 gg.* [The Nietzsche Archetype in Russian Literature of 1890–1910]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Magnitogorsk, 2002. 170 p. (in Russian).
3. Kolobaeva L. A. Gorky and Nietzsche. *Voprosy literatury* [Literature Questions], 1990, no. 10, pp. 162–173 (in Russian).
4. Likhtenberzhe A. *Filosofiya Nitsشه* [Nietzsche's Philosophy]. St. Petersburg, 1901. 144 p. (in Russian).
5. Gorkiy M. *O literature* (About Literature). Moscow, 1953. 868 p. (in Russian).
6. Kulagina G. N. Cultural and Ethical Ideal of Overman. Nietzsche and the Works of M. Gorky]. In: *Filosofskie aspekty kultury* [Philosophical Aspects of Culture]. Kazan, 1993, pp. 80–82 (in Russian).
7. Gorkiy M. *Sobr. soch.: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.]. Moscow, 1979, vol. 1, 432 p. (in Russian).

Cite this article as:

Belyaev D. A. The Idea of the “Overman” in M. Gorky’s Creative Work: the Reception of the Nietzschean *Übermensch* and the Social Revolutionary Impulse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 135–139. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-135-139>

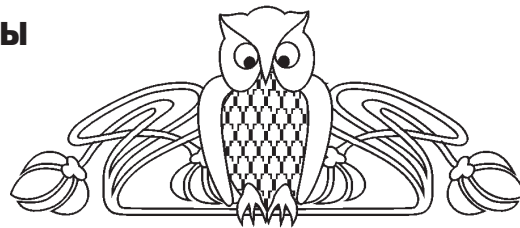

УДК 111+7.01

Онтологические аспекты атмосферы

О. В. Костина

Костина Ольга Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, Kostina1965@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологического статуса атмосферы, условий и качеств, которые способствуют формированию атмосферных эффектов. Смысловая линия текста – пространственное измерение атмосферы (пространство, задаваемое чувственными модальностями бытия как присутствия и события). Именно это характеризует мир настроений, чувств как тонкую материю созвучий и гармонических соответствий, которую сложно описать в терминах причинно-следственных связей. В конечном итоге эти невидимые магнитные линии оказываются важнейшими онтологическими опорами человеческого существования и понимания. Важно подчеркнуть, что базовый слой этих переживаний знаменует полноту соприкосновения человека с миром. Настроение как условие входа в событие есть и условие возникновения атмосферы. Это подлинное бытие, связанное с условиями собственного существования. В данном измерении культура может пониматься как совокупность таких «сильных мест», максимальной степенью реализации которых является искусство в особом измерении целостности и интенсивности проживания смыслов, длящегося очарования присутствия. В этом пространстве нельзя быть формально, оно захватывает человека целиком, перестраивает архетектонические связи и создает особые режимы для существования, здесь требуется «участное» мышление, приобщение, а не овладение. Это пространство событийности, живой магнетика места.

Ключевые слова: атмосфера, настроение, искусство, событие, пространство, аура, эстетический опыт, целостность, чувства, присутствие.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-140-144>

С. Л. Франк прочитав Ницше, был потрясен не его учением, а атмосферой глубины духовной жизни, духовного борения, которая окутывала эту книгу. Загадочное слово «атмосфера» предельно точно выражает философский смысл произведенного действия: это не точечное воздействие идеи, концепта, слова, а созвучность смысловых линий, магнетика пространства мысли.

Цель статьи – определить онтологические аспекты понимания атмосферы. Это новое понятие, которое идет от эстетики и антропологии. На сегодняшний день есть лишь небольшое количество отечественных публикаций по данной теме, которые, разумеется, не восполняют интерес к рассматриваемой области исследования (работы К. Г. Фень, А. С. Абрамовой, а также труды, посвященные отдельным аспектам атмосферы в социальной философии, искусствознании и т.д.).

Онтологический статус атмосферы неопределенный. Г. Бёме характеризует его как междуыйный, т.е. между субъектом и объектом [1, с. 288]. Г. Шмитц пишет о том, что сами чувства представляют собой атмосферные составные части среды, в которую может попасть воспринимающий субъект, но они не являются всецело внутренними душевными состояниями, которые могут со временем ослабевать или исчезнуть [цит. по: 2]. Т. Фукс размышляет о целостных качествах среды [3]. А. С. Абрамова справедливо полагает, что, несмотря на эти неопределенности, атмосфера обладает онтологической действительностью, она настраивает мир, являясь не данностью вещи, а ее экстазом [2]. В свою очередь хотелось уточнить этот онтологический мотив «присутствия», который задает возможности для понимания атмосферы.

Думается, что актуальность этой темы связана с переформулированием многих философских категорий на язык эстетики, пространственного опыта и эффектов. Прежде всего хотелось обозначить пространственные интуиции современной эстетики и философии. Все чаще мы определяем опыт сознания и жизни человека в терминах пространства. Более того, само время является выводимым из пространства. Напомним, что речь идет не о пространстве как вместилище, а о «пространстве значимостей» [4, с. 134]. Это не метрическое пространство протяжения, а смысловое пространство, которое создает событийные структуры бытия (сильные пространства искусства и творчества), позволяющие человеку присутствовать в мире. Данное пространство не подавляет, а проявляет самость, сохраняет существенность, в нем господствует особое хронотопическое измерение бытия, где пространственные и временные характеристики пересекаются, собственно, это и есть вступление в сферу смыслов [5, с. 406]. Подобное отрешение–восхищение мы испытываем, когда читаем интересный роман, присутствуем на прекрасном концерте, забывая о реальном времени, погружаясь в вечность.

Чем определяется событие входа? Некой тягой, притяжением, магнетическим включением в себя. Но это не притяжение необходимости,

логического следования или диалектического движения понятий, а вступление в пространство, которое Хайдеггер называл решимостью, или захваченностью. Не захват, как писал В. Бибихин, в смысле желая присвоить, а захваченность как тяга по целому, которая обусловлена настроением. «Но всякая захваченность исходит из настроения и пребывает в таковом», – пишет Хайдеггер [6, с. 331]. Важно отметить, что слово «настроение» связано с глаголами «настроить» и «настроиться» в музыкальном значении и производных от него (ср. нем. *Stimmung* и *Stimmen*) [7]. Такое музыкальное поле дает множество возможностей, которые связаны с тонкими материями созвучий, гармоний, синхроничностей. Их сложно описать в терминах причинно-следственных связей, ведь они представляют собой часто рассеянные, летучие образования, которые трудно дефинировать.

Мир настроений, атмосфер, чувств – это мир не физики, а тех условий, благодаря которым мы присутствуем в этом мире. Чувственные модальности задают нам общую линию эмоционального восприятия мира, который связан с нашей жизненной активностью. Настроенность – конструктивный элемент для осмысления опыта [8, с. 78]. Базовый слой таких переживаний пространственен в прямом смысле этого слова, он обусловлен телесной активностью, подобная настроенность – активность (самочувствие по Хайдеггеру), по мнению исследователей, окрашивает наше отношение к миру, выстраивая основные модусы присутствия. Если настроения находятся посередине между внутренним и внешним полюсами этого пространства, то атмосферы воспринимаются как целостные качества пространственных сред, межличностных ситуаций, которые включают в себя их физиономические, синестетические и динамические характеристики: шумную атмосферу вечеринки, угнетающее настроение похорон, внушающую благоговение ауру собора или зловещую атмосферу ночного леса [3]. В конечном итоге они являются невидимыми магнитными линиями, которые определяют наше присутствие в мире, дают нам широкую палитру нюансированных способов его восприятия.

Лишаясь этих настроений, мы становимся биороботами, действующими в режиме безукоризненного подчинения, просто функционируем, утрачивая свою человеческую (утонченную, строптивую, творящую) природу. Исследователи полагают, что настроения являются процедурами вписывания, энергетическими разрывами, которые оказываются в конечном итоге базовыми гомеостатическими опорами [9, с. 31]. Например, настроение меланхолии. Можно говорить не только об опустошенности человека, но и

об опустошенности мира. Меланхолия и есть основная тональность современной культуры, которая демонстрирует пресыщенность формами и странное состояние тоски культуры по утраченному реальному (Ж. Бодрийяр). Важным ключевым термином здесь выступает термин «утрата». Не случайно подобное состояние возникает в так называемые переходные периоды развития культуры, кризисные эпохи. Мрачная социальная настроенность – меланхолия, по оценке исследователей, была травматическим ощущением потери, когда время теряло свои прочные основания. Это чувствовали, например, образованные европейцы XIX и XX вв., высказывая свою усталость и печаль в переписке, художественной литературе, поэзии (Ж.-П. Сартр, в частности, назвал свою первую повесть «Меланхолия», но издатель предпочел другое название – «Тошнота»). Русская действительность, с точки зрения общественного настроения, тоже была мрачной. Об атмосфере общественного уныния, отчаяния, пессимизма писали многие авторы того времени. Так, популярнейший обозреватель издания «Газета-копейка» О. Блотерманц (псевдоним Скиталец) в 1913 г. пришел к заключению, что «наша действительность – безотраднa, итоги – ничтожны, а надежда – отлетела от нас». Взамен новых пожеланий счастья он предлагал молчание [10, с. 31]. Конечно, культура – живой организм, настроение декаданса в истории сменяется конструктивным оптимизмом. Но меланхолическая задержка, остановка в пути, глубокое понимание распавшейся нити времен, бессмыслицы бытия и есть его смысл, способ вхождения в присутствие как архаический сигнал, который впоследствии обретет жизнь знака, символа, текста.

В данном контексте фильм Л. фон Триера «Меланхолия» весьма показателен. В бессмысленном мире, где живут героини Жюстин и Клэр, может иметь смысл только само отчаяние (Ю. Кристева). Единственная, кто способен принять вызов этого мира, – это меланхоличка Жюстин, которая по мере приближения смертоносной планеты к Земле становится все хладнокровней и практичней. В фильме господствует эстетика губительного в своей красоте мира, что точно выявляет специфику меланхолической оцепенелости на грани любви и смерти в пространстве покинутости высших смыслов. Точечные страдания здесь бессмысленны, ведь, по словам Триера, всех все равно ждет смерть. Этому миру, собственно, ничего больше не остается, как только исчезнуть, конец света показан как Апокалипсис в отдельно взятой семье. И только в пространстве искусства как последней территории честности, искренности и открытости этому миру можно примириться с его неустрашимыми потерями.

Настроение как условие входа в событие есть и условие возникновения атмосферы. Мы это чувствуем и понимаем особенно, когда не совпадаем по своим внутренним тональностям с миром. Например, печальный человек в пространстве праздничной вечеринки, где все равноисходно, и интенсивность проживания может стать, в конце концов, всеобщим достоянием. Чувства онтологически принадлежат существу, поэтому они могут нас задевать, производить аффекты, ведь их присутствие зависимо от «внутримирного сущего». И это не сугубо психические состояния, а та настроенность расположения, которой «экзистенциально конституируется мирооткрытость присутствия» (11, с. 137). Это не противоборство внешнего и внутреннего, идеального и материального, субъективного и объективного, а тот расклад сил, диспозиция мира в непрерывном обоюдостром взаимодействии, коммуникации, то, что нас трогает и задевает в отношениях с миром, и как этот мир может являться нам, проявляя удивительную стойкость и глубину.

Атмосфера не всеобща, она уникальна, сопоставима с гением места (*genius loci*), с тем, что В. Беньямин именовал аурой художественного произведения [12, с. 31]. Это живое бытие живой традиции, культа, создающие тот контекст, без которого историческая значимость художественного произведения ставится под вопрос. В пику устремлений современных технологий все приближать и трансформировать, Беньямин понимал ауру топологически как уникальное пересечение пространства и времени, когда только и возможно бытование оригинального произведения. Конечно, собор может попасть в кабинет ценителя искусства в виде, например, фотографии, но тогда отсекается важная часть культурного контекста, без которого он становится копией, репрезентантом, наглядным пособием, но не подлинным произведением искусства. Копия не располагает аурой, она циркулирует в любом месте, следовательно, не находится в пространстве истории. Быть подлинным, а значит, быть живым, причастным к собственному контексту и условиям воспроизводства, опыту, жизни, чувству, живому состоянию духа [13, с. 142]. В противном случае мы имеем дело с семантикой пустого места, с пространствами опустошения и отчуждения [14, с. 296–297].

Пространства подобного рода – пространства сильные, располагающие возможностями изменения действительности. Полезно в этом смысле обратиться к пониманию пространства как деятельности культуры в творчестве П. А. Флоренского. «Вся культура может быть истолкована как

деятельность организации пространства», – справедливо полагает автор [15, с. 112]. Философия, техника, искусство – жизненные отношения, которые изменяют действительность, перестраивая пространство. Творческий жест открывает его существующее натяжение, свидетельствует о силах, которые стоят за наглядными художественными образами, это не субъективный произвол человека, а онтологическое устройство мира, чтобы его уловить, необходимы чувственные переживания и вхождения, настройки согласно силовым линиям поля. Искусство – это особое место, где наличествует единство творческих усилий, условий, средств и цели художественного произведения. Каждое произведение – организм, обладающий целостностью.

Важно подчеркнуть неоднородность архитектоники культуры, дискретность, локальность, несводимость к другим пространствам. Действительность разделяется на замкнутые в себе единства, которые не тождественны друг другу. Пространство есть совокупность *силовых центров*. Если его внутренняя связность, цельность разрушаются, вещи обособливаются, тогда пространство становится достоянием другого, теряя свои содержательные характеристики. Силовое поле как организация пространства делает измерение искусства жизнеспособным, не меоничным. Оно «держит» натяжение, создает складки, искривления, максимально проявляет свою силу. Эстетическая сила притяжения по Флоренскому – это ностальгия человека по полноте, утраченной гармонии и ясности (Троице-Сергиева лавра и Россия), стремление к воплощению и полновесной духовной реализации. Вот почему в лучших художественных пространствах мы чувствуем себя как дома, это центры особых притяжений, возвращений и обретений смысла, ибо что немощно, то и не истинно. Их невозможно скопировать, они даются как *особость* времени и пространства. Не случайно искусство возводит себя к культу – таинствам, которые всегда служили сверхутилитарным целям культуры, расчищая пространство обычной повседневности, указывая на онтологическую реальность. Раскрыть существенное, общезначимое под корой случайного и видимого – вот непреходящая задача искусства. Флоренский размышляет об этих особых пространствах, претворяющих вещество жизни в духовные сущности. Вот почему атмосферу мы лучше всего понимаем как некое искусство, воспринимая целостность и магнетизм искусства.

Особое пространство художественного творчества или те территории, которые существуют по принципам искусства, – место не только социаль-

ных взаимодействий, но и тех *интенсивностей*, которые обеспечивают человеку присутствие в мире. Нельзя быть в этом пространстве формально, исполняя дежурные обязанности, оно захватывает человека целиком, перестраивает архитектурные связи и создает особые режимы для собственного существования.

Хорошим методологическим основанием раскрытия темы служит идея *присутствия* Х.-У. Гумбрехта. Автор возводит ее к аристотелевской вещи, которая представляет собой единство субстанции и формы. Примером такого присутствия является обряд евхаристии как производство реального присутствия Бога на земле, где невозможно устранение материального контакта с миром. Культура присутствия, обращенная к пространству и телу, является господствующим способом самоопределения. Она имеет место быть в событийности самораскрытия мира. Присутствие, привязанное к определенному месту, наполнено магическими характеристиками. Это эпифания, отличающаяся особыми моментами интенсивности проживания и длениа событий.

Показательно, что одну из своих книг автор посвящает спорту. Несомненно, спортивные состязания создают напряженную и увлекательную атмосферу зрелища, заставляют пристально следить за развитием событий, погружают нас в пространство соперничества и борьбы, результат которых невозможно предсказать. Гумбрехт справедливо полагает, что эффекты подобного «присутствия» совпадают по качеству бытования с эстетическим опытом (Флоренский называет это качеством художественности). Красота спорта и красота искусства имеют сходные черты. Оторванные от повседневности, они представляют собой пространство игры как величайшей интенсивности, напряженности и очарования, солидаризируя людей в их эстетических восторгах, что является воплощением прекрасного как серии чарующих объектов, доставляющих нам удовольствие. Олимпия, где проходили состязания в Греции, и была по Гумбрехту таким местом, где соединилось героическое и божественное, где «...было не просто хорошо, но безгранично хорошо – от самих себя, от атлетов и от боговдохновенного мира, сокровенной частью которого они себя ощущали» [16, с. 66].

Атмосфера возникает как эффект присутствия, ее нельзя заранее спланировать и рассчитать, она способствует прямой коммуникации человека с миром и социумом. Казалось, вот вы подготовились, собрали инструментарий и наметили способы делания. И вот ничего не происходит, вся подготовка напрасна, хотя жизнь кипит и являет собой изобретательнейшую

активность. Атмосферу не приручить, простым захватом не взять, овладеть хищническим приемом не удастся. Здесь требуется то, что Бахтин называл «участным» мышлением, *приобщение*, а не овладение. Пространство событийности напряженно и эмоционально не нейтрально. Вступая в событие, мы оказываемся в кругу собственного, формируя его смысловые характеристики. Это живое присутствие невидимых линий магнитного поля, которое нас увлекает, очаровывает, заставляет к ним возвращаться, продлевать очарование хрупкой жизни события. В. Дильтей именует эту творческую энергию созидания «прекрасной жизненностью».

Список литературы

1. *Böhme G.* Atmosphäre als Grundbegriff einer neuen Ästhetik // *Einführung und phänomenologische Reduktion*, hg. v. Thomas Fredrich und Jorg H/Gleiter/ Berlin: LIT 2007. S. 287–310.
2. *Абрамова А. С.* Атмосфера: к вопросу о сущности феномена. URL: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=22908&nb=1 (дата обращения: 25.01.2019).
3. *Fuchs Th.* Zur Phänomenologie der Stimmungen. URL: https://www.klinikum.uni-heidelberg.de/fileadmin/zpm/psychatrie/fuchs/Literatur/Phaenomenologie_der_Stimmungen_pdf.pdf (дата обращения: 25.01.2017).
4. *Молчанов В.* Феномен пространства и происхождение времени. М., 2015. 277 с.
5. *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Вопр. литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234–407.
6. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. 447 с.
7. *Виноградов В. В.* История слов. Настроение. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=nastroenie> (дата обращения: 15.01.2019).
8. *Фень Е. Г.* Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города : дис. канд. филос. наук. М., 2012. 142 с.
9. *Кристева Ю.* Черное солнце : Депрессия и меланхолия. М., 2010. 276 с.
10. *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени : дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // *Российская империя чувств : Подходы к культурной истории эмоций* М., 2010. С. 202–226.
11. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. 451 с.
12. *Беньямин В.* Озарения. М., 2000. 376 с.
13. *Гройс Б.* Политика поэтики. М., 2012. 400 с.
14. *Филимонова О. Ф.* Пустое место : голос социальной реальности // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 292–297.
15. *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 321 с.
16. *Гумбрехт Х. У.* Похвала красоте спорта. М., 2009. 176 с.

Образец для цитирования:

Костина О. В. Онтологические аспекты атмосферы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-140-144>

Ontological Aspects of Atmosphere

O. V. Kostina

Olga V. Kostina, <https://orcid.org/0000-0003-4688-2099>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, Kostina1965@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of the ontological status of the atmosphere, conditions and qualities that contribute to the formation of atmospheric effects. The semantic line of the text is a spatial dimension of the atmosphere, which is connected, first of all, with the unique spaces of art, set by the sensual modalities of being as presence and event. It is important to emphasize that the basic layer of these experiences marks the richness of life contact with the world. Mood as a condition of entrance to the event is the condition of the atmosphere at the same time. The atmosphere is not universal, it is unique, – comparable to the genius of the place (genius loci), that Benjamin referred to as the aura of a work of art.

Keywords: atmosphere, mood, art, event, space, aura, aesthetic experience, integrity, feelings, presence.

References

1. Bohme G. Atmosphere als Grundbegriff einer neuen Aesthetik. In: *Einführung und phänomenologische Reduktion*. Berlin, 2007, pp. 287–310.
2. Abramova A. S. *Atmosfera: k voprosu o sushchnosti fenomena* (Atmosphere: on the issue of the essence of the phenomenon). Available at: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=22908&nb=1 (accessed 25 January 2019) (in Russian).
3. Fuchs Th. *Zur Phänomenologie der Stimmungen*. Available at: https://www.klinikum.uni-heidelberg.de/fileadmin/zpm/psychatrie/fuchs/Literatur/Phaenomenologie_der_Stimmungen_pdf.pdf (accessed 25 January 2017).
4. Molchanov V. *Fenomen prostranstva i proishozhdenie vremeni* [The Phenomenon of Space and the Origin of Time]. Moscow, 2015. 277 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on the Historical Poetics. In: *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, 1975, pp. 234–407 (in Russian).
6. Haydegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Die Grundbegriffe der Metaphysik]. Haydegger M. *Vremya i bytie* [Zeit und Sein]. Moscow, 1993. 447 p.
7. Vinogradov V. V. *Istoriya slov. Nastroenie* (The History of Words. Mood). Available at: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=nastroenie> (accessed 15 January 2019) (in Russian).
8. Fen E. G. *Osnovnye kategorii fenomenologicheskoy filosofii prostranstva v sovremennyh issledovaniyakh goroda* [The Main Categories of Phenomenological Philosophy of Space in Modern Research of the City. Diss. Cand. Sci. (Philos.)]. Moscow, 2012. 142 p. (in Russian).
9. Kristeva Yu. *Chernoe solntse: Depressiya i melanholiya* [The Black Sun of Melancholy: Depression and Melancholy]. Moscow, 2010. 276 p. (in Russian).
10. Steynberg M. *Melanholiya Novogo vremeni: diskurs o socialnykh emotsiyah mezhdvumy revolyutsiyami* [Melancholy of Modern Times: Discourse on Social Emotions Between Two Revolutions]. In: *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podhody k kulturnoy istorii emotsiy* [Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow, 2010. pp. 202–226 (in Russian).
11. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Being and Time]. Moscow, 1997. 451 p. (in Russian).
12. Benyamin V. *Ozareniya* [Illuminations]. Moscow, 2000. 376 p. (in Russian).
13. Groys B. *Politika poetiki* [The Politics of Poetics]. Moscow, 2012. 400 p. (in Russian).
14. Filimonova O. F. Empty Place: the Voice of Social Reality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 292–297. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297 (in Russian).
15. Florenskiy P. A. *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitelnykh proizvedeniyakh* [Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Visual Works]. Moscow, 1993. 321 p. (in Russian).
16. Gumbrekht H. U. *Pokhvala krasote sporta* [Praise of Athletic beauty]. Moscow, 2009. 176 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kostina O. V. Ontological Aspects of Atmosphere. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-140-144>

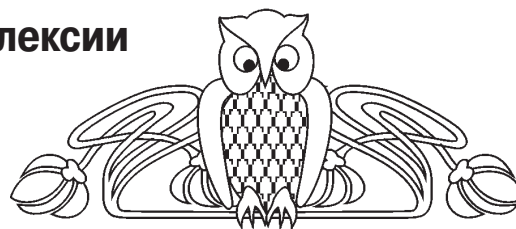

УДК [316:130.2]+111.1

Социальная онтология культуры в зеркале антропологической рефлексии

О. М. Ломако

Ломако Ольга Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена социально-онтологическому анализу культуры в ее антропологической рефлексии. Проблемное поле онтологии культуры изначально включает в себя процесс антропосоциокультурогенеза. Речь идет о рассмотрении происхождения человеческого общества и культуры сравнительно-историческим методом генеалогии, направленным на выявление истоков и начал человеческого бытия. Рассматривается специфика философского метода генеалогии Фридриха Ницше. Раскрывается сложность и многоаспектность проблемы антропогенеза на примере архаической культуры. Она включает в себя миф и символ, язык и деятельность, сакральное и мирское, телесное и духовное в их историческом развитии. Анализируются базовые характеристики человеческого бытия: пространство и время, определяются их отличия от современного понимания этих категорий. Сознание древнего человека обращено к истоку времени, и поэтому оно выполняет эвристическую функцию. Начало времени содержит архетипы, идеальные образцы культурного бытия. Соматические модели мира архаики связаны с техниками создания сакрального пространства, с местами памяти, с социальной памятью. Генеzis понимается как возникновение и развитие культуры как специфического способа человеческой жизни, который раскрывает себя исторически как процесс культурного наследия, отличного от мира живой природы.

Ключевые слова: философия культуры, социальное бытие, антропосоциокультурогенез, генеалогия, Ницше, архаика, пространство, время, миф, символ, социальная память, культурное наследие.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-145-149>

Современность – пространство поликультурное и социальное. В настоящее время общество представляет собой чрезвычайно сложное образование, это переплетение различных традиций, языков, образов жизни, манер поведения и т.д. В эпоху транснациональной интеграции особую актуальность приобретает проблема межкультурных коммуникаций и культурной идентичности. Методологические возможности решения этой проблемы связаны не только с будущим, но и с прошлым, с философским осмыслением социокультурных феноменов с точки зрения социальной онтологии культуры как способа человеческого бытия, что в свою очередь предполагает решение проблемы антропосоциокультурогенеза сравнительно-историческим методом генеалогии.

Ф. Ницше рассматривал человека как физически слабый «зоологический вид», главными свойствами которого являются интеллект и фантазия. Развивая их, человек обеспечивает себе выживание. Этому же служат и «средства культуры», создаваемые человеком. Генеалогия Ницше затрагивает по сути фундаментальный вопрос – встречу человека с самим собой, которая может состояться только через обращение к истокам человеческой культуры, через поиск, направленный к началу, к вопросам рода и его возникновения.

Человек «заброшен» в мир, как в открытый космос. Он – странник и пограничник, «terra intermedia» – ничейная земля между жизнью и смертью, Богом и зверем, хотя оседлый образ жизни – сравнительно позднее его историческое состояние. Все же будучи номадом человек бытовал не в бесконечном универсуме, а в том, что теперь мы называем окружающей средой, «бытием-в-мире». Первобытный человек перемещался не как изолированный индивид, а в рамках спаянного телесными связями коллектива, который и образовывал то, что можно назвать атмосферой. На самом деле атмосфера не может быть сведена лишь к ее метеорологическому пониманию. Она есть место обитания человека, наполненное знаками, образами, звуками и ароматами, издаваемыми окружающими людьми и вещами. Ребенок вынашивается матерью, ее лоно образует ту первосферу, которая мыслится колыбелью человека.

Выводя мораль, язык, миф из потребностей в еде, защищенности, единстве, Ф. Ницше имел в виду потребности общины, то есть первичного социума. Физическая слабость человека как «зоологического вида» во многом обусловлена разной скоростью созревания различных систем организма человека и животного. Так, у человеческих детей нейромышечная структура созревает еще целый год после рождения, тогда как животное получает неизменный комплекс инстинктов, поскольку формирование нейромышечной ткани происходит в утробе матери. У животного есть готовая среда обитания. Поведение

ние животных определяется инстинктами, среда обитания – схемой, управляющей реакциями или вызывающей их. У человека нет готовой среды обитания, он сам должен создавать собственный мир и определять в нем свое место. Следовательно, наличие морали, интеллекта, эстетического чувства у людей уже на самых ранних этапах эволюции отличают человека от животных с их физическими данными. Древний человек не только сообща добывал и съедал пищу, сами его чувства и мысли были также коллективными представлениями. Принципиальное отличие человека от животного обусловлено тем, что человек не приспособляется к естественной среде, а строит для себя искусственную среду обитания, которая определяет особенности его тела и души, это и есть культура, так называемая «вторая природа» человека. Поведение животных инстинктивно, поэтому у них отсутствует накопление навыка. Навык не кумулятивен, а инстинктивен. У человека происходит накопление опыта через поколения. Наиболее универсальное определение культуры – совокупный человеческий опыт, что определяет его специфический способ бытия.

В одном слове «культура» объединены биологический и социально-гуманитарный смыслы. Культура противостоит природе, как все искусственное, рукотворное и мыслетворное, и соотносится с обществом, но они не тождественны, поскольку различаются модальностью. Как известно, существуют три основных модуса бытия: вещи, свойства и отношения. Если общество есть система отношений, то культура представляет собой единство взаимопревращающихся друг в друга вещей, свойств и отношений. Свойство – ненаследуемая, прижизненно вырабатываемая способность изменять мир и самого себя – становится духовным и практическим отношением к миру и к людям и, наконец, воплощается в мире вещей. Общими характеристиками для культуры и общества является их внебиологичность, общее происхождение и история (социокультурные формы).

В. Б. Устьянцев проводит системно-структурный анализ проблемы «человеческого начала», раскрывая многообразие природных и социальных факторов на ранних стадиях становления культуры и общества. «Человеческое начало» выступает, по его мнению, как момент общего развития общества. С одной стороны, в «человеческом начале» происходит отрицание и снятие предистории общества, с другой, «начало» играет роль организатора, предопределяя более развитые этапы становления общества [1, с. 76–77].

Осваивая окружающий мир, точнее, осваиваясь в нем, современники той эпохи форму-

лировали свои вопросы генеалогически: откуда взялся мир? откуда взялся огонь? Онтологически и гносеологически гораздо важнее именно эта изначальная направленность человеческой мысли на познание истоков бытия, его начала, нежели конкретные исторические формы, в которые облекался сам ответ на подобные вопросы. Как известно, эти формы представляли собой мифотворчество, характерной чертой которого был скорее инстинктивный, нежели осознанный страх перед течением времени. Не случайно одна из характерных черт мифа – обратимость времени. Идея вечного возвращения – основополагающий принцип мифологического сознания. Неоспоримым фактом является то, что познание человеком окружающего мира началось с разгадки его генезиса. Это относится в равной степени как к миру физическому, так и к миру социальному. Иными словами, познание шло через генезис к структуре и функциям. Разумеется, ответ на вопросы происхождения мира могла дать только мифология.

Мифологическому сознанию чужда какая-либо пространственно-временная локализация событий. Однако именно потому, что сознание это обращено не к началу вообще, а именно к первоначальному началу, к истоку времени, оно было способно выполнять эвристическую функцию, поскольку в нем содержатся первоначальные начала (архетипы) сущего: «первозданные» люди и «первозданный» мир природы, «первозданные» события и ситуации. Вполне естественно, что все они наделялись сакральным свойством, которое со временем подвергалось «порче», чтобы затем самым чудесным образом вновь и вновь возвращать все творения к своей первоначальности. Вполне очевидно, что еще на заре культуры человек ощущает необходимость в ретроспективе, в обращении к началу и истоку бытия, проявляя свою, пусть еще не совсем осознанную, историческую природу. Как результат этого исторического предчувствия – создание универсального мифа о происхождении и началах бытия, призванного служить ему ориентиром в бесконечном круговороте природы, частицей которого он себя ощущал и постепенно осознавал.

Рождение культуры удостоверяет *нетождественность* человека и природы. Будучи естественным существом, человек не тождествен природе. Появляется некий запас «прочности» бытия как результат отношения к прошлому в образе тотемического предка, умирающего и в то же время остающегося, продолжающего присутствовать в жизни людей. Древний человек еще не мог отделять представление о времени от переживания его, не существовало также и резкого различия между живыми и мертвыми.

То, что мертвые продолжает жить, сохраняя при этом связь с живыми, было совершенно естественно. Первобытное восприятие о пространстве и времени качественно отличалось от современных представлений: время воспринималось в первобытном сознании в виде пространства, разделенного на свои отрезки, тогда как пространство представлялось в виде вещи. Древний человек вообще не знал разрыва слова и дела, слова и вещи. Его способность к устной речи была очень ограничена и не приспособлена для выражения эмоционального состояния и, тем более, внутреннего духовного мира.

Возникает необходимость в новых средствах общения. Мысли, чувства, эмоции и переживания, находившиеся внутри, отделяются от сознания человека, начинают жить новой, внешней жизнью. Они *овеществляются*, приобретая небывалую до того определенность и прочность. Так появляются вещи, которые не имели практического применения. Единственным их реальным назначением могла быть потребность в материализованном выражении идей, чувств, внутренних переживаний человека, его творческой фантазии. Именно поэтому в тот период было произведено так много вещей – первознаков бытия. С их помощью человек обживал пространство, делая его «своим», т. е. человеческим. Проведя ряд симметричных полосок краской по камню или выдолбив в камне ямку, человек подчинял мертвую, сотни тысяч лет существовавшую независимо от него материю своему желанию, своей цели, воплощал в ней чувства и мысли. Подчиняясь человеческой воле, вещь проходила своеобразный обряд инициации, «умирая» как просто камень, дерево, кость и «рождаясь» как символ, отсылающий к определенным смыслам и отношениям к прошлому, к «началу». Эти смыслы, изменяясь в ходе истории, становились неузнаваемыми или вовсе терялись. В окружающих нас вещах порой так же трудно узнать *первовещи*, как в нас самих – далеких прародителей [2, с. 254].

Так, например, *чаша* как знак плодородия и женского начала проходит через всю историю изобразительного искусства первобытности, приобретая с течением времени все более ярко выраженные символические черты. У многих первобытных народов чашами для питья служили человеческие черепа – предков или врагов. В любом случае питье это имело магическое свойство: из вражьего черепа брались храбрость и сила, из черепа близких людей – плодородие и связь с сакральным миром. В христианстве чаша всегда была высоким и священным символом: в Ковчеге Завета стояла стамна – золотой сосуд, наполненный манной. Церковь видит

в стамне образ Божьей Матери. В этом сосуде вмещается «манна жизни», сам Христос – хлеб жизни и бессмертия. Христос воплощается в чреве Девы Марии как в символической чаше, поэтому Богородица именуется чашей спасения (στέμνος (греч.) – «глиняный сосуд», «кувшин для вина») [3, с. 4].

Очень рано возникает определенная техника создания сакрального магического пространства – священного и в то же время уподобленного человеческому телу. Сакральное, то есть переживаемое как священное, пространство закрыто и конечно и расширяется только в более позднее время. Оно обладает центром и системой координат, связанной с человеческим телом и его вертикальным положением (прямохождением). Каждое место в переживаемом пространстве имеет значение для человека, поскольку части пространства качественно различны и на их отношениях строится богатая содержанием градация переживаемого пространства. Пространство становится *местом* (Stätte), таким пространственным «пятном», находясь в котором, человек чувствует *силу* места и хочет повторить ее воздействие [4, с. 142].

Есть особый смысл в том, что пространственная семантика нижнего и верхнего мира различна. Начиная с каменного века, символом охранно-ограничительной модели Вселенной становится круг и овал – та первосфера, которая воспринималась как пространство упорядоченное, доступное обозрению и подконтрольное, тогда как за его пределами простирался хаос, неизвестность и тьма. Эта модель нашла свое воплощение в круглой форме палеолитического жилища, первых храмов и гораздо позднее – в геометрии первых городов.

Если символом защищенного пространства был круг, то мир мертвых представлялся в виде *лабиринта*. По сути обживание человеком мира осуществлялось посредством осмысления символизма человеческого и животного тела. Мифологическая нерасчлененность, спонтанность восприятия, его целостность есть следствие символического единства мира и человека и их взаимодействия в человеческом теле. Тело есть «странный объект, использующий свои части в качестве символика мира», и только при помощи тела мы «можем вторгаться в этот мир», понимать его и «находить ему значения». Тело проектирует вокруг себя культурный мир [5, с. 90].

Человек в генеалогии Ницше рассматривается в неразрывном единстве жизни и смерти. Человек – не *цель*, а *мост* между жизнью и смертью. Таким образом, Ницше возвращает понятию *трансценденция* его изначальный

смысл *переступания как восхождения и нисхождения* [6, с. 36]. Как действительная история (*Wirkliche Historie*) и как «историческое чувство» ницшеанская генеалогия в оценке Мишеля Фуко противостоит надисторической точке зрения, обеспечивающей вневременную точку опоры. Не страшась заглянуть в низменное, генеалогия переключает свое внимание на самое близкое: на *тело*, что, казалось бы, гораздо ближе медицине, чем философии. Предлагаемый ницшеанский проект означает возвращение к первичной фундаментальной интенции – к осознанию человеком себя как смертного существа. Его философская генеалогия становится собиранием культуры в ее целостность, выявлением почвы, подлинной родины человека.

В ходе общецивилизационного процесса разрушаются природные границы бытия: между жизнью и смертью, между женским и мужским началом. «Нет сегодня менее надежной вещи, чем пол – при всей раскрепощенности сексуального дискурса» [7], – утверждает Ж. Бодрийяр, – и «мертвым не отводится больше никакого места, никакого пространства и времени, им не найти пристанища, их просто развеивают в дым» [8, с. 238]. От обществ первобытных к современным обществам идет необратимая эволюция: постепенно *мертвые перестают существовать*. Они вообще выводятся за рамки символического оборота группы, не признаются больше полноценными существами и достойными партнерами обмена. И все яснее им на это указывают, переселяя их все дальше и дальше от живых – из домашней интимности на кладбище, затем все дальше от центра на периферию и, в конечном счете, в никуда. Однако жизнь нельзя свести к «абсолютной прибавочной стоимости», отсекая от нее смерть. Если нет мертвых, значит, нет и живых.

Человек живет не в идеально сконструированном, а в реальном мире. Отказываясь от любой абсолютной истины, генеалогия представляет собой специфический способ рассмотрения социально-культурных явлений, особенность которого состоит в отрицании их неизменности и всеобщности основания происхождения. Генеалогия предполагает описание конкретного множества причин возникновения этих явлений. Пожалуй, нет большей ошибки, чем подходить к ним с позиций либо–либо, настаивая на какой-нибудь одной версии, исключая при этом все другие возможности. Совмещение несовместимого, сочетание противоположных друг другу значений – несомненная особенность архаического мышления.

В генеалогии Ницше культура предстает как некая онтологическая схема социального, как первичная трагическая рефлексия. Дионисийская трагедия – огороженный, прирученный через искусство хаос. Такое пространство единения можно обозначить как некое *хоровое, собирающее место*, где человек учился без страха смотреть в лицо смерти и достойно воспринимать ужасы жизни, видеть разгул людских страстей и мужественно переносить утрату близких. Это место встречи и расставания, где спасаются через *объединение*. Смерть становится не явлением *во времени*, а переживанием *в пространстве*. Чтобы победить все разрушающее время, необходимо создать *гетерогенное* культурное пространство, в котором онтологически соединяются экзистенциальное и социальное. Основная мысль Ницше состоит в том, что человек не может спастись от страха смерти в одиночку. Философ видит выход в хоровой жизни, в возвращении к дионисийскому искусству, важнейшее назначение которого заключается именно в том, чтобы преодолеть все пропасти между людьми чувством единения. Суть философского подхода генеалогии к анализу социокультурной реальности заключается в его *гетерогенности*, в преодолении противоречия *свое–чужое*. Обозначая границу между жизнью и смертью, прошлым и будущим, он удостоверяет естественный порядок человеческого бытия как единство природного и культурного, социального и индивидуального, экзистенциального и рационального. Расширяя человеческое мировоззрение, социальная онтология культуры объединяет органический, исторический и культурный миры. Это соединение находит свое наиболее полное выражение в культурном наследии и социальной памяти.

Список литературы

1. Устьянцев В. Б. Проблема становления социального. Саратов, 1982. 175 с.
2. Ломако О. М. Генеалогия воспитания : философско-педагогическая антропология. СПб., 2003. 264 с.
3. Норцов А. Н. Символ чаши в христианской иконографии и истории. Тамбов, 1906. 78 с.
4. Bollnow O. F. Mensch und Raum. Stuttgart, 1963. 310 S.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999. 605 с.
6. Bollnow O. F. Existenzphilosophie. Stuttgart, 1964. 310 S.
7. Baudrillard J. De la Séduction. Paris, 1979. 340 p.
8. Baudrillard J. L'échange symbolique et la mort. Paris, 1976. 344 p.

Образец для цитирования:

Ломако О. М. Социальная онтология культуры в зеркале антропологической рефлексии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 145–149. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-145-149>

**Social Ontology of Culture
in the View of Anthropological Reflection**

O. M. Lomako

Ol'ga M. Lomako, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, olga-lomako@yandex.ru

The article is devoted to the social ontological analysis of culture in its anthropological reflection. The problem field of the ontology of culture initially involves the process of anthropogenesis. We are talking about the consideration of the origin of human society and culture with the help of the comparative-historical method of genealogy, aimed at identifying the origins and beginnings of human existence. The specificity of the philosophical method of Friedrich Nietzsche's genealogy is considered. The complexity and multi-aspect of the problem of anthropogenesis using the example of archaic culture is revealed. It includes myth and symbol, language and activity, sacred and profane, physical and spiritual in their historical development. The basic characteristics of human existence namely space and time are analyzed and their differences from the modern understanding of these categories are determined. The consciousness of the ancient man is drawn to the source of time, and therefore it performs a heuristic function. The beginning of time contains archetypes, the ideal examples of cultural life. Somatic models of the world of Archaic are associated with the techniques of creating a sacred space, with places of memory, and social memory. Genesis

is understood as the emergence and development of culture as a specific means of human life, which reveals itself historically as a process of cultural heritage, different from the world of nature.

Keywords: philosophy of culture, social being, anthropogenesis, genealogy, Nietzsche, archaic, space, time, myth, symbol, social memory, cultural heritage.

References

1. Ustyantsev V. B. *Problema stanovleniya sotcial'nogo* [The problem of Social Development]. Saratov, 1982. 175 p. (in Russian).
2. Lomako O.M. *Genealogiya vospitaniya: filosofsko-pedagogicheskaya antropologiya* [Genealogy of Education: Philosophical and Pedagogical Anthropology]. St. Petersburg, 2003. 264 p. (in Russian).
3. Nortcov A. N. *Simvol chashi v khristianskoi ikonografii i istorii* [The Symbol of the Cup in Christian Iconography and History]. Tambov, 1906. 78 p. (in Russian).
4. Bollnow O. F. *Mensch und Raum*. Stuttgart, 1963. 310 S.
5. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Moscow, 1999. 605 p. (in Russian).
6. Bollnow O. F. *Existenzphilosophie*. Stuttgart, 1964. 310 S.
7. Baudrillard J. *De la Séduction*. Paris, 1979. 340 p.
8. Baudrillard J. *L'échange symbolique et la mort*. Paris, 1976. 344 p.

Cite this article as:

Lomako O. M. Social Ontology of Culture in the View of Anthropological Reflection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 145–149. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-145-149>

УДК 130.2:008

Проблема взаимоотношения традиции и творчества в период кризиса культуры

Н. И. Новак

Новак Никита Игоревич, аспирант кафедры философии, Луганский национальный аграрный университет, nktnovak@mail.ru

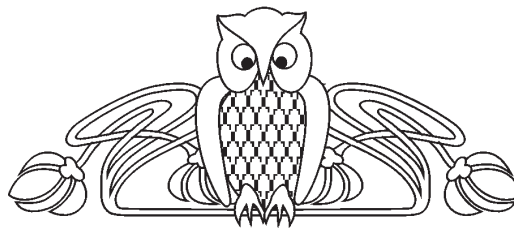
В статье на основе анализа концепций О. Шпенглера, Х. Ортеги-и-Гассета, В. Вейдле, П. Сорокина и Й. Хейзинги рассмотрена кризисная ситуация в культуре в период первой половины XX в. в связи с развитием художественного течения модерна, пытающегося разрушить канонические устои в искусстве. Показано, что у истоков кризиса культуры XX в. лежала утрата гармонии творчества и традиции, что отразилось на творческой деятельности представителей модерна. Во многом это связано с появлением массовой культуры, что послужило импульсом для разделения культур на два типа, при этом предметом элитарного искусства становится само искусство. Если искусство XVIII–XIX вв. было ориентировано на просветительскую деятельность и возрождение национальной культуры, то модернизм был направлен на создание нового образца искусственной формы, что способствовало разрушению канонических устоев в художественном творчестве. Проблемным полем первой половины XX в. является тот факт, что во многих своих вариациях традиция, всегда обеспечивавшая сохранение духовных ценностей и ориентиров, в указанный период сама находилась в кризисе и не обеспечивала сохранение социокультурных установок и ориентиров в обществе. По мнению автора, дисгармония традиции и творчества, а также разрыв искусства с религиозной традицией способствовали превращению художника в метафизически одинокого творца, что отразилось на культуре рассматриваемого периода.

Ключевые слова: культура, искусство, традиция, творчество, культурный кризис.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-150-154>

Творчество и традиция представляются незаменимыми атрибутами культуры. Именно дихотомия данных явлений служит основой существования культуры в контексте созидания новаций и в дальнейшем их сохранения в социокультурных условиях посредством преемственности. Однако в период кризисных ситуаций в обществе традиция становится оппозиционным явлением творчеству, которое пытается сокрушить традиционные устои в социуме и в искусстве.

XX век не только уникальный период развития культуры, в основе которого лежат разрушительные тенденции традиции, но и один

из самых кризисных периодов в истории человечества. В сознании современного человека XX век ассоциируется с двумя мировыми войнами, глобальными финансовыми кризисами, голодом и разрушением империй, что оказало существенное влияние на развитие культуры и искусства.

Тенденция искоренения традиционных норм посредством новой творческой деятельности отчетливо проявляется в период первой половины XX в. и связана с развитием модернизма в искусстве, представители которого пытались разрушить канонические устои. Само по себе понятие «модерн» в переводе с латинского означает «современный, недавний».

Исследуя проблему взаимодействия традиции и творчества, отметим, что на распад классической модели культуры существенное влияние оказала культура XVIII–XIX вв., направленная на просветительскую деятельность, во главе которой стояла реалистическая установка в искусстве и философии, что способствовало формированию иного философского подхода – иррационализма как протеста против доминирующего мировоззрения. В дальнейшем данное мироощущение способствовало становлению нового вида в искусстве модерна, что привело к изменению в осознании творческой деятельности интеллигенции, которая в дальнейшем определила себя как элиту, что в итоге послужило причиной разделения культуры на элитарную и массовую. Помимо вышеперечисленного, на разделение культуры повлияла модернизация социальных процессов, что способствовало переходу от традиционного аграрного общества к индустриальному.

Одним из первых мыслителей, который обратил внимание на разделение культуры на массовую и элитарную и ввел данные понятия в научный обиход, был Х. Ортега-и-Гассет. По мнению мыслителя, у истоков разделения «высокой» культуры и общества находилось искусство модерна, которое разъединило общество на тех, кто понимает его, и тех, кто не воспринимает данное искусство. Х. Ортега-и-Гассет разработал принципиально новую концепцию в искусстве

первой половины XX в. – его дегуманизацию, выполняющую функцию, направленную не на просветительскую деятельность, а на само искусство, превращающую его в искусство для самого художника, что способствовало переосмыслению традиции как важного элемента, формирующего культурный продукт. Так, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, «между новоявленным художником и миром накапливается все больше традиционных стилей, прерывая живую и непосредственную коммуникацию. Следовательно, одно из двух: либо традиция, наконец, задушит живую творческую потенцию, как это было в Египте, Византии и вообще на Востоке, либо давление прошлого на настоящее должно прекратиться и тогда наступит длительный период, в течение которого новое искусство мало-помалу излечится от губительных влияний старого» [1, с. 252]. Поэтому традиция, как считает ученый, является оппозиционной творчеству и способствует искоренению потенциала художника, так как она выступает посредником между реальным миром и творцом. Современное искусство, с точки зрения философа, тяготеет к более дистанцированному периоду в истории человечества, относящегося к первобытной эпохе, когда традиция стояла у истоков своего развития. Таким образом, эстетическое сознание первой половины XX в. в основном тяготело к более давнему периоду, тем самым создавая культурные формы, носившие иррациональный характер, отвергавшие традиционные, канонические устои в искусстве.

Во многом, по мнению автора, разрыв традиции и творчества в искусстве был связан с процессом перехода от аграрного общества к индустриальному, ростом технологий, появлением существенно нового типа искусства, такого как кинематограф. Все это способствовало переосмыслению традиции как фундаментальной основы творческой деятельности. Данные тенденции имели как положительные особенности – появление нового стиля в искусстве, благоприятствовавшего динамике культуры, так и отрицательные, связанные с низвержением канонических устоев в искусстве, диктуемых традицией. Немаловажной проблемой искусства и культуры первой половины XX в. представляется и разрыв с религиозной традицией, придававшей особую неповторимость культуре и стоявшей у истоков творческого вдохновения. Согласно позиции В. Вейдли кризис западноевропейской культуры и искусства кроется в их разрыве с религиозной основой и традицией, положившей начало стремлению художника не к идеальному миру, а к человеческому сознанию. Данная

тенденция приводит к «разрушению формы и смысла произведения, гармонии души и тела в искусстве, а также уничтожению личности и таланта в судьбе художника» [2, с. 41]. Заданный курс во многом отрицательно влияет на художника, превращая его в метафизически одинокого творца, «зацикленного» на своей внутренней проблемной ситуации, формирующей пессимистический взгляд на мир, а также доминирование концепции абсурда в осмысления бытия.

Для более полного понимания поставленной проблемы отметим два типа катаклизмов, выводимых В. Вейдли. Первый катаклизм представлен войнами и революциями, второй – намного глубже и затрагивает духовную жизнь социума, выражается в изменениях стиля искусства, разрыве и столкновении традиций, а также в трансформации мировоззрения. Что касается взаимодействия традиции и творчества то, по мнению В. Вейдли, «традиция без обновления не жива, а при ее отсутствии и обновлять нечего: таланту не от чего оттолкнуться, как и не к чему примкнуть» [2, с. 323]. Выход культуры из кризиса философ видит в возврате к религиозным первоосновам, запечатленным в традиционных ориентирах общества, которые позволяют художнику черпать в них вдохновение. Таким образом, можно предположить, что кризис культуры и искусства в первой половине XX в. во многом обуславливался разрывом традиции и творчества, а также разрушением религиозной основы культуры, стоявшей у истоков выработки новых ценностных ориентиров, способствовавших изменению мировоззрения художника и общества.

В свое время на кризис культуры с позиции разрушения ценностных ориентиров обращал внимание Й. Хейзинга. Для более полного анализа проблемы кризиса культуры следует отметить основные ее свойства, выводимые мыслителем. Первое свойство культуры представлено как гармония материальных и духовных ценностей; второе – это направленность к идеалу как особое стремление культуры, позволяющее ей функционировать в окружающем мире; третье свойство изображает культуру как власть над природой, которая, по мнению Й. Хейзинги, заключается не только в том, чтобы «построить, застрелить, поджарить» [3, с. 36], но и во власти над самой природой человека, что позволяет человечеству создать особое правило в качестве табу. Само табу представляется «протоформой» моральных ценностных ориентиров, служащих в дальнейшем для воссоздания идеала как особого импульса, способствующего достижению человеком высших благ и развитию культуры.

Таким образом, культура, по мнению мыслителя, это равновесие материальных и духовных благ, которые стимулируют усилия человека к достижению лучшей, высшей цели, чем принуждают его физиологическая природа и условия обитания. Следовательно, взаимодействие традиции и творчества в культуре представлено в следующей мысли философа: «Люди здоровой культуры не боятся обременять себя духовными ценностями прошлого, чтобы двигаться дальше. Одно несомненно: если мы хотим сохранить культуру, мы должны продолжать создавать ее» [3, с. 31–32]. Опираясь на данную мысль, можно заключить, что для выхода из кризиса культуры она должна опираться на предыдущие традиционные представления, несущие в себе красоту, мудрость, развившуюся на протяжении всего существования культуры. Выход из кризиса мыслитель видел в катарсисе и достижении определенной ценности человека, в расцвете идеала культуры, пристальном взгляде в прошлое. Итак, культура может существовать только в условиях взаимодействия традиции и творчества, что способствует более полному ее раскрытию, поскольку учитывается опыт предыдущих поколений как основа ценностных ориентиров в обществе, на что опирается субъект культуры.

Большой вклад в осмысление кризиса культуры как результата противопоставления традиции и творчества внес О. Шпенглер. Так, в основе заключительного этапа культуры он рассматривает концепцию распада великой формы, развивающейся на протяжении длительного времени. Разрушение формы представлено в победе мира интеллигенции над традицией, основой которой служит доминирование города над селом, что приводит к революциям и разрушениям культурных ориентиров. Заключительной частью становления цивилизации по О. Шпенглеру является превращение народного организма в бесформенную массу с созданием мировой столицы. Превращение культуры в цивилизацию основывается на разрушении традиционных ценностных ориентиров и крушении канонов в искусстве, приводящих к уничтожению художественной живой формы. Данная тенденция ярко отражается в искусстве модерна, символизируя превращение культуры в цивилизацию. По мнению мыслителя, творческий потенциал меркнет в условиях потери традиционной формы в искусстве, отточенной на протяжении длительного времени, что приводит к неизбежному его ослаблению. В этой связи уместно привести следующее высказывание О. Шпенглера: «Находясь под чарами великой традиции, даже некрупный художник способен

достичь совершенства, поскольку его сводит с задачей живое искусство» [4, с. 321]. Так, с потерей традиции творчество теряет свою главную основу, свою душу, развившуюся в определенном народе, выточившем свою культуру и вдохновенным ландшафтом природы. Переход культуры в цивилизацию у О. Шпенглера, по мнению Г. М. Тавризян, кроется «внутри самой идеи развития» [5, с. 31], в которой творчество посредством потери своего духовного начала, запечатленного в традиции как живой форме, превращается в прогресс, базирующийся на создании материальных благ в противовес духовным ценностям. Исходя из данной аргументации, О. Шпенглер мог констатировать, что в период модерна происходит окончательное превращение культуры в цивилизацию и наблюдается разрушение традиционных ориентиров в пользу материального прогресса, что отражается и в искусстве эпохи.

В свою очередь, выдающийся русско-американский социолог П. А. Сорокин в отличие от О. Шпенглера пересматривает идею кризиса культуры, отвергая его концепцию, что культура представляется живым организмом, проходящим стадии рождения, взросления, смерти. В развитии культуры Сорокин усматривал циклическую модель, на основе которой и в отвержение конечного ее результата выявил три формы преобразования культуры. Данные формы, в которых действуют ценностные традиции сложившегося культурного типа, сменяют друг друга за определенный исторический отрезок времени. Первый культурный тип, в основе которого лежало доминирование сакрального начала, сверхчувственного восприятия действительности, он называл идеациональным. Второй культурный тип определялся им как чувственный, основанный на объективном познании мира, рационалистическом восприятии действительности посредством органов чувств. Третий тип культуры, являющийся промежуточным между идеациональным и чувственным, П. А. Сорокин называл идеалистическим. Он частично использовал сверхчувственное и чувственное восприятия действительности [6]. Таким образом, кризис XX в. ему представлялся как следствие разрушения чувственного типа культуры и возрождение иных типов с доминирующими ценностными традициями, влияющими на творчество субъектов культуры.

Можно согласиться с П. А. Сорокиным в том, что культура как таковая не подвержена смерти, а является циклической моделью, проходящей стадии своего развития и кризиса, в процессе

которого происходит разрушение ее первоосновы. В данном контексте, по мнению автора, стоит обратиться к концепции А. Дж. Тойнби, в которой религиозная традиция как фундамент европейской культуры является и основой преодоления ее кризиса: только возрождение религиозной традиции как фундаментальной базы культуры способно послужить импульсом для творческой деятельности новых поколений с целью преодоления кризисных моментов культуры [7].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, согласно которому кризис культуры в первую очередь заключается в противоборстве традиции и творчества. У мыслителей XX в. этот кризис представлен в потере ценностных ориентиров, запечатленных в традициях общества. Данная проблема видится в повороте духовной жизни в сторону технологического прогресса, при котором теряется гармония культуры, основанная на взаимодействии материальных и духовных благ человека. Традиция как явление, базирующееся на сохранении духовных ориентиров общества, постепенно угасает в XX в., когда доминирующим становится материальное благосостояние, отрицательно сказывающееся на творческой деятельности художника. Традиция и творчество, находясь в гармонии, способствуют развитию культуры, но с потерей этой гармонии происходит культурный кризис и теряются духовные основания общества.

Истоки кризиса культуры первой половины XX в. восходят ко второй половине XIX в. и

связаны с концепцией «смерти Бога» Ф. Ницше. Так был запущен процесс разрушения первооснов европейской культуры, в качестве своего неизбежного следствия имевший разделение традиции и творчества как дополняющих друг друга явлений. Таким образом, данный кризис во многом способствовал превращению художника в метафизически одинокого создателя, что отразилось в его концепции: художник эпохи кризиса в своем искусстве в большей степени опирается на свои внутренние проблемы, не прибегая к первооснове культуры, представленной в христианских началах европейской культуры.

Список литературы

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс : сборник / пер. с исп. М., 2002. 506 с.
2. *Вейдле В.* Умирание искусства. М., 2001. 447 с.
3. *Хейзинга Й.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир : эссе / сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитоновича. СПб., 2010. 456 с.
4. *Шпенглер О.* Закат Западного мира ; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / пер. с нем. М., 2014. 1085 с.
5. *Тавризян Г. М.* О. Шпенглер, Й. Хейзинга : две концепции кризиса культуры. М., 1988. 272 с.
6. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М., 2006. 1176 с.
7. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М., 2010. 640 с.

Образец для цитирования:

Новак Н. И. Проблема взаимоотношения традиции и творчества в период кризиса культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 150–154. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-150-154>

The Problem of Relationships of Tradition and Creativity During the Crisis of Culture

N. I. Novak

Nikita I. Novak, <https://orcid.org/0000-0003-2207-0950>, Lugansk National Agrarian University, 1 Campus LNAU, Lugansk 91008, Lugansk People's Republic, Ukraine, nktnovak@mail.ru

The article analyzes the interaction of creativity and tradition in times of crisis situations in culture. The author took as a basis the crisis situation in culture during the twentieth century in connection with the development of a new artistic trend of modernity, which tried to destroy the canonical foundations in art. The crisis in the culture of the twentieth century was considered on the basis of the analysis of the concepts of O. Spengler, H. Ortega-i-Gasset, V. Weidle,

P. Sorokin, and J. Huizinga. It is shown that at the beginning of the crisis of the culture of the twentieth century there was a loss of harmony between creativity and tradition, which was reflected in the creative activity of representatives of modernity. This is largely due to the emergence of mass culture, gave the impulse for dividing cultures into two types, the entrance of which becomes the subject of elite art itself. If the art of XVIII–XIX centuries was focused on educational activities and the revival of the national culture, – modernism was aimed at creating a new model of artificial form, which contributed to the destruction of the canonical foundations in artistic creation. The problem field of the twentieth century is the fact that, in many of its variations, the tradition, which has always ensured the preservation of spiritual values and landmarks, is itself in a crisis in this period and does not ensure the preservation of sociocultural attitudes and landmarks in society. According to the author, disharmony of tradition and creativity

contributed to the transformation of the artist into a metaphysically lonely creator, that affected the culture of this period.

Keywords: culture, art, tradition, creativity, cultural crisis.

References

1. Ortega y Gasset J. *La Rebelion De Las Masas* (Spanish Edition). Publisher: Alianza, 2005. 294 p. (Russ. ed.: Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass*. Moscow, 2002. 509 p.).
2. Vejdle V. *Umiranie iskusstva* [Dying Art]. Moscow, 2001. 447 p. (in Russian).
3. Huizinga J. *In de schaduwen van morgen. Een diagnose van het geestelijk lijden van onze tijd, ingeleid en geannotteerd*. Soesterberg, 165 p. (Russ. ed.: Hyozzinga J. *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir: ehsse*. St. Petersburg, 2010. 456 p.).
4. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Band 1. Wien, 1918; Band 2. München, 1922 (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Zapadnogo mira; Ocherki morfologii mirovoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome*. Moscow, 2014. 1085 p.).
5. Tavrizyan G. M. O. *Shpengler, I. Hejzinga: dve koncepcii krizisa kul'tury* [O. Spengler, I. Hazing: Two Concepts of the Crisis of Culture.]. Moscow, 1988. 272 p. (in Russian).
6. Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics Cincinnati*: in 4 vols. American Book Company, 1937–1941. (Russ. ed.: Sorokin P. A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika*. Moscow, 2006. 1176 p.).
7. Toynbee A. J. *A Study of History: Abridgement VII–X*. Oxford University Press, 1987. 430 p. (Russ. ed.: Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii*. Per. s angl. E. D. Zhar-kova. Moscow, 2010. 640 p.).

Cite this article as:

Novak N. I. The Problem of Relationships of Tradition and Creativity During the Crisis of Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 150–154. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-150-154>

УДК 111.1:1:(091) (44):141.131:502,12:1

Многомерность цифровой среды в обществе риска

М. О. Орлов

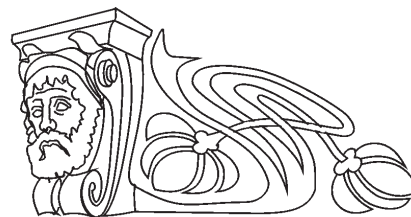
Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orok-saratov@mail.ru

Установлено, что основанием цифрового общества служит цифровая среда. Изучение технологий вне контекста антропологического и социального опыта является недостаточным, поэтому для рассмотрения цифрового общества продуктивна гибридизация знания программного обеспечения и цифровых гуманитарных исследований. Цифровое общество – это не только результат технологического прогресса, но и результат меняющегося опыта человечества. Предметом социально-философского анализа становится онлайн-коммуникация, которая выступает основанием для формирования сложных структур цифрового общества. Рассматривается энвайронментальный вопрос, связанный с качеством жизни субъекта в информационном обществе. Осваивая компьютерные технологии и коммуникативные возможности, человек становится полноценным членом цифрового общества, выстраивает баланс между работой и отдыхом, профессиональной деятельностью и личной жизнью. Цифровая среда характеризуется многомерностью связей и амбивалентностью отношений: с одной стороны, перед человеком раскрываются коммуникативные свободы, с другой стороны, возникают новые формы зависимости и риски отчуждения. Выявлено, что благодаря виртуальной реальности человек обретает новые идентичности, характеристики и параметры личностного бытия. Анализируются технологии Big Data, позволяющие по-новому структурировать социальную реальность. Так, на примере Китая рассмотрена система индивидуального рейтинга, основанного на оценке личного поведения граждан. Выявлено, что социальные сети порождают новые формы коммуникативных практик, таких как троллинг, постправда и постирония. Определены перспективы для философской рефлексии в условиях новых технологических возможностей человечества. Констатируется, что философский анализ виртуальной реальности способствует минимизации цифрового неравенства и развитию цифровой грамотности.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая среда, коммуникация, социальные сети, общество риска, цифровой контроль, общество социального кредита, мессенджеры, геолокализация субъекта, цифровые риски, фейк, тролль, хакер, информационный кокон, постправда, постирония.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>

Сегодня не хватает ориентации философии на науку и практику. Данная установка актуальна, поскольку современный мир пронизан технологиями, создающими специфическую по своей природе цифровую среду, в которую погружается человечество. Для осуществления философского анализа цифрового общества не-

обходимо исследовать концептуальные основания представлений о цифровой среде. Это понятие является результатом синтеза представлений о технологических возможностях человека, однако необходимо отметить, что данный термин изначально возникает в естественнонаучном дискурсе. Технологические параметры, описывающие цифровую среду, могут быть обозначены, во-первых, в виде данных, закодированных в двоичной системе; во-вторых, как совокупность алгоритмов; в-третьих – это программное обеспечение. На основе определенных нами параметров возникает такая технологическая основа, обуславливающая все множество интеракций, предпринимаемых человеком в условиях онлайн-коммуникации, когда подручные устройства – девайсы и технологические средства – осуществляют должное функционирование. Если ставится задача по изучению цифровой среды как основы цифрового общества, то нам необходимо разобраться с ее технологическим уровнем.

Происходящие социальные трансформации «обусловлены во многом процессами коммуникационной динамики» [1, с. 55], но и без обладания необходимыми компетенциями в области компьютерных наук философу будет достаточно сложно установить специфику функционирования цифрового общества. По мысли Д. Зорича, для решения этой методологической задачи целесообразно организовать работу на уровне центров цифровой гуманитарной науки [2, с. 70]. Технология – это фундамент, обеспечивающий бытие цифровой среды. Изменяющиеся технологии трансформируют и структуру социального взаимодействия, меняются повседневный мир человека и его самоидентификация. Значение социально-философской рефлексии этих процессов непрерывно возрастает, потому что исследования технологий вне контекста человеческого опыта недостаточны. Можно с уверенностью говорить о том, что методологически продуктивной является гибридизация знаний, направленных на комплексное рассмотрение взаимосвязи естественнонаучного уровня, занятого программным обеспечением, и цифровых гуманитарных исследований.

В пространстве социально-философского анализа рассмотрение цифровой среды обращено не столько к технологической основе, сколько

к меняющемуся опыту человечества. В медиаисследованиях мы выбираем определенный сегмент, который формирует свое проблемное поле, позволяет увидеть сложность цифровой коммуникации и ее неоднозначную специфику. Если мы изучаем социальное одобрение, то в социальных сетях оно выражается особой семантической системой репрезентации в виде эмоджи, лайка и дизлайка. *Онлайн-коммуникация, трансформируясь, становится виртуальной и конституирует многомерные пласты индивидуальных и социальных контекстов, связанных с идентификационными основаниями субъекта, с правовыми составляющими функционирования интернет-отношений*, а также с тем, что социальные сети становятся инструментом для решения широкого спектра культурных, политических, экономических и индивидуальных вопросов. По мнению К. Хайнэ, цифровые данные служат коммуникационным средством, а не инструментом познания [3, с. 270].

Цифровая среда как базис цифрового общества инициирует энвайронментальную проблематику. Интернет-технологии нацелены на обеспечение комфортного существования пользователя, на привлекательное разворачивание его виртуальных стилей персонального бытия. В результате формируется зависимость субъекта от этой новой среды обитания. Виртуальная реальность характеризуется многомерностью связей и амбивалентностью отношений. По мнению К. Девидсона, важнейшими параметрами данной среды являются многомерность и открытость [4, с. 708]. Интеракция в пространстве Интернета предполагает важность выстраивания отношений, необходимость договариваться, вырабатывать определенные правила и конвенциональные взаимодействия. Однако пользователь локализован в своих функциональных возможностях, потому что любое действие в сети изначально определено и ограничено теми технологическими возможностями и условиями, которые выстроены владельцами или кураторами того или иного интернет-ресурса. На настоящий момент сформировались структуры, которые контролируют информационные сервисы на технологическом уровне, а сами субъекты цифрового общества вынуждены играть по правилам и сценариям, которые определены теми, кто задает параметры взаимодействия между человеком, технологическим устройством и программным обеспечением.

Философский анализ социальных отношений в сети позволяет вскрыть и минимизировать эффекты цифрового неравенства и социальные риски. *Если раньше эта проблема зависела от отсутствия компьютерной грамотности, ког-*

да пользователь не мог применять интернет-технологии на должном уровне, то теперь под цифровым неравенством понимается система взаимоотношений человека и техники, интерпретация взаимосвязи офлайн и онлайн, а также специфика управления ресурсами в сети.

Перспективой цифрового неравенства является ситуация, когда человеку придется конкурировать с искусственным интеллектом. Уже сейчас нейронные сети способны выполнять множество операций с точностью и быстротой, многократно превосходящей возможности человека. Ситуацию, когда кибернетические системы учатся выполнять работу врачей-диагностов или адвокатов, вполне справедливо сравнивать с ситуацией конца XVIII в., когда существовал механизированный ручной труд. Индустриальная революция привела к фантастическим изменениям в социальной структуре, фактически создав современное общество с массовым наемным трудом, с идеей, что человек должен ходить на работу, а не обрабатывать поле вокруг своего дома, с ценностями нуклеарной семьи, с представлениями о хорошей и плохой жизни. Сейчас, когда приходится сталкиваться с тем, что компьютеры учатся делать за нас интеллектуальную работу, очень трудно предсказать, во что это в социальном контексте перерастет, но по своим социальным последствиям эффект будет сопоставим с первой индустриальной революцией. Как только будут созданы системы, которые в состоянии принимать решения без участия человека и при этом делать это более эффективно, мы столкнемся с культурой *пост-субъекта*, где субъектами выступают уже не только люди. По большому счету культуру можно описать как игру с неполной информацией. И как только мы получаем систему, способную принимать решение с неполной информацией эффективнее, быстрее и дешевле, чем люди, то возникает совершенно другое социальное пространство, проблема которого заключается в том, что его еще не с чем сравнить, у нас нет подходящего языка для описания мира, где люди не принимают все решения, где система вещей и отношений выстраивается совершенно иным способом. Характерными для этого процесса становятся автоматизация интеллектуальных рабочих мест и новые формы цифрового неравенства.

Свои технологические превосходства в сложившихся условиях демонстрируют хакеры. Именно эти субъекты оказывают противоправное влияние на уровне информационных и коммуникационных процессов, являясь источниками киберугроз, таких как распространение вирусов и взломы с целью похищения личной информации.

Как следствие, возрастает уровень недоверия в сети. С целью обеспечения безопасности в пространстве Интернета национальные государства активно развивают стратегии контроля и наблюдения. Создаются законопроекты о защите персональных данных, курируется деятельность провайдеров, собираются и обрабатываются данные о рядовых пользователях. Цифровое общество приобретает свойство прозрачности и поднадзорности. На стыке интересов государств и корпораций рождаются нормы цифрового порядка. Так, все технологические компании, обеспечивающие функционирование социальных сетей, следят за своими подписчиками. Государство обладает правом налагать запреты и вводить контроль за распространением материалов, угрожающих социальному здоровью общества, прежде всего молодежи. Не меньшей властью над подписчиками обладают социальные сети, которые также могут налагать запрет на использование той или иной символики, изображений и высказываний. В случае нарушения требований администрации социальной сети пользователь ограничивается в коммуникативных возможностях – получает бан. В цифровой реальности бан фактически приравнивается к цифровому заключению. Это запрет на существование в качестве субъекта цифрового общества. Эффект цифрового стирания может быть приравнен к преследованию или смерти [5, с. 12].

Коммуникативные возможности информационного общества обладают высокой степенью продуктивности в формировании индивидуального образа. Капитализируясь, цифровой имидж становится достоянием субъекта цифровой среды. Возникает цифровая привязанность, прежде всего это касается молодежи. Наиболее зависимыми оказываются геймеры. Технологические корпорации пользуются этой зависимостью и делают ее более прочной. Данное состояние можно назвать цифровой проницаемостью. Сами же пользователи зачастую не чувствуют эту зависимость и информационную уязвимость.

В условиях цифровой среды физическое общение лицом к лицу сокращается, это также касается и телефонного общения. Для соблюдения цифрового этикета сегодня считается правильным, прежде чем позвонить человеку по телефону, предварительно написать ему в мессенджер для выяснения степени его готовности к аудиальному общению. Отвечать на письма, полученные по электронной почте, предпочтительно в течение суток. Зачастую для деловых контактов используются личные аккаунты в социальных сетях, направлять сообщения в которые можно в любое время суток вне

зависимости от часовых поясов. Появляется все больше и больше различных технологических программ-средств для общения людей. Однако данная ситуация приводит к увеличению деперсонализации и повышению уровня социальных конфликтов. Усиливаются индивидуальная и социальная нетерпимость и отчуждение, социум становится все более разрозненным.

Увеличение коммуникативных возможностей приводит к дефрагментации цифрового общества. Это связано с тем, что большинство коммуникативных актов реализуется в социальных сетях, где люди не видят лица собеседника. Происходят трансформация и расщепление субъекта социальной сети: договоренности в офлайн могут не соблюдаться в онлайн-среде. Сегодня отсутствуют универсальные объединяющие культурные коды, информационные поводы теряют всеобщее значение и смысл. Цифровое общество разделено на атомарные структуры, каждая из которых образована системой личных интересов, информационными предпочтениями и приятием только комфортной информации. Начиная с 2015 г. происходит трансформация сетевого онлайн-общения: на смену социальным сетям приходят мессенджеры, где у вас в контактах есть только необходимые лица, с которыми вы будете общаться и о которых вы будете знать максимально достоверную информацию – это люди вашего круга общения, зафиксированного в телефонной книге. В мессенджерах, как правило, общение осуществляется один на один, а группы образуются в соответствии с ситуативным интересом или возникшей потребностью. В связи с этим встает фундаментальный вопрос о человеческой социальности: насколько возможно человеку адаптироваться к атомарному существованию в мессенджерах, если он уже за последние десятилетия привык к интенсивной программе взаимоотношений в социальных сетях, насколько теперь ему будет *ценностно приемлемо* приобщаться к стратегиям индивидуальной локализации? Однако на данный момент мы продолжаем наблюдать гегемонию социальных сетей, пришедшую на смену гегемонии блогов, которые также были построены на принципе объединения в глобальное сообщество. Все это свидетельствует о желании цифрового субъекта быть социальным и находиться в потоке массовой информации и многомерных связей. Остается неразрешимым вопрос, насколько сохранится эта социальность, будут ли предложены альтернативы, которые приведут к новой индивидуализации? Очередным трендом цифрового общества в 2017 г. стали телеграм-каналы, особенность которых заключается в оперативном и аноним-

ном распространении информации подписчикам, осуществляемом в режиме «цифровых сливов» непроверенных гипотетических, но актуальных и животрепещущих новостей. Данные эффекты свидетельствуют о том, что жизненные стратегии и предпочтения личности трансформируются под воздействием цифровой среды, прежние социальные институты и системы отношений демонстрируют свою несостоятельность, возникает потребность в новых формах цифровой институционализации.

Фундаментальной компетенцией современного человека становятся коммуникативность и умение обращаться с большими потоками информации, а также навыки в выборе приоритетов и предпочтений в агрегировании информационных ресурсов и платформ взаимодействия.

В условиях цифровой среды человек обретает новую размерность бытия. Если раньше в философском дискурсе говорилось о человеке ценностном, разумном, играющем, то сегодня появляются новые параметры, мы можем говорить о человеке геолокализованном. Антропологическая реальность трансформируется под влиянием технологий, субъект приобретает метку на спутниковой карте, привязывая свое положение к местности благодаря спутниковым системам GPS и Глонасс. Если раньше на этапе раннего становления информационного общества субъект находился в системе динамических потоков, теряя свое место и положение в пространстве, то теперь он получает возможность обрести новую локализацию в физическом измерении.

Человек все чаще пользуется гаджетами, которые подключены к приложениям, социальным сетям и информационным сервисам, накапливающим информацию о перемещении и местах его пребывания. Цифровая карта наполняется сведениями о местах, в которых оказывается человек, смартфон в автоматическом режиме предоставляет информацию о том, что когда-то происходило на этом месте или чем оно может оказаться полезным для пользователя сейчас. В условиях интенсивной социальной динамики информация, всплывающая на экране, вызывает все больше доверия. Эта реальность обладает надежностью для субъекта и он обращается к данным своего смартфона гораздо чаще. Это касается пространственной и временной локализации субъекта в цифровом обществе.

Из-за несоответствия онлайн и оффлайн цифровая реальность нередко вводит в заблуждение. С другой стороны, большинство сервисов ориентируется сегодня на использование смартфона с целью сделать жизнь более комфортной, а цифровую среду – наиболее привлекательной,

а также вызвать зависимость субъекта от цифровой среды. Социально-философская рефлексия позволяет проследить, каким образом меняется человеческая субъективность. Современный человек все чаще испытывает потребность в калькулируемой, выраженной в статистических формах субъективности. Самооценка субъекта цифрового общества зависит от количества полученных лайков, просмотренных фотографий, сделанных репостов и комментариев. Пользуясь такой зависимостью, социальные сети предлагают статистические сервисы, которые рассказывают человеку о том, как он воспринимается окружающим его цифровым социумом. Для усиления степени привязанности к цифровому ресурсу Facebook и другие сети предлагают своим пользователям интересующие их новости, предоставляют статистическую информацию, связанную с личной активностью, напоминают о днях рождений друзей и важных событиях, произошедших ранее. Эти данные помогают человеку выстраивать личное позиционирование в цифровом обществе и осуществлять процедуру самоидентификации. Необходимой идентификационной ценностью обладают знаки, рассказывающие субъекту о том, кем он является сейчас в виртуальном пространстве, каков его статус и на что он может рассчитывать в цифровом обществе. Сегодня геолокализация и сведения о перемещении являются новым ресурсом, который используется в коммерческих целях. В связи с этим возникают новые риски, человек оказывается уязвимым для разного рода рекламы и спама.

Еще одна характерная черта цифрового общества – обмен данными: чем больше мы делимся качественной информацией, тем больше получаемые взамен, тем больше новых сведений становятся нам доступными. Однако главным ресурсом являются не информация и технологии, а человеческий капитал. Люди используют информационные платформы в своих целях, вступают в коммуникацию, устанавливают правила и конвенции, тем самым формируют свою собственную идентичность и благоприятную цифровую среду.

В результате технологической революции все больше действий, осуществляемых человеком, оставляют информационный след и могут быть подвергнуты анализу, калькуляции и фиксации. Пользуясь технологическими устройствами, работая онлайн, субъект цифрового общества генерирует большое количество информации, которая в свою очередь может быть структурирована, анализирована и классифицирована благодаря программам машинного обучения. Из всего этого массива извлекаются ценные инсайды. Технологи-

гии Big Data за последние несколько лет стали одним из новых источников знаний о человеке и обществе: выявляются и классифицируются предпочтения, потребности, индивидуальные и коллективные стратегии, жизненные стили миллионов людей. Защита данных и проблема приватности становится одной из актуальных проблем начала XXI в. [6, с. 39].

Социальные антиутопии и религиозные картины мира конструировали такую реальность, в которой существует «всевидящее око», знающее о человеке больше, чем он сам, оценивающее его поступки, воздающее благом за блага и наказывающее за прегрешения. Многие столетия подобные представления были фантазией: литературным проектом или предметом религиозной веры, но с наступлением эпохи Big Data они стала реальностью. И эта реальность наступила в Китае. На основе цифровых технологий предполагается осуществление проекта, который называется «системой социального кредита» или более точным по смыслу термином – системой социального доверия. С помощью муниципальных структур, налоговых, судебных органов, корпораций и цифровых технологий государство будет присваивать гражданам индивидуальный рейтинг: «к 2020 году не только каждая компания, но и каждый житель материкового Китая будет отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Рейтинг доверия физлиц будет привязан к внутреннему паспорту (身份证)» [7]. Те, у кого рейтинг будет высоким, получают льготы и преференции, а граждан с низким рейтингом будут ожидать трудности. Важно отметить, что оцениваться будет не только исполнение требований, связанных с законом и выплатой кредитов, но и морально нравственное поведение граждан. По замыслу идеологов данной системы индивидуальный рейтинг – это не угроза человеческим свободам, а источник дополнительных льгот, благ и преференций для добропорядочных граждан. Средства массовой информации КНР также проводят активную разъяснительную работу и популяризацию внедрения данной системы в жизнь.

Одним из животрепещущих вопросов социальной философии являются проблемы биополитики. Китай часто становится пространством этических экспериментов, например, это связано с исследованиями в области геномной инженерии. Что происходит в китайских лабораториях, для всех остается тайной. Это связано с тем, что Китай является особым социокультурным пространством, в котором представление о человеческих правах, свободах и обязанностях отличается от классической европейской системы ценностей,

однако данная стратегия оценки граждан может быть взята на вооружение и другими странами. Сегодня миром владеет тот, кто имеет доступ к технологиям Big Data, и Китай в этом отношении показывает устрашающий пример.

Героями цифровой среды становятся фейки и тролли, а базовыми ценностями – постпопулизм и постправда. Ориентируясь на массового потребителя цифрового общества, постпопулизм базируется на яркой, эффектной, шокирующей, но непроверенной информации. Для достижения быстрого эффекта в продвижении товара, бренда или субъекта прибегают к использованию постправды. Анализируя реалии социальной и политической жизни в США, данное понятие впервые концептуализировал Р. Кейес [8, с. 127]. Постправда конституирует такую ситуацию, в которой объективность фактов оказывается менее значимой, чем обращение к эмоциям и личным переживаниям потребителя, материал подается быстро с учетом отсутствия рефлексивного восприятия. На первый план выходит эффективность информации, а не ее достоверность. В представлении Макдональда социальные медиа конструируют такие условия, в которых ценность факта, истинности суждения, статистического анализа и рациональности нивелируется [9, с. 971–972]. В тренде оказывается короткое сообщение в стиле заголовка, который способен привлечь потенциального потребителя информации своей новизной и актуальностью. Ориентация человека на принципиальный информационный комфорт приводит к формированию информационного кокона: субъект цифрового общества предпочитает потреблять только те сведения, которые ему приятны и которые соответствуют его ценностным предпочтениям, интересам и жизненной позиции. Данная ситуация способствует цифровому отчуждению, каждый субъект оказывается в своем локальном информационном пространстве, причем с течением времени эти пространства расходятся, субъект может не знать, что происходит в информационном пространстве его ближайшего соседа. Для достижения неоднозначности смысла и эмоциональной привлекательности высказывания субъект цифрового общества избирает постиронию: это такая дискурсивная практика, когда нельзя однозначно оценить высказывание, нельзя понять, серьезно оно или это шутка, высказывание и его смысл мерцают. Происходит сочетание искренности и гротеска. Постирония является реакцией на пафос дискурсов власти и традиционной культуры, это способ демонстрации социальной критики, провокации и одновременно развлечения.

Постирония – характерная черта троллинга, ею пользуются те, кто не в силах вступать в пря-

мое силовое противодействие, тролли скрывают себя и в своих высказываниях шифруют критические смыслы, требования и вызовы официальной культуре. Таким образом, тролль одновременно выражает и не выражает свой протест, пытается обмануть и спровоцировать инстанцию власти, стимулируя окружающих солидаризироваться с собой в этих акциях. Поэтому стратегия троллинга является привлекательной и удобной формой выражения протеста. Из-за своей анонимности и массовой распространенности в информационном пространстве троллинг становится частью экономической и политической индустрии. Тролли работают на государство и корпорации, выполняют заказы по дестабилизации дискурсивных пространств социальных сетей и блогосферы. Актуальным оказывается представление о взаимосвязи знания и власти: если вы определяете то, что является знанием, вы оказываетесь носителем власти и влияния. Власть фрагментируется одновременно с представлениями о знании. Такие эффекты возникают не только в политике, но и в общественных отношениях, в социальных сетях, где каждая социальная группа, обладающая идеологией, продуцирует свою корпоративную культуру, представления, формы влияния и приоритеты. В данных условиях задача философии – оберегать форпосты рационального и критического мышления, ценности дискурсивной культуры и коммуникативной этики, провозглашать свободу и ценности прав человека.

Список литературы

1. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 55–59.
2. Zorich D. M. Digital Humanities Centers : Loci for Digital Scholarship // Working Together or Apart: Promoting the Next Generation of Digital Scholarship. Washington, 2009. P. 70–78.
3. Hine C. Databases as Scientific Instruments and Their Role in the Ordering of Scientific Work // Social Studies of Science. 2006. Vol. 36, № 2. P. 269–298.
4. Davidson C. Humanities 2.0: Promise, Perils, Predictions // Publications of the Modern Language Association of America (PMLA). 2008. P. 707–717.
5. Carroll E., Romano J. Your Digital Afterlife: When Facebook, Flickr and Twitter Are Your Estate, What's Your Legacy? Berkeley, 2011. 216 p.
6. Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H. Privacy, Big Data and the Public Good : Frameworks for Engagement. Cambridge University Press, 2014. 344 p.
7. Ковачич Л. А. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (дата обращения: 21.10.2017).
8. Keyes R. The Post-Truth Era : Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N.Y., 2004. 325 p.
9. McDonald K. From Indymedia to Anonymous: Rethinking Action and Identity in Digital Cultures. // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, № 8. P. 968–982.

Образец для цитирования:

Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>

The Diversity of the Digital Environment in a Risk Society

M. O. Orlov

Mikhail O. Orlov, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, orok-saratov@mail.ru

In the article presented, it is established that the basis for a digital society is the digital environment. The study of technologies outside the context of anthropological and social experience is insufficient, therefore, for the consideration of a digital society, the hybridization of Software studies and digital humanities is a productive one. It is established that the digital society is not only the result of technological progress, but also the result of the changing experience of mankind. The subject of social and philosophical analysis is online communication, which serves as the basis for the formation of complex structures of the digital society. The article considers the environmental issue, which is related to the quality of life of the subject in the information society. Mastering computer technologies and communication opportunities,

a person becomes a full member of the digital society, forges a balance between work and leisure, professional activity and personal life. The digital environment is characterized by multidimensional relations and the ambivalence of relations: on the one hand, communicative freedoms are revealed to the person, on the other hand, new forms of dependence and risks of alienation arise. It is revealed that due to the virtual reality a person acquires new identities, characteristics and parameters of personal being. Analyzing the Big Data technologies that allow us to re-structure the social reality in a new way, the example of China considers an individual rating system based on the assessment of personal behavior of citizens. It is revealed that social networks generate new forms of communicative practices, such as trolling, post-truth and post-breeding. The study identifies prospects for philosophical reflection in the context of the new technological capabilities of mankind, it states that the philosophical analysis of virtual reality helps minimize digital inequality and the development of digital literacy.

Keywords: digital society, digital environment, communication, social networks, risk society, digital control, social credit society, messengers, geolocation of the subject, digital risks, fake, troll, hacker, information cocoon, post-truth, post-monopoly.

Referenses

1. Orlov M. O. Ethics of discourse as the basis of socialization strategies in the globalizing world. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 55–59 (in Russian).
2. Zorich D. M. M. Digital Humanities Centers: Loci for Digital Scholarship. In: *Working Together or Apart: Promoting the Next Generation of Digital Scholarship*. Washington, 2009, pp. 70–78.
3. Hine C. Databases as Scientific Instruments and Their Role in the Ordering of Scientific Work. *Social Studies of Science*, 2006, vol. 36, no. 2, pp. 269–298.
4. Davidson C. Humanities 2.0: Promise, Perils, Predictions. In: *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*, 2008, pp. 707–717.
5. Carroll E., Romano C. *Your Digital Afterlife: When Facebook, Flickr and Twitter Are Your Estate, What's Your Legacy?* Berkeley, 2011. 216 p.
6. Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H. *Privacy, Big Data and the Public Good: Frameworks for Engagement*. Cambridge University Press. 2014. 344 p.
7. Kovachich L. A. *Bolshoy brat 2.0. Kak Kitay stroit cifrovuyu diktaturu* (Big Brother 2.0. As China builds digital dictatorship). Available at: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (accessed 21 January 2018) (in Russian).
8. Keyes R. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York, 2004. 325 p.
9. McDonald K. From Indymedia to Anonymous: Rethinking Action and Identity in Digital Cultures. *Information, Communication & Society*, 2015, vol. 18, no. 8, pp. 968–982.

Cite this article as:

Orlov M. O. The Diversity of the Digital Environment in a Risk Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>

УДК 141.32

Экзистенция свободы Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова: сравнительный анализ

С. В. Постнов

Постнов Сергей Владимирович, аспирант философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, magkronik@mail.ru

В статье рассматривается проблема религиозного характера экзистенциальной философии Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова. Проведен сравнительный анализ их концепций по отношению к христианскому толкованию свободы. Констатируется, что понятие «свобода» может не только выражаться своим собственным смысловым значением (семантикой), но и рефлексироваться интуитивным опытом экзистенциального познания. Так, субстанциональная свобода в личностном восприятии Н. Бердяева и Л. Шестова противоположна сущности материально-рационалистического понимания. В частности, с позиций Н. А. Бердяева, свобода постигается посредством творческого соединения двух начал: абсолютного Божественного и человеческого, тогда как у Л. И. Шестова – автономно через противостояние личностной иррациональности законам логики. Однако оба философа остаются в экзистенциально-непостижимой области познания свободы. Сравнивая подходы философов относительно проблем онтологии свободы, рассматриваемых ими в контексте догматического и адогматического мышления, автор приходит к выводу, согласно которому экзистенциально-иррациональную онтологию свободы Н. А. Бердяев ориентирует на динамическое развитие, в то время как Л. И. Шестов обращается к онтологической свободе в попытке освободить сознание от самоочевидностей, преодолев законы разума и тем самым направив мышление в область иррационального, чтобы достигнуть «чистой религии» и изначальной религиозной свободы.

Ключевые слова: свобода, Бог, экзистенция, экзистенциализм, онтология, рациональность, генезис, иррациональность, вера.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-162-165>

Свобода – слово, которое в человеческом сознании служит предпосылкой к экспансивной реакции, в ней отражается мотив к побуждению действовать незамедлительно и непреложно, то есть прямо сейчас. Таким образом, свобода может рефлексироваться индивидуумом не только как понятие – этимон, но и как интенционное стремление личности в область трансцендентного еще непознанного знания или неполученного опыта.

14 июля 1789 г. произошла Великая французская революция (фр. *Révolution française*), изменившая политическую и социальную системы Франции, приведшая к уничтожению монархии и утверждению Первой французской республики

де-юре (по праву в сентябре 1792 г.) свободных и равных граждан. Это историческое событие протекало под лозунгом французского революционера Максимилиана Франсуа Мари Исидора де Робеспьера «Свобода, равенство, братство» (фр. *Liberté, Égalité, Fraternité*) [1, с. 643]. Позже эти слова в своих трудах будут обсуждать и использовать К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин.

Следует отметить, что свое новое смысловое значение свобода обрела в период Октябрьской революции 1917 г. Она стала отражением сущности террора. «Народ на опыте убеждается, что недостаточно получить обещание свободы, надо иметь еще силу захватить свободу», – писал В. И. Ленин [2], или, по его словам, «нужно поощрять энергию и массовидность террора» [3]. Против такого рода понимания свободы выступали пострадавшие от этой революционно-террористической свободы Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов. Согласно их философским воззрениям, свобода чужда материально-рационалистическому пониманию. У них она, наоборот, идеализирована, духовна и иррациональна, поэтому так близка к религиозному пониманию экзистенциальной свободы человека. Вместе с тем Н. А. Бердяев одним из первых среди современников затронул тему антроподицеи, особенностью которой явилось творческое оправдание существования человека. Именно с точки зрения философских идей свободы и творчества, которые стали фундаментальными и основополагающими понятиями в экзистенциальных взглядах философа, им рассматривалась и религия: «Религия есть связь между Богом и человеком. Бог рождается в человеке и человек рождается в Боге. Бог ждет от человека творческого и свободного ответа» [4]. Что касается взглядов Л. И. Шестова, то они схожи с позициями Тертуллиана, который говорил: «*Crucifixus est dei filius; non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile est*» (лат. Распят Сын Божий – не стыдно, потому что вынуждает стыдиться. И умер Сын Божий – оттого и заслуживает веры, что нелепо. И похороненный воскрес – достоверно, потому что невозможно) ... На первый взгляд, трудно даже нарочно придумать более резкий вызов научным предпосылкам. Религия

как бы окончательно и навсегда порывает с наукой, с человеческим разумом. *Certum est, quia impossibile est* – несомненно, ибо невозможно: чего, кажется, еще?» [5]. Из приведенного высказывания следует, что вера для Л. И. Шестова становится средством борьбы с разумом и всей наукой в целом. При этом свобода достигается автономно (без участия Бога) через борьбу религиозной иррациональности с научными законами логики. Такая онтологическая независимость Л. И. Шестова может служить основанием для выделения в ней сущностных свойств его экзистенциальных взглядов относительно свободы. Следовательно, ее можно назвать «свобода от». Для Н. А. Бердяева же свобода есть некая цель, в которой посредством творческой активности достигается единение человека с Богом и Бога с человеком. Творчество становится равносущностным понятием свободы. Н. А. Бердяев согласно своим философским установкам называет иное, отличное от шестовской онтологической независимости свойство свободы – «свобода для». Однако общим лейтмотивом как для одного, так и для другого философа будет являться экзистенциально-иррациональная основа.

Заметим, что бердяевское мировоззрение стремится обрести свободу в рамках догматического мышления: «Догматическая философия – философия дерзающая, творящая. Творящий – всегда догматичен, всегда дерзновенно избирающий и утверждающий избранное. Догматическая философия – философия свободная, в ней совершается творческий акт духовной силы ... Догматизм есть цельность духа, творческая его уверенность в своей силе» [6]. Шестовская же рефлексия движется от обратного, мышление философа пытается освободиться, отталкиваясь от апофеоза адогматического мышления, так называемой беспочвенности. Соответственно «разговор о внешней законченности» (следует понимать как проявление всякого рода рациональности мышления) Шестовым не поддерживается. Его первоочередная задача – освободить ум от всевозможных общепринятых понятий, которые согласно воззрениям философа можно назвать научными догмами человеческого сознания. И именно они, принятые научным собранием, рассматриваются как истины повседневности и навязываются основателями философских и теологических систем. Кроме того, сам ученый призывал освободить мышление «от всякого рода начал и концов» [7]. Эта ответственность по освобождению ума ложится не на религию, как у Бердяева, а на постоянно «пугающую и смущающую» философию. Она «...должна бросить попытки отыскания вечных истин (лат. *veritates*

aeternae). Ее задача научить человека жить в неизвестности – того человека, который больше всего боится неизвестности и прячется от нее за разными догматами. Короче: задача философии не успокаивать, а смущать людей» [7].

Представляют интерес взгляды Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова, касающиеся экзистенциально-иррациональной онтологии свободы. В зависимости от передачи религиозного и мистического опыта возникает проблема, связанная с онтологической транскрипцией. Н. А. Бердяев писал: «Абсолютизация динамических моментов духовного опыта в христианской онтологии и метафизике может стать великой неправдой статики, восставшей против вечной правды динамики абсолютной духовной жизни» [6]. То есть динамическая передача духовного опыта согласно его взглядам должна стать доминантой «над статической транскрипцией религиозной онтологии» [6]. Непознаваемость есть неизбежный аспект религиозного опыта, а не безусловная, неподвижная истина онтологии. Иначе говоря, статичная онтология не может статьместищем свободы, так как неподвижность не способна удовлетворить критерии динамичной свободы. Такая онтология, находящаяся в недвижимой статике, не дает возможности более полного раскрытия потенциала свободы. Динамическая же онтология, напротив, имея постоянное развитие и изменение, дает потенциальную возможность экзистенциально-иррациональной свободе. Таким образом, динамико-онтологическое начало становится главным свойством свободы. Ведь «... свобода есть исходное, она утверждается в ее безмерности и бездонности и ни на что не сводима» [8, с. 36]. Перечисленные свойства в свою очередь становятся одним из признаков динамического развития сущности свободы.

Анализ экзистенциальных философских взглядов касательно иррациональной онтологии свободы у Л. И. Шестова, как представляется, очень близко смыкается с гносеологией, воспримлемой через призму религиозной парадигмы. Согласно его утверждению «религиозная философия есть рождающееся в безмерных напряжениях, через отврат от знания, через веру, преодоление ложного страха перед ничем не ограниченной волей Творца, страха, внушенного искусителем нашему праотцу и переданного нам всем. Иначе говоря, она есть великая и последняя борьба за первозданную свободу и скрытое в свободе божественное “добро зело”, расплывшееся после падения на наше немощное добро и наше все уничтожающее зло» [9, с. 355]. Данное философско-религиозное осмысление

онтологии свободы Шестова можно сравнить с понятием чистой религии и изначальной религиозной свободой, которой обладал первый человек (Адам) до грехопадения. Такая свобода должна избавить сознание индивидуума от зависимости к самоочевидностям и, преодолев законы логики, направить личностное мышление в область иррационального, где есть и *pura religio* (лат. «чистая религия»), и *pura fide* (лат. «чистая вера»), и *pura mens* (лат. «чистый ум», который не смешан ни с какими антропоизмами). Ведь в области трансцендентного откровения лежит трансцендентальная истина, а где есть истина, присутствует и свобода.

Бердяевская же рефлексия относительно сущности свободы представлена по преимуществу в соответствии с религиозными установками христианского мировоззрения. Кроме того, одно из немногих отличий этой онтологии от шестовской состоит в том, что она учитывает развитие религиозной традиции в постоянно изменяющемся историческом процессе пролиферации социума в общем и человеческого сознания в частности.

Все вышеизложенное дает основание полагать, что получаемые философами знания о свободе носят различный характер. Так, Н. А. Бердяев в своей рефлексии исходит от априорного (лат. *a priori* – буквально «от предшествующего») опыта познания свободы, ведь весь познаваемый мир, как и сам Бог, согласно его философским представлениям происходят из сущности Бездовного, что может свидетельствовать о допытном познании Бердяевым свободы. Л. И. Шестов же из каждого утверждения, получая опыт, выводит знание, говорящее о свободе, то есть знание, полученное из опыта, что может указывать на его апостериорный (лат. *a posteriori* – от последующего) метод познания свободы.

При этом нельзя не отметить, что Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов рассматривают свободу в разных, но все же пересекающихся смыслах. Основанием такого синтеза может служить феноменальность веры, что составляет весомую часть парадигмальных основ их экзистенциального философствования. По Н. А. Бердяеву интерпретация веры выражена религиозной свободой, тогда как по Л. И. Шестову представлена свободой религии. Однако ни один из указанных представителей русской религиозной философии не избежал противоречий с христианской традицией толкования свободы, которая предполагает ее этизацию, рассматривая любовь как наивысшее проявление экзистенциальной свободы человека.

В этом смысле свобода не есть некая категорическая дозволенность (это понимается

человеком в рамках юриспруденции или социологии). Предполагается, что такая свобода априори детерминирована либо нормами права, либо нравственно-моральными принципами общества. Этизация свободы подразумевает антропоцентрический подход, то есть действие личности как субъекта должно быть согласовано с положениями познаваемого объекта по отношению к его действиям. Экзистенциальная свобода, обладая потенциалом, и должна быть осуществлена согласно ее итоговой форме, которая именуется любовью. Любовь становится этизированной, реализованной свободой самой в себе. В таком случае свобода рефлексивируется не просто как законодательный ноумен нашего сознания, но, выходя за рамки рационально-познавательного, становится феноменом антропоморфного познания.

Все это можно назвать попыткой умственного понимания свободы, основанной на трудах русских философов Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова. Так, в своих комментариях к произведениям Л. И. Шестова М. Финкенталь пишет: «Человек был создан по образу Бога, но это утверждение относится к его возможному состоянию» [10, с. 128]. Ведь согласно религиозному мышлению лишь только вера в Бога способна открыть перед человеком бесконечные возможности его пневматологического преобразования, соответственно и осуществить посредством веры этизацию свободы до трансцендентных пределов онтологии любви. Следовательно, вера для человека становится фундаментальной и основополагающей возможностью преобразования как самого себя, так и окружающего мира через преодоление своей несовершенной природы.

Список литературы

1. *Robespierre M. Oeuvres complètes de Maximilien Robespierre. P., 1950. Vol. VI. 643 p.*
2. *Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1972. Т. 13. 579 с.*
3. *Ленин В. И. Цитаты из записей Ленина 11 августа 1918 г. // Цитата. Инфо. URL: <https://citaty.info/quote/370054> (дата обращения: 19.10.2018).*
4. *Бердяев. Н. А. Мое философское мирозерцание // Библиотека Якова Кротова. URL: http://yakov.works/library/02_b/berdyayev/1937_000.html (дата обращения: 22.10.2018).*
5. *Шестов Л. И. Логика религиозного творчества (памяти Уильяма Джемса). URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shestov12.htm#_ftnref1 (дата обращения: 22.10.2018).*
6. *Бердяев. Н. А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). URL: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdyayev018.htm> (дата обращения: 23.10.2018).*

7. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). URL: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm> (дата обращения: 24.10.2018).
8. Бердяев Н. А. *Философия свободы*. М., 1989. 608 с.
9. Шестов Л. И. *Соч.*: в 2 т. М., 1993. Т. 2. 560 с.
10. Finkenthal M. *Lev Shestov: existential philosopher and religious thinker*. N.Y., 2010. 203 p.

Образец для цитирования:

Постнов С. В. Экзистенция свободы Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова: сравнительный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 162–165. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-162-165>

The Existence of Freedom by N. A. Berdyaev and L. I. Shestov: Comparative Analysis

S. V. Postnov

Sergey V. Postnov, <https://orcid.org/0000-0002-8215-3400>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, magkronik@mail.ru

The article deals with the problem of the religious nature of the existential philosophy of N. A. Berdyaev and L. I. Shestov. A comparative analysis of their concepts in relation to the Christian interpretation of freedom has been carried out. It is shown that the concept of freedom can be expressed not only by its own semantic meaning (semantics), but also be reflected in the intuitive experience of existential cognition. Thus, the substantial freedom in the personal perception of N. Berdyaev and L. Shestov is opposed to the essence of the material-rationalistic understanding. In particular, from the standpoint of Berdyaev, freedom is comprehended through the creative combination of two principles: the Absolute Divine and the human. Whereas according to L. Shestov, freedom is achieved autonomously through the opposition of personal irrationality to the laws of logic. But both philosophers remain in the existentially incomprehensible field of knowledge of freedom. At the same time, the philosophers' approaches are compared with the problems of the ontology of freedom, which they consider in the context of dogmatic and adogmatic thinking. Finding out the specifics of solving the problems posed, the author discovers that with regard to the existential-irrational ontology of freedom, Berdyaev focuses it on dynamic development. Whereas Shestov, on the contrary, turns to ontological freedom in an attempt to free the mind from self-evidentness, overcoming the laws of reason, thereby directing thought to the area of the irrational – to achieve pure religion and original religious freedom.

Keywords: freedom, God, existence, existentialism, ontology, rationality, genesis, irrationality, faith.

References

1. Robespierre M. *Oeuvres complètes de Maximilien Robespierre*. Paris, 1950, vol. VI. 643 p.
2. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.*: v 55 t. [Full Composition of Writings: in 55 vols.]. Moscow, 1972, vol. 13. 579 p. (in Russian).
3. Lenin V. I. Citaty iz zapisej Lenina 11 avgusta 1918 g. (Quotes from Lenin's Notes on August 11, 1918). *Citata. Info*. (Quote. Info). Available at: <https://citaty.info/quote/370054> (accessed 19 October 2018) (in Russian).
4. Berdyaev N. A. Moe filosofskoe mirosozercanie (My philosophical outlook). *Biblioteka Yakova Krotova* (Library of Jacob Krotov). Available at: http://yakov.works/library/02_b/berdyaev/1937_000.html (accessed 22 October 2018) (in Russian).
5. Shestov L. I. *Logika religioznogo tvorchestva (pamyati Uil'yama Dzhemsa)* (Logic of religious creativity {In memory of William James}). Available at: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shestov12.htm#_ftnref1 (accessed 22 October 2018) (in Russian).
6. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva (opyt opravdaniya cheloveka)* (The meaning of creativity {The experience of justifying a person}). Available at: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdyaev018.htm> (accessed 23 October 2018) (in Russian).
7. Shestov L. I. *Apofoez bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya)* (Apotheosis of groundlessness {Experience of adogmatic thinking}). Available at: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm> (accessed 24 October 2018) (in Russian).
8. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, 1989. 608 p. (in Russian).
9. Shestov L. I. *Soch.*: v 2 t. [Works: in 2 vols.] Moscow, 1993, vol. 2. 560 p. (in Russian).
10. Finkenthal M. *Lev Shestov: existential philosopher and religious thinker*. New York, 2010. 203 p.

Cite this article as:

Postnov S. V. The Existence of Freedom by N. A. Berdyaev and L. I. Shestov: Comparative Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 162–165. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-162-165>

УДК 1:304.444

Субъектные основы виртуализации социальной реальности в информационном обществе

О. С. Смолиговец

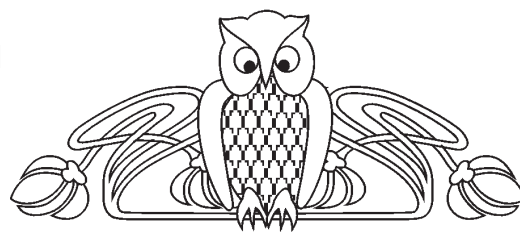
Смолиговец Олег Сергеевич, аспирант кафедры философии, Волгоградский государственный университет, Feanorik@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению детерминирующей роли виртуальной реальности по отношению к современному социуму. В качестве исходной позиции автором принимается позитивное понимание виртуальных процессов, способных стать инструментом развития социальной системы. Утверждается тенденция виртуализации классических социальных институтов. Рассматривается история понятия «виртуальная реальность»: от средневековых подходов до отечественной виртуалистики. Виртуальная реальность признается многослойным образованием, которое не сводится лишь к цифровой ее модели. Вместе с тем последняя является наиболее развитой формой виртуальности, которая выступает в качестве единого канала трансляции многообразных виртуальных феноменов. В основании самой же виртуальной реальности лежит деятельность социального субъекта. Выделяются три функции субъекта в его связи с виртуальной реальностью: носитель виртуального как особого модуса социального, способ выявления реальности виртуального, управление социальной реальностью через виртуальные социальные институты. В итоге автор не просто фиксирует инструментальный характер виртуального, а включает виртуальность в бытие социальной системы в качестве структурного элемента пространства субъекта: в активной роли виртуальной реальности проявляется функционирование самой социальной системы в качестве саморегулирующегося субъекта.

Ключевые слова: субъект, информационное общество, виртуальная реальность, социальная реальность, сжатие социального пространства.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-166-170>

В данной статье предпринята попытка выяснить связь понятий «виртуальная реальность» и «социальный субъект». Хотя современное общество не может мыслиться вне виртуализации ключевых социальных процессов и понятие «виртуальное» уже раскрыто в множестве публикаций, многие проблемы в рамках тематики виртуальной реальности остаются непроясненными, отчего исследования в данной области сохраняют свою актуальность. В современном обществе виртуализация социальных институтов приобретает разнообразные формы: от традиционных управляемых форм (предоставление государственных услуг в режиме онлайн) до принципиально новых, выходящих за рамки при-

вычных форм регулирования (криптовалюты). Последняя до сих пор не получила однозначной оценки. Наряду с пиаром в СМИ имеет место и критика данного феномена. «Криптовалютный бум, наблюдаемый в настоящее время, имеет признаки как экономического пузыря, так и финансовых пирамид» [1, с. 77].

В исследовании виртуальной реальности открываются конкретные проблемы и направления. Так, Е. В. Летов, описывая наиболее общие характеристики виртуальной реальности, упоминает целый ряд источников рисков, среди которых следует выделить:

- 1) снятие запретов обыденной жизни через анонимность;
- 2) размывание идентичности;
- 3) торможение волевой регуляции личности через сегментированную визуальную составляющую.

Данные характеристики определяют оторванность личности в виртуальной среде от социальной реальности и ее подверженность манипулятивным воздействиям. «Так вот, очень многие “поля” киберпространства созданы для произрастания психически нормальных “овощей”, даже более того — массового их произрастания» [2, с. 74].

Все это свидетельствует о том, что виртуальная реальность в современной ее форме влияет не только на личность, но и на всю социальную систему, преобразуя последнюю. Необходимо не только взвешивать риски, но и беспристрастно анализировать необратимые метаморфозы современного общества.

Другим направлением, обозначающим актуальность исследования, является устойчивая подмена всего класса виртуальных феноменов лишь кибернетической (цифровой) виртуальностью. Критика виртуальной реальности игнорирует то, что построение виртуальных реальностей свойственно человеку и обществу, имеет длительную историю, которая не сводится лишь к развитию компьютерных технологий и Интернета. Необходимо выяснить, каким образом информационные технологии сегодня соотносятся с виртуальной реальностью. При этом важно осознавать, что цифровая виртуальная реальность — лишь часть

той сферы, которая именуется виртуальной реальностью. Наконец, какова роль социального субъекта в отношениях его с виртуальной реальностью? Гипотеза наша связана с тем, что *социальный субъект выступает особым медиатором, который формирует виртуальную реальность как часть социальной реальности и опосредует связи между ними.*

Таким образом, настоящее исследование преследует следующие цели: 1) уточнить понятие виртуальной реальности; 2) выявить конструирующую функцию виртуальной реальности, так как сегодня она способна стать инструментом развития социальной системы; 3) определить социальный субъект как медиатор в отношениях между социальной и виртуальной реальностью.

В современном социуме явно проявляет свою значимость информация как характеристика социальной организации. Предлагались разные понятия для концептуализации этих социальных изменений: постиндустриальное общество (Д. Белл), информационное общество (Э. Тоффлер, Й. Масуда, Н. Н. Моисеев), технотронное общество (З. Бжезинский). Все эти варианты фиксируют то, что на передний план в сфере производства, управления и многих других выступают информационные технологии. Сегодня эта технологизация информации существует в форме особой, цифровой виртуальной реальности. Однако само понятие виртуальности, применяемое к обозначению феномена цифрового мира, не может быть сведено к последнему, поскольку имеет длительную историю существования и развития.

В философии сформировалось несколько подходов к определению понятия «виртуальный». Р. В. Леушкин выделяет несколько трактовок данного понятия. Средневековые мыслители (Василий Великий, Фома Аквинский) понимали виртуальное как сферу возможного. «Если проанализировать ход рассуждения автора (Василий Великий, “Беседы на шестоднев”), то окажется, что виртуальность представляется им как некая сущность материальных объектов, заключенная в потенции и раскрывающаяся в процессе воплощения в процессах действительности. Виртуальный объект в данном случае оказывается сущностью потенциальной по отношению к реальному объекту и осуществляется в нем в результате актуализации» [3, с. 1555]. В Новое время виртуальный характер имела целевая причина, которая «... выступает необходимым условием реальности, будучи трансцендентным по отношению к ней» [3, с. 1555]. Кроме того, в современной науке понятие «виртуальность» стали употреблять по отношению к объектам,

не обладающим полнотой существования: их физические характеристики невозможно зафиксировать, но можно обнаружить через результат их взаимодействия с другими объектами. Анализируя виртуальные объекты, Р. В. Леушкин утверждает: «Можно выделить два основания конструктивной реальности: опытное взаимодействие и теоретическое построение. Теоретическое построение использует конструктивный потенциал естественного языка, а эмпирическая проверка опирается на достоверные свидетельства (очевидности действительности)» [3, с. 1554]. Таким образом, реальность – это осуществленное в опыте и языке событие, с реальным объектом или процессом возможно непротиворечивое теоретическое или практическое взаимодействие. Эти рассуждения выявляют наличие неопределенности в виртуальной реальности, которая, тем не менее, не отменяет существования последней.

Согласно А. Е. Иванову виртуальная реальность – это «понятие, посредством которого обозначается совокупность объектов следующего (по отношению к реальности низлежащей, порождающей их) уровня. Эти объекты онтологически равноправны с порождающей их “константной” реальностью и автономны; при этом их существование полностью обусловлено перманентным процессом их воспроизведения порождающей реальностью — при завершении указанного процесса объекты виртуальной реальности исчезают» [4]. В виртуалистике категория виртуальности анализируется через понятия субстанциальности и потенциальности: виртуальные объекты, не будучи субстанциальными, обладают реальностью, актуальностью. Такой подход позволяет понимать виртуальность в качестве части материального мира, в рамках неклассической трактовки материи. Однако, поскольку феномен виртуальности является социальным, необходимо понять не только структурные взаимоотношения между формами реальности, но и то, каким образом виртуальная реальность оказывает влияние на социальную реальность, становится ее частью.

Н. А. Носов, будучи очевидцем формирования процесса цифровой виртуальной реальности, предпринял попытку демонстрации методологии исследования виртуальности без сведения ее лишь к кибернетической. Утверждая полионтичность как парадигмальную ориентацию виртуалистики, автор выделяет четыре специфических для виртуальной реальности свойства:

1) порожденность (виртуальная реальность продуцируется активностью другой, внешней по отношению к ней реальностью);

2) актуальность (виртуальная реальность существует только «здесь и теперь», пока активна порождающая ее реальность);

3) автономность (виртуальная реальность обладает своим временем, пространством и законами существования, независимыми от времени, пространства и законов внеположенной реальности);

4) интерактивность (будучи онтологически независимой, виртуальная реальность может взаимодействовать с другими реальностями).

Таким образом, вышеописанные свойства раскрывают ключевую категориальную оппозицию виртуалистики: виртуальность – константность. Виртуальная реальность всегда производна, однако статус исходной реальности не обязательно предполагает ее субстанциональности. Виртуальная реальность может быть порождена другой виртуальной реальностью.

Н. А. Носов считает, что сегодня развитие теории виртуальности связано лишь с цифровой виртуальностью, однако в истории философии зафиксированы и альтернативы. Не вдаваясь в подробности этих направлений, которые не получили развития в культуре, отметим следующее. Совершенно справедливо замечание Н. А. Носова, согласно которому «имеющиеся разработки идеи некомпьютерной виртуальности остались втуне» [5, с. 34]. Сам автор уделяет значительное внимание индивидуализированным психическим виртуальным феноменам, однако, на наш взгляд, эти случаи не исчерпывают всех возможных форм виртуальной реальности. Нас интересует коллективная, надындивидуальная форма бытия виртуальной реальности, которая может быть связана с формой социальной субъектности.

Задача, которую Н. А. Носов именовал *построением виртуальной культуры*, относима к специфической форме компьютерной виртуальности, поскольку искусство в целом ряде своих форм существует именно в виртуальной форме; отдельные произведения в литературе, музыке, театре, кино и других видах искусства представляют собой виртуальные миры, полностью отвечающие выделенным критериям. Эти произведения свидетельствуют о том, что полионтичная парадигма не является чем-то принципиально новым для западной культуры. Особенность современной ситуации состоит в том, что до предела повышается интерактивность многочисленных виртуальных реальностей, объединенных информационными технологиями.

Таким образом, можно заключить, что виртуальная реальность не представляет собой единое образование. Существует множество социальных (надындивидуальных) виртуальных феноменов,

которые в результате развития компьютерных технологий получили единый интерактивный канал трансляции, именуемый сегодня цифровой или кибернетической реальностью. Практически не затрагиваемой проблемой в контексте исследований виртуальной реальности являются роль и место социального субъекта. Каким образом рост виртуализации влияет на бытие социального субъекта? В чем функциональная роль субъекта в современном виртуализирующемся обществе?

Специфика нашего определения субъекта состоит в том, что саму социальную систему мы интерпретируем как особый метасубъект и выделяем три модуса его существования.

Во-первых, понятие «субъект» включает в себя сознание как способность человека существовать во внутреннем пространстве-времени этого субъекта, переводить свою деятельность и общение в его нормы и требования.

Во-вторых, субъект понимается как объективный способ организации бытия общественной системы. Его собственное изменение осуществляется как «бегство» от слияния с овеществленной объектной средой, т.е. как будущее, являющееся наиболее адекватной для существования такого субъекта формой трансцендирования, предполагает субъект в качестве механизма развития социума.

В-третьих, деятельность субъекта является связью между объективным статусом социальной реальности и ее субъективным содержанием. В. А. Лекторский утверждает, что объективное – это «то, что существует независимо от индивидуального сознания» [6, с. 137]. Независимая от индивидуального сознания социальная реальность вместе с тем детерминирована активностью социальных субъектов, что порождает представление о функционировании общества как системы-субъекта.

Роль субъекта в отношениях между константной социальной и виртуальной реальностью раскрывается при анализе понятия информации. Компьютерные технологии служат средством трансляции информации, которая получает устойчивые формы интерпретации, закрепленные как виртуальные реальности. Именно открытость для интерпретации субъектом информации позволяет ей быть универсальной основой для многочисленных виртуальных реальностей.

Следует отметить, что специфическим критерием виртуальной реальности является субъектный характер порождающей ее константной реальности. Более того, виртуальная реальность не противопоставляется константной (социальной), но дополняет ее, в то время как

сама социальная реальность не может в полной мере считаться дополнением природной реальности. Субъект в связи с этим принимает на себя ряд специфических функций.

Во-первых, *субъект является носителем виртуальной реальности*, по отношению к которой социальная реальность выступает в качестве среды. Важно отметить, что под средой в данном случае понимается пространство, в котором существует виртуальная реальность, являющаяся модусом бытия социального, в котором повторяются функции последнего. Виртуализация – это способ развития социальной реальности. Для преобразования объективной стороны социальной реальности требуется деятельность ее субъектной стороны.

Во-вторых, *субъект выступает в качестве способа выявления реальности виртуального*. В «Новой философской энциклопедии» дано следующее определение реальности. «Реальность – философский термин, употребляющийся в разных значениях: все существующее вообще; объективный мир; действительность; фрагмент универсума, составляющий предметную область соответствующей науки...» [6, с. 428]. Можно выделить три класса систем реальности: природа, общество и, наконец, виртуальное. Элементы, составляющие систему природной реальности, очевидны. Социальная реальность, наоборот, не фиксируется органами чувств, однако дана нам в опыте, более того, она преобразующее влияет на природные объекты, превращая их в артефакты. Этот процесс позволяет социальной системе-субъекту объективироваться. Наконец, виртуальная реальность требует определенных технических, а также символических средств обнаружения. Все эти формы реальности едины в том, что они охватываются опытом субъекта. Таким образом, реальность – это характеристика объектов, данных субъекту в опыте, входящих в пространство деятельности субъекта. Виртуальная реальность представляет собой именно реальность, несмотря на потерю связи с действительностью.

В-третьих, в процессе виртуализации социальной реальности качественно меняется регулятивная функция субъекта. В этом аспекте такое свойство виртуальной реальности, как интерактивность, позволяет полнее раскрыть феномен *сжатия социального пространства* – процесс, обнаруживающий ослабление или даже утрату связи социального пространства с пространством природы, что позволяет эффективно управлять социальной реальностью через виртуальную среду, которая становится важным компонентом

социума и ее структуры. Симптомом этого процесса является перенос в виртуальную реальность многих социальных институтов.

Даже при учете возможности погружения в виртуальность субъект выступает представителем константной реальности. Социум является сложным образованием. В него включена целая сеть виртуальных реальностей, единой основой которых служит реальность социального субъекта.

В начале XXI в. Н. А. Носов высказал следующую идею: «В силу свойства интерактивности возможно управляющее воздействие со стороны виртуальной реальности на константную и, следовательно, возможно *виртуальное управление* событиями в константной реальности» [7]. Сегодня данная идея не нуждается в иллюстрации. Все больше социальных институтов переходят в виртуальную реальность, а последняя приобретает субъектные функции. Этот процесс означает не смерть субъекта, а расширение его сферы. Смысл субъектной интерпретации социума не в слепом отождествлении субъекта и объекта в социуме, а в расширении сферы деятельности субъекта. Демонизация информационных технологий несправедлива: субъект всегда выступает медиатором между различными формами социального и виртуального.

В заключение стоит сказать, что субъект – это системное свойство, которое, концентрируясь в личности, в ходе истории переходит надындивидуальные, а также в безличные (институциональные) формы. Данный процесс распространяется и на современную форму бытия виртуальности. Социальная система, понятая как субъект, это модель *самоуправляемого общества*, в котором виртуальная реальность, зародившаяся как инструментальная, все более явно включается в пространство субъекта. Специфическая роль цифровой виртуальной реальности в этом процессе управления социумом связана со способностью виртуальной реальности к сжатию социального пространства, т. е. с преодолением связи природного и социального пространства. Сформулированные выводы позволяют также заключить, что неполнота существования виртуальной реальности полностью преодолевается при помощи включения ее в более широкую, социальную реальность, которая, в свою очередь, дополняется и расширяется.

Список литературы

1. Грылева И. В. Анализ базовых свойств криптовалют // Экономика и бизнес : теория и практика. 2018. № 4. С. 70–74.

2. Летов Е. В. Виртуальная реальность: потенциален ли риск для человека и человечества? // Вестн. МГУКИ. 2012. № 5 (49). С. 75–79.
3. Леушкин Р. В. Виртуальный объект как проблема конструктивного реализма // Фундаментальные исследования. 2014. № 6, ч. 7. С. 1553–1558. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34379> (дата обращения: 06.12.2018).
4. Иванов А. Е. Виртуальная реальность // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002. С. 183–186. URL: http://ec-dejavu.ru/v/Virtual_reality.html (дата обращения: 20.12.2018).
5. Носов Н. А. Виртуальная психология. М., 2000. 432 с.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Науч.-ред. совет : предс. В. С. Степин, учен. секр. А. П. Огурцов. М., 2010. Т. 3. 692 с.
7. Носов Н. А. Манифест виртуалистики. М., 2001. 17 с. URL: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (дата обращения: 14.01.2019).

Образец для цитирования:

Смолиговец О. С. Субъектные основы виртуализации социальной реальности в информационном обществе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 166–170. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-166-170>

Subject Bases of Virtualization of Social Reality in the Information Society

O. S. Smoligovets

Oleg S. Smoligovets, <https://orcid.org/0000-0003-3354-5368>, Volgograd State University, 100 Universitetskij Ave., Volgograd 400062, Russia, Feanorik@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the determining role of virtual reality in contemporary society. The author is positive about virtual processes that can become a tool for the development of a social system. The trend of virtualization of classical social institutions is being asserted. The author examines the history of the concept of "virtual reality": from medieval approaches to Russian virtual studies. Virtual reality is recognized as a multi-layered formation, whose interpretation is not limited only to digital virtual reality. At the same time, digital virtual reality is the most developed form of virtuality, which acts as a unified channel for broadcasting diverse virtual phenomena. The activity of a social subject is the basis of virtual reality. The author identifies three functions of the subject in his connection with virtual reality: the medium of the virtual as a special social mode, a way to identify the reality of the virtual and management of social reality through virtual social institutions. As a result, the author not only fixes the instrumental nature of the virtual, but includes virtuality in the being of the social system as a structural element of the subject's space: the functioning of a social system, understood as a self-regulating subject, manifests itself in the active role of virtual reality.

Keywords: subject, information society, virtual reality, social reality, compression of social space.

References

1. Gryleva I. V. Analysis of the basic properties of cryptocurrencies. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice], 2018, no. 4, pp. 70–74 (in Russian).
2. Letov E. V. Virtual Reality: Is the Risk Potential for Man and Mankind? *Vestnik MGUKI* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2012, no. 5 (49), pp. 75–79 (in Russian).
3. Leushkin R. V. Virtual Object as a Problem of Constructive Realism. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 6 (7), pp. 1553–1558. Available at: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34379> (accessed 6 December 2018) (in Russian).
4. Ivanov A. E. Virtual Reality. In: *Istoriya filosofii. Entsiklopediya* (History of Philosophy. Encyclopedia), Minsk, 2002, pp. 183–186. Available at: http://ec-dejavu.ru/v/Virtual_reality.html (accessed 20 December 2018) (in Russian).
5. Nosov N. A. *Virtualnaya psikhologiya* [Virtual Psychology]. Moscow, 2000. 432 p. (in Russian).
6. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: v 4 t. [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow, 2010, vol. 3, 692 p. (in Russian).
7. Nosov N. A. *Manifest virtualistiki* (Virtualistics Manifesto). Moscow, 2001. 17 p. Available at: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (accessed 14 January 2019) (in Russian).

Cite this article as:

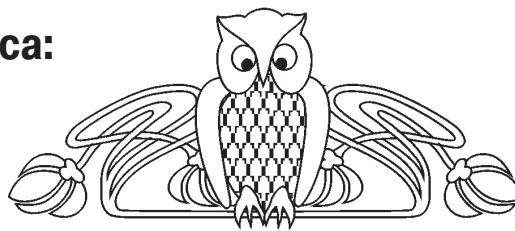
Smoligovets O. S. Subject Bases of Virtualization of Social Reality in the Information Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 166–170. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-166-170>

УДК 1(44)+929

Философия языка Юргена Хабермаса: рациональная теория универсальной прагматики

Л. И. Тетюев

Тетюев Леонид Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tetjuew@mail.ru

Философия языка – центральный мотив социальной философии Ю. Хабермаса. Язык воспринимается в качестве трансцендентального субъекта, который может выступать объединяющей основой культуры и преодолеть существующую изоляцию сфер науки, морали и искусства. Сущность языка истолковывается герменевтическим образом как «великий разговор», способный воссоздать универсальные условия возможного миропонимания. В статье раскрывается основной замысел философа заключающийся в том, что в медиуме языка образуются первоначальные отношения индивидуальности и intersubъективности. Процедура понимания определяется в качестве коммуникативной универсальной прагматики, основой которой выступает общность взаимного понимания, обоюдного доверия и признания. Метод рациональной реконструкции способствует раскрытию коммуникативных основ универсальной прагматики и опирается на всеобщие способности носителя языка – умения, навыки и знания. В философии языка Ю. Хабермаса особо признается двойная структура элементарного речевого акта, которая включает в себя перформативное высказывание и пропозицию. Перформативный модус коммуникации выражает intersubъективные отношения, пропозицией же задается сама область предмета содержания речи. Всякое суждение имеет пропозициональное содержание и illocutionary аспект. Illocutionary понимание ведет к взаимопониманию и эти связи определяют прагматический способ мироотношения.

Ключевые слова: теория коммуникативной рациональности, язык, речевые акты, универсальная прагматика, intersubъективность, понимание и взаимопонимание.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175>

Язык играет важнейшую роль в процессе образования. Более того, как медиум культуры он активно формирует мышление человека, его повседневную картину мира. Между процессами понимания и объяснения мира основательно вклинивается «трансцендентальная величина» в кантовском смысле, которая определяет язык как идеальную структуру. Язык воспринимается в качестве *трансцендентального субъекта*, способного выступать объединяющей основой культуры и преодолевать существующую изоляцию сфер науки, морали и искусства.

Природа языка и его роль в современной философии становятся *предметом философской рефлексии*, а также важнейшей задачей некоторых языковедческих и лингвистических концепций и программных систематизаций в философии языка. Философия языка зародилась в лоне англо-американской аналитической философии, в которой наряду с теориями синтаксиса и семантики языка анализируются проблемы отношения языка к действительности, опыта восприятия мира, прагматики. В аспекте изучения проблем взаимодействия философии языка и лингвистики развиваются структуралистские и постструктуралистские концепции в языкознании. Предметом пристального внимания язык становится в философской герменевтике, трансцендентальной феноменологии и прагматике. В современной философии языка выделяются четыре основных раздела: «Язык и логика», «Анализ языка», «Язык и антропология» и «Язык и экзистенция». Наряду с традиционной аналитической философией, прагматизмом и герменевтикой ведущими направлениями определяются антропологические концепции языка М. Шелера и Г. Плеснера. Философское понимание языка раскрывается в экзистенциализме М. Хайдеггера, К. Ясперса и М. Мерло-Понти [цит. по: 1; 2, S. 58–62; 3]. Трансцендентальная философия также относится к современным парадигмам в философии языка (работы Э. Кассирера, Р. Хеннигсвальда, Э. Хайнтеля) [цит. по: 4].

Интерес к языку Юргена Хабермаса (р. 1929 г.), известного немецкого философа, теоретика этики дискурса и коммуникативного разума, мотивирован социальной теорией коммуникативного действия. В книге «Послеметафизическое мышление» [5], посвященной Г. Миду, он резюмирует, что разум образуется только субъективным образом. Разумность есть компетенция обобществленных индивидов, навыки которой приобретаются в процессе обучения, в социальных отношениях и взаимодействиях. Разумность и разум образуются вместе со становлением субъекта. Разумность не есть нечто, не поддающееся под определение; разум схватывается посредством эмпирического языка, он соединяет

индивидуумов в процессе самостановления и сохраняет жизнь людей разумной на долгие годы в сознательно-бессознательной форме.

Ю. Хабермас устраняет противоречие между эмпирическим и трансцендентальным субъектами, поскольку для него в медиуме языка выступают первоначальными отношения индивидуальности и intersубъективности. Коммуникативная рациональность является двигателем культуры и общественной жизни, ее основой служит intersубъективная взаимосвязь, которая устанавливается субъектами, обладающими языковой культурой и компетентностью к осуществлению действия в совместном разговоре.

Специфику коммуникативного действия философ обосновывает посредством концепта речевого действия. Сущность языка воспринимается им, прежде всего, герменевтически в качестве «великого разговора», способного создать универсальные предпосылки возможного миропонимания. При этом сама процедура понимания раскрывается как некая коммуникативная *универсальная прагматика*, основой которой выступает общность взаимного понимания, обоюдного доверия и intersубъективного признания. Природа языковой коммуникации в обществе, считает немецкий философ, должна быть рационально обоснована, поскольку только рациональность предполагает в обществе наличие «личностей, от которых можно ожидать такого рода выражений» [6, S. 27].

По Ю. Хабермасу рациональность изначально связана с притязаниями на истинность существующего знания или, другими словами, с тем, как способные к речи и действию субъекты познания приобретают и применяют эти знания. Коммуникативная рациональность имеет двухсоставную структуру: она проявляет отношение к нормам и реальным переживаниям – субъект коммуникативного действия выдвигает притязания на то, что его поведение является правильным относительно общепринятых норм и контекстов легитимного действия, или на то, что его собственные переживания выглядят искренними. Коммуникативная форма рациональности, как видим, открыта для оценки и для критики: она может быть принята или отклонена. Во втором аспекте рациональность опирается на целевое действие, или намерение, т. е. истинность субъективного знания зависит от *идеально* полагаемого действенного плана, задающего логику обстоятельств, при которой тот или иной проект может быть успешно реализован, а поставленная цель успешно достигнута.

В статье «Что называется универсальной прагматикой?» [7] Ю. Хабермас обращается к пониманию метода реконструкции. То, что ранее он называл «трансцендентально-философской рефлексией» в дополнение к эмпирическим исследованиям, теперь он стал определять этот прием как «рациональную реконструкцию». Реконструкция касается дотеоретического знания всеобщего характера и, стало быть, имеет отношение к такому знанию, которое при перемещении и переводе принципиально остается нетематизированным.

Например, кто-то общается с нами, принимая во внимание некоторые культурно-общественные правила, в данный момент для нас не известные. Или, например, мы строим грамматически правильные предложения, не задумываясь о существующих грамматических правилах. Более того, спроси нас, на основе каких правил мы строим предложение, мы не всегда сможем вспомнить эти правила и тем более их объяснить (если, конечно, мы не являемся профессиональными лингвистами или учителями, преподающими язык). Так же и маленькие дети, играющие в игры, точно воспроизводят и схватывают на лету устанавливаемые ими правила и согласно им действуют.

Ю. Хабермас утверждает, что реконструкция опирается именно на эти всеобщие основания, универсальные возможности: умения, навыки и знания (*universelles Können*). Это значит, что речь идет не об особых компетенциях отдельных групп (например, способность выражать предложения на нижненемецком диалекте или решать проблемы физики тяжелых ионов) и даже не о способности определенных индивидов (например, смочь написать новый образцовый роман столетия) [8, S. 370]. Реконструкция обращается к всеобщему до-теоретическому знанию, которое всем нам присуще в одинаковой мере. На нем основываются наши теоретические рассуждения и наши практические действия. Его особенностью является и то, что универсальная прагматическая реконструкция должна восприниматься как «гипотетическое предложение, которое может быть протестировано только при помощи нового опыта» [8, S. 380]. Если реконструированные понятия и категории не в состоянии дать новый опыт дотеоретической системе знания, то они должны быть вновь перепроверены.

Задачу универсальной прагматики Ю. Хабермас определяет следующим образом: «Универсальная прагматика имеет в качестве своей задачи идентификацию и переконструирование универсальных условий возможного понимания.

В других случаях следует говорить о “всеобщих предпосылках коммуникации”; было бы лучше говорить о всеобщих предпосылках коммуникативного действия, поскольку я считаю фундаментальным этот тип деятельности, нацеленный на понимание» [8, S. 355]. Все иные формы социальной коммуникации являются производными от деятельности, ориентированной на понимание.

Необходимо отметить, что с самого начала философ придерживается «идеи предпосылок», которую он совместно еще с К.-О. Апелем развивает применительно к пониманию языка, «оснований значимости речи». В своей теории он выделяет четыре предпосылки: (1) «Говорящему следует найти понятный способ выражения, чтобы говорящий и слушающий могли друг друга понять; (2) говорящий должен иметь намерение сообщить некоторое содержание, имеющее истинное пропозициональное значение, с тем, чтобы слушающий мог принять знание говорящего; (3) говорящий должен хотеть истинно выразить свой замысел, чтобы слушающий мог поверить высказываниям говорящего; (4) говорящему следует, наконец, найти правильное высказывание, принимая во внимание действующие нормы и ценности, чтобы слушающий мог согласиться с высказыванием» [8, S. 354]. И как результат, оба – и говорящий, и слушающий – в итоге могли бы прийти к консенсусу (согласию) в рамках признанных нормативных условий и принятых правил. Выделенные условия являются необходимыми для создания а) взаимного понимания, б) сообщаемого знания, в) двустороннего доверия и г) обоюдного соглашения и согласия.

Кроме того, универсальная прагматика призвана реконструировать универсальный базис значений речи. С этой целью Ю. Хабермас обращается к теории речевых актов британского философа-аналитика Дж. Остина и американского философа, представителя аналитической философии Дж. Сёрля. По мнению Ю. Хабермаса, эти ученые наиболее полно приближаются к раскрытию семантических особенностей в понимании теории языковых актов [9, с. 63–64].

Следуя их рассуждениям, Ю. Хабермас признает двойную структуру элементарного речевого акта, которая включает в себя перформативное высказывание и пропозицию. В одном случае выражается перформативный модус коммуникации – интерсубъективные отношения, в другом – пропозицией задается сама область предмета содержания речи [10, S. 105–107]. Всякое суждение всегда содержит пропозициональное содержание (например, «Курительная трубка Петра») и иллокутивный аспект. И тогда можно

говорить об утверждении («Я утверждаю, что Пётр курит трубку»), о просьбе («Я прошу тебя, Пётр, не курить») и о вопросе («Я спрашиваю тебя, Пётр, куришь ли ты?»). Говорящий и слушающий оказываются включенными в речевой акт понимания, который имеет два коммуникативных уровня.

Первый уровень речевого акта имеет отношение к опыту и значению слов, и положению вещей; здесь речь ведется о конкретном содержании, выражаемом пропозиционально в высказывании. Второй уровень, на котором устанавливаются посредством иллокутивного акта связи, позволяющие друг друга понимать, опирается на интерсубъектность. «Иллокутивный акт устанавливает смысл применения пропозиционального содержания» [8, S. 406]. Например, пропозициональное суждение «Я завтра зайду» может быть связано с различными иллокутивными актами, как простое сообщение «Я сообщаю тебе, что завтра зайду», как заверение «Ты можешь быть уверен, что я завтра зайду», как экспрессия «Я надеюсь, что завтра смогу зайти» и как обещание «Я обещаю тебе, что я завтра зайду». Пропозициональное содержание суждения в каждом случае одно и то же. Но каждый пример явно указывает на различные смысловые его применения. Для одного и того же суждения в любое время существует множество от контекста зависимых способов применения.

Достижение иллокутивной цели обеспечивает раскрытие смысла пропозиционального содержания – просьбы, вопроса, утверждения. Для того чтобы речевой акт был успешным, необходимо достигнуть понимания на двух уровнях одновременно. Мы должны понять, какие отношения говорящий желает с нами установить (собирается ли он нечто утверждать, спрашивать или просить) и какое пропозициональное содержание выражают его высказывания (что утверждает, спрашивает и велит он делать?). В обоих случаях мы имеем отношение к одному единому миру, но организованного различным образом: на уровне предикативного понимания достигается взаимопонимание о чем-либо в мире; иллокутивное понимание ведет к взаимному пониманию относительно межличностных отношений и эти связи стоит понимать как способ мироотношения.

Как видим, универсальность, присущую структурам речи, можно объяснить систематической характеристикой языка. «Язык, – резюмирует Ю. Хабермас, – есть медиум, который посредством говорящего и слушающего реализует свои ограниченные возможности. Субъект

устанавливает границу (а) относительно окружающего мира, который в восприятии наблюдателя опредмечивается, (б) относительно мира, который узнается в перформативной установке участника. Субъект ограничивает (с) собственную субъективность, и, наконец, (д) сам язык как коммуникативное средство. Я предложил для этих областей реальности некоторое произвольно выбранное членение: «внешняя природа, общество, внутренняя природа и язык» [8, С. 436].

В результате тщательно проведенного универсально-прагматического исследования, как отмечает Ю. Хабермас, «раскрылось кантианство», которое, по его собственному признанию, «в нем сидит», поскольку именно Кант впервые разделил мир на три познавательных сферы, которые задают собственные правила внешней и внутренней организации.

Список литературы

1. Hennigfeld J. Die Sprachphilosophie des 20. Jahrhunderts. Grundpositionen und Probleme. Berlin, 1982. 370 S.
2. Teichert D. Die Unendlichkeit der Sprache und die Grenzen des Verstehens. In: Arnswald U., u. a. (eds.). Hermeneutik und die Grenzen der Sprache. Heidelberg, 2012. S. 57–74.
3. Posselt G., Flascher M. Sprachphilosophie. Eine Einführung. Wien, 2018. 272 S.
4. Braun E. Der Paradigmenwechsel in der Sprachphilosophie. Darmstadt, 1996. 329 S.
5. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. Frankfurt am Main, 1992. 286 S.
6. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bd. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main, 1981. 534 S.
7. Habermas J. Was heißt Universalpragmatik? // Sprachpragmatik und Philosophie / Hrsg. Von K.-O. Apel. Frankfurt am Main, 1976. S. 174–272.
8. Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1984. 607 S.
9. Тетюев Л. И. Введение в теорию коммуникативного разума Юргена Хабермаса : текст лекций. Саратов, 2015. 132 с.
10. Habermas J. Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz // Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung? Frankfurt am Main, 1971. S. 101–141.

Образец для цитирования:

Тетюев Л. И. Философия языка Юргена Хабермаса: рациональная теория универсальной прагматики // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 171–175. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175>

Language-philosophy of Jurgen Habermas: Rational Theory of Universal Pragmatics

L. I. Tetyuev

Leonid I. Tetyuev, <https://orcid.org/0000-0002-4453-3509>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tetyuewl@mail.ru

The philosophy of language is the central motive of the social philosophy of J. Habermas. Language is perceived as a transcendental subject, which is able to act as the unifying basis of culture and overcome the existing isolation of the spheres of science, morality and art. The nature of the language is interpreted in hermeneutic manner as a "great conversation" that can recreate the universal conditions of a possible conception of the world. The article reveals the main idea of the philosopher that in the medium of language initial relations of individuality and intersubjectivity are formed. The understanding procedure is defined as a communicative universal pragmatics, the basis of which is the commonality of mutual understanding, mutual trust and recognition. The method of rational reconstruction contributes to the disclosure of the communicative foundations of universal pragmatics, and is based on the general abilities of a native speaker – skills and knowledge. In the philosophy

of language of J. Habermas, the dual structure of the elementary speech act, which includes performative statement and proposition, is especially recognized. The performative mode of communication expresses intersubjective relations, while the proposition defines the area of the subject matter of speech itself. Every judgment contains a propositional content and an illocutive aspect. Illocutive understanding leads to mutual understanding, and these connections determine a pragmatic way of relation to the world.

Keywords: theory of communicative rationality, language, universal pragmatics, intersubjectivity, understanding and mutual understanding.

References

1. Hennigfeld J. Die Sprachphilosophie des 20. Jahrhunderts. Grundpositionen und Probleme [The language philosophy of the 20th century. Basic positions and problems]. Berlin, 1982. 370 p.
2. Teichert D. Die Unendlichkeit der Sprache und die Grenzen des Verstehens [The infinity of language and the limits of understanding]. In: Arnswald U., u. a. (eds.). Hermeneutik und die Grenzen der Sprache [Hermeneutics and the limits of language]. Heidelberg, 2012, pp. 57–74.

3. Posselt G., Flascher M. *Sprachphilosophie. Eine Einführung* [Philosophy of language. An introduction]. Wien, 2018. 272 p.
4. Braun E. *Der Paradigmenwechsel in der Sprachphilosophie* [The Paradigm shift in Language Philosophy]. Darmstadt, 1996. 329 p.
5. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze* [Postmetaphysical thinking. Philosophical essays]. Frankfurt am Main, 1992. 286 p.
6. Habermas J. *Theorie des Kommunikativen Handelns* [Theory of Communicative Action]. In 2 Bd. Bd. 1. *Handlungsrationalität und Gesellschaftliche Rationalisierung* [In 2 vols. Vol. 1, Rationality of Action and Social Rationalization]. Frankfurt am Main, 1981. 534 p.
7. Habermas J. *Was heißt Universalpragmatik?* [What is universal pragmatics?]. In: *Sprachpragmatik und Philosophie / Hrsg. von K.-O. Apel* [Speech Pragmatics and Philosophy. Ed. K.-O. Apel]. Frankfurt am Main, 1976, pp. 174–272.
8. Habermas J. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns* [Preliminary Studies and Supplements to the Theory of Communicative Action]. Frankfurt am Main, 1984. 607 p.
9. Tetyuev L. I. *Vvedenie v teoriyu kommunikativnogo razuma Yurgena Habermasa: Tekst lekcij* [Introduction to the Theory of Communication Mind by Jürgen Habermas: Text of lectures]. Saratov, 2015. 132 p. (in Russian).
10. Habermas J. *Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz* [Preparatory Remarks on a Theory of Communicative Competence]. In: Habermas J., Luhmann N. *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung?* [Theory of Society or Social Technology – What Does Systems Research Do?]. Frankfurt am Main, 1971, pp. 101–141.

Cite this article as:

Tetyuev L. I. Language-philosophy of Jurgen Habermas: Rational Theory of Universal Pragmatics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 171–175. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175>

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.316+159.9.018

Проблема достоверности результатов социально-психологического исследования

А. Ф. Пантелеев

Пантелеев Александр Федорович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, afr45@mail.ru

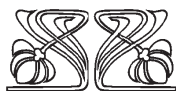
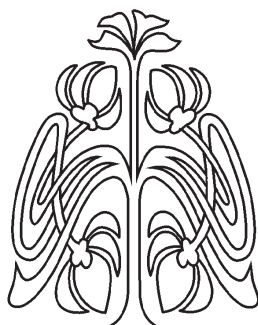
Достоверность результатов исследования – одна из актуальных проблем социальной психологии. Более половины результатов при повторении экспериментов с использованием опубликованной методики и материалов не подтверждаются. Среди наиболее известных – проверка «тюремного» эксперимента Зимбардо. Факты недостоверности ставят под сомнение прогностическую функцию науки, создают трудности для практического применения результатов. В статье рассмотрены некоторые источники недостоверности, в том числе проблемы определенности теории, лежащей в основе проведенного исследования, выделения объекта изучения, несоблюдения требований контроля зависимой и независимой переменных эксперимента, предвзятости подтверждения. Влияние сложившихся социальных стереотипов приводит к снижению уровня объективности оценки достоверности исследования при публикации материалов. Возможными источниками недостоверности служат неадекватное применение методов математической статистики при обработке данных, трудность в раскрытии социально-психологических механизмов наблюдаемого явления, проблема соблюдения принципа детерминизма. Акцент на нейрофизиологические аргументы нередко дает неоправданные преимущества материалистическому детерминизму в ущерб психологическому и логическому. Некоторые из положений иллюстрированы ссылками на конкретные исследования, в которых вероятно снижение достоверности.

Ключевые слова: социальная психология, достоверность исследования, объект исследования, психологический детерминизм.

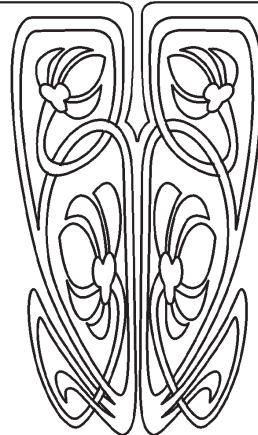
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-176-182>

Проблема достоверности результатов социально-психологических исследований в последние десятилетия приобрела особую актуальность. Это связано как с существенным ростом количества научных публикаций по данному разделу психологической науки, так и с требованиями, которые предъявляются практикой к полученным данным. Развитие цивилизации проходит период, когда истощение ресурсов, климатические изменения, рост народонаселения и ряд других вызовов, с которыми столкнулось человечество, стимулируют поиск новых резервов, в частности, совершенствование управления и учет тесно связанного с ним фактора социального взаимодействия в его различных формах (политической, социальной, практической и других). Совершенствование невозможно без опоры на знание закономерностей межличностного взаимодействия, это позволяет уверенно его проектировать и прогнозировать результаты. Научное исследование предназначено для достижения именно таких целей.

Одним из ключевых требований к качеству научного исследования в любой науке, в том числе и в психологии, является воспро-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

изводимость его результатов. Невоспроизводимые результаты недостоверны. Эта проблема в течение многих лет была и остается темой для обсуждения, особенно среди вычислительных ученых, то есть тех, научная ориентация которых так или иначе связана с применением строгих математических методов при обработке данных и моделировании психологических процессов с применением достижений математики. Известно, что любое исследование воспроизводимо, если существует определенный набор вычислительных функций (методов) анализа, которые точно воспроизводят все числовые данные, опубликованные в статье с ориентацией на необработанные результаты (так называемый «сырой» материал). То, что исследование повторяется, не означает, что оно воспроизводимо. Оно может быть охарактеризовано как воспроизводимое только в том случае, если выполняется этот же эксперимент (по крайней мере) дважды, собираются данные, проводится такой же, как и в оригинале, анализ данных, обработка которых приводит к тем же выводам. Поскольку для проверки воспроизводимости необходимо выполнить точно такой же эксперимент и собрать данные заново, постольку по известным причинам сам факт повторения вводит новые потенциальные источники ошибок (новые экспериментаторы, материалы, лаборатория, новое мышление, различные настройки на оборудовании и т.д.). Тем не менее воспроизводимости в современной психологии уделяется все большее внимание, в том числе и в связи с повторением некоторых резонансных исследований, которые в свое время не были реплицированы. В частности, оказалось, что плохо реплицируется тюремный эксперимент Зимбардо. В аналогичных исследованиях Райхери и Хазлама, Блюма и его участники, исполнявшие роли охранников, экспериментаторы не стимулировались относительно характера наказаний и жесткости поведения в отношении испытуемых, исполнявших роли заключенных, в связи с чем жестокости и садистских наклонностей в поведении «охранявших» выявлено не было [1, 2].

Б. Ноузек и др. из Center for Open Science в рамках «Проекта по изучению воспроизводимости научных работ: Психология» попытались повторить ряд психологических исследований. Внимание ученых привлекли эксперименты, направленные на раскрытие причинно-следственной связи, обусловленные выделением независимой переменной. Были проанализированы результаты повторения 100 экспериментов, описанных в статьях, опубликованных в трех наиболее цитируемых психологических журналах.

Оказалось, что репликация наблюдалась от одной трети до половины первоначальных результатов. В ходе проверки применялись исходные авторские разработки и материалы оригиналов. 97% повторяемых экспериментов содержали указание на статистическую значимость результатов. После повторных исследований было установлено, что только 36% из них имели статистически значимые результаты вопреки заявленным в статьях 97%, то есть при повторении экспериментов результаты были сходными с опубликованными только в чуть более трети случаев. Как отмечают авторы исследования, предполагалось, что невозможными могут быть результаты около 80% всех психологических исследований, поскольку проверяемые данные были взяты из наиболее авторитетных журналов [3].

Попытаемся обозначить некоторые из возможных источников недостоверности результатов социально-психологических исследований. Специфика экспериментального социально-психологического исследования состоит в том, что существуют определенные трудности при соблюдении предъявляемых к эксперименту как методу научного исследования требований, в частности контроля зависимой и независимой переменных. В отличие от когнитивных исследований контролировать переменные при социально-психологическом экспериментировании труднее в силу скрытого характера их связи с целью и объектом исследования. Довольно часто такая связь носит конвенциональный характер, обусловленный научными традициями, стереотипами исследований.

Одним из существенных препятствий на пути строгого исследования и интерпретации результатов экспериментирования является предвзятость подтверждения (confirmation bias), ориентирование исследователя на доказательство собственной позиции, гипотезы. Предвзятость является когнитивным искажением и включает в себя три основных механизма. К первому из них следует отнести тенденциозный поиск информации, который связан с учетом фактов, подтверждающих исходный замысел исследователя. И. В. Гете в «Фаусте» это представил следующим образом: «...Узнал ученого ответ/ что не про нас, того и нет/ что не попало в наши руки/противно истинам науки» (перевод Б. Пастернака). Второй психологический механизм тенденциозности подтверждения – предвзятая интерпретация. Известен эффект Барнума, который иллюстрирует предвзятость как свойство психики человека. Практически каждую результативную сторону происходящего можно интерпретировать по-разному, особенно если существующее по этому

поводу мнение носит ригидный характер. Специфика подобной интерпретации заключается в ее относительной независимости от самой информации. Психологическим подтверждением этому служат, например, закономерности распространения слухов и сплетен. Третий аспект – предвзятость памяти: люди, стремящиеся доказать собственную точку зрения, будут вспоминать и использовать доказательства в свою пользу. В качестве примера можно привести исследование Снайдера и Кэнтон [4]. Было проведено три эксперимента по изучению использования исторических знаний для проверки гипотез о личностных качествах других людей. В первом и втором экспериментах участники читали отчет о событиях одной недели жизни женщины. Два дня спустя они использовали эту же информацию, чтобы проверить гипотезы о пригодности женщины для одной из двух работ: либо требующих проявлений экстраверсии работы продавца недвижимости, либо интроверсии – работы научного библиотекаря. При проверке гипотез участники эксперимента вначале сообщали обо всех ранее полученных данных, которые, по их мнению, имеют отношение к оценке пригодности женщины для рассматриваемой работы, а затем сообщали о своих оценках пригодности ее для данной работы. В ходе высказываний сообщались как подтверждающие, так и опровергающие гипотезы о пригодности, причем подтверждающих гипотезу аргументов было больше, чем опровергающих. Проверив гипотезы о пригодности для одной работы, участники решили, что она больше подходит для этой работы, чем для другой. Далее участники эксперимента сформулировали гипотезы для оценки пригодности к работе и определили порядок их проверки. Выявлено, что построение гипотез происходило с ориентацией на те стороны фактического материала, наличие которых подтвердило бы сформулированные ими же гипотезы. Проверка гипотез преимущественно сводилась к тенденциозному сбору доказательств.

Бейлом и др. [5] был проведен эксперимент, цель которого состояла в выявлении воздействия характера получаемой информации на политические взгляды. В ходе исследования сторонникам двух основных политических партий – республиканцев и демократов – давалась информация, в том числе и негативного содержания, о деятельности партий. Установлено, что информация о работе оппозиционной партии парадоксально влияет на политические взгляды сторонников: изначальные убеждения не становятся более слабыми, а усиливаются. Следует отметить, что среди республиканцев этот эффект носил более выраженный характер, чем среди демократов.

Предвзятая оценка качества исследований подтверждена Линдси, Богоссяном и Плакроуз [6], которые в течение года проводили социальный эксперимент: намеренно писали откровенно абсурдные научные статьи в различных областях социальных наук, чтобы доказать, что идеология существенно влияет на оценку научной ценности труда. Работы писались под вымышленными именами, проходили проверку и печатались в рецензируемых научных журналах. Всего было опубликовано или принято к печати 20 статей, в которых предлагалась какая-либо теория, осуждающая тот или иной «социальный конструкт» (например, гендерные роли). Тексты писались так, чтобы у читателя (и рецензента) возникли сомнения в качестве исследования. Как отмечают организаторы эксперимента, авторы подобных работ оказывали давление на других, принуждая поддерживать их взгляды, так как «человек, который ставит под вопрос любые исследования в области идентичности, привилегий и угнетения, рискует быть обвиненным в узколобости и предубежденности» [6].

Причина недостоверности может заключаться в применяемых при статистической обработке данных методах. К данной группе факторов недостоверности относятся проблемы применения параметрической статистики взамен непараметрической, претензии к факторному и кластерному анализам. В. Джонсон предположил, что возможная причина недостаточной воспроизводимости научных исследований состоит в проведении проверок на статистическую значимость при неоправданно высоком ее уровне. По оценкам В. Джонсона, до четверти работ по психологии, использовавших самый распространенный критерий достоверности (P), могут содержать ложные выводы. Наиболее часто при статистической обработке результатов исследования реализуется либо вероятностный, либо байесовский подход, но стандартного способа сопоставить их результаты до сих пор нет. Оба названных подхода к проверке гипотез часто приводят к результатам, которые кажутся несовместимыми. В. Джонсон причину этого видит в том, что обе парадигмы проверки гипотез основаны на вычислении различных вероятностей: P -значения и критерия значимости, то есть на вычислении вероятности наблюдения статистики более экстремальной, чем фактически наблюдаемая тестовая статистика, тогда как байесовские факторы представляют относительную вероятность, приписываемую наблюдаемым данным по каждой из конкурирующих гипотез. Байесовское сравнение более естественно, поскольку оно напрямую связано

с апостериорной вероятностью того, что каждая гипотеза верна. Однако определение фактора Байеса требует уточнения как нулевой гипотезы, так и альтернативной. Во многих случаях отсутствует объективный механизм определения альтернативной гипотезы, а включается элемент субъективности. Последнее ограничивает применение байесовского подхода к статистической обработке результатов, несмотря на его содержательные преимущества [7].

Важным фактором воспроизводимости результатов является качество теории, на основе которой проводится социально-психологическое исследование. Назовем некоторые направления разработки метатеорий. Согласно теориям научного реализма продуктом исследования является знание феноменов, не зависящих от разума, причем такое знание возможно и в тех случаях, когда соответствующие явления не наблюдаются [8]. Такие теории связаны с доверием к тому, что ненаблюдаемые аспекты действительно существуют и теория позволяет предсказать их реальность.

Напротив, в соответствии с теорией конструктивного эмпиризма [9] научные теории должны быть эмпирически адекватными и верными, если все, что они позволяют раскрыть в изучаемом, согласуется с эмпирическими наблюдениями.

Независимо от подхода к построению метатеории одним из основных аспектов доверия к исследованию является ответ на вопрос о механизмах исследуемого социально-психологического явления. Именно понимание механизма превращает скрытое от наблюдения в открытое, доступное для понимания. Согласно Мэкемеру [10] для того чтобы научное объяснение считалось удовлетворительным, необходимо описать механизм, то есть длящийся процесс, и отразить регулярные изменения в изучаемом явлении при возникновении соответствующих условий. Признак регулярности означает сходство непрерывного функционирования в одних и тех же условиях. Следует заметить, что регулярность по отношению к описанию механизмов социально-психологических явлений относительна. Причиной этого служит множественность влияющих на ход процесса факторов. Анализ показал, что полное описание психологических механизмов социально-психологических явлений чаще всего отсутствует в отчетах о проведенных экспериментах, что снижает уровень доверия к достоверности исследования.

Один из ведущих принципов психологии – принцип причинной обусловленности психических явлений, принцип детерминизма.

С. Хокинг назвал научный детерминизм базовой предпосылкой науки. Достоверность социально-психологического исследования возрастает, если его автор раскрывает детерминирующие факторы и указывает на них.

Существуют различные виды детерминизма, которые находят отражение в интерпретации полученных при исследовании данных. С. А. Левицкий выделяет несколько видов детерминизма [11]. К первому из них он относит материалистический детерминизм, согласно логике которого психические процессы должны считаться исключительным следствием материальных процессов. Следует заметить, что проявления этого вида детерминизма при интерпретации данных экспериментов в имплицитном или эксплицитном виде особенно заметны в последние десятилетия. Стимулом к этому послужила разработка новейших методов исследования материального субстрата психики – головного мозга и более совершенных инструментальных методов психофизиологии.

Применение ФМРТ, ПЭТ, других видов регистрации нейронной активности, высокий уровень детализации нейрокартирования, совместная работа психологов и специалистов в нейрофизиологии, медицине, нейрокибернетике и других областях научного знания, исследующих работу головного мозга, предоставили широкие возможности для раскрытия механизмов психических явлений. Строго говоря, материалистический детерминизм исключает психологические причины наблюдаемых процессов. В современной науке, по мнению С. А. Левицкого, наибольшее распространение получила форма эффективного материализма, согласно которому «...психика есть пассивное следствие материальных процессов, причем процессов “высокоорганизованной” материи» [11, с. 22]. Необходимо заметить, что согласно многочисленным экспериментам с неинвазивным и инвазивным воздействиями на головной мозг нейрофизиологические процессы оказывают существенное влияние на психику, однако трудно назвать их окончательно определяющими происходящее в психике. Подтверждением этому могут, например, служить факты саморазрушающего поведения. Другим видом детерминизма по С. А. Левицкому является психический детерминизм, связанный с мотивационной сферой субъекта (воля определяется мотивами). По утверждению К. Жюэля, воли без мотивов не существует, не существует свободной воли, именно в этом заключается детерминизм [12]. Проявление психологического детерминизма при проведении исследования может заключаться, например, в определении характера мотивации к участию в эксперименте. Есть различие в моти-

вазии в результате согласия на основе интереса, в той ли иной мере вынужденного согласия и согласия на участие за плату. Можно утверждать, что полученные в результате эксперимента данные в каждом из названных случаев не сравнимы, поскольку различен характер психологического детерминизма. Особенно ярко это проявляется в отношении участия за плату, мотивация в этом случае связана с ограничением решаемой задачи, стимулирование имеет либо целиком внешний, либо смешанный характер.

В последнее время стало распространенным проведение онлайн-исследований в сети Интернет. Это позволяет сравнительно быстро набрать значительный по объему статистический материал, однако лишает исследователя возможности наблюдения, раскрытия личностных мотивационных факторов, «усредняет» материал, обезличивает его.

Еще одним из выделенных С. А. Левицким видов детерминизма является логический. Известно утверждение Э. Гуссерля, согласно которому законы логики универсальны и действительны для всех, людей, зверей, богов. Одной из логических проблем в данном случае является выделение предмета и объекта исследования. Определение границ предметной области и, главное, объекта исследования позволяет локализовать исследование в пределах научного знания и, что важно для достоверности результата, создать необходимые условия для сравнения данного исследования с аналогичным или реплицирующим его.

Предметная область науки носит интегральный характер и иерархизирована, поэтому выделение предмета исследования предполагает конкретизацию предметной области в связи с целью и задачами. Автор исследования в социальной психологии сталкивается с объектами разного уровня и необходимостью отграничения именно того объекта исследования, который и послужит основой для построения дизайна эксперимента. А. И. Ракитов [13] при анализе объективного предмета знания разграничил объективный предмет знания и объект орудийно-предметной деятельности. Для выделения объективного предмета знания необходимы его фиксация в знаковой форме, а также указание на состав действий по его выделению (у А. И. Ракитова – операции) из объекта предыдущего уровня. Соблюдение первого из требований связано с терминологической точностью применяемого автором понятийного аппарата, второго – с установлением связи цели исследования и его объекта.

Попытаемся проиллюстрировать сказанное выше. Гейб и др. [14] обозначили в качестве

объекта исследования эффект плацебо, который изначально проявляется по отношению к больным, переживающим или в недавнем прошлом страдавшим по причине болезни. Эффект плацебо органически связан с внутренней картиной болезни. Согласно методике эксперимента Гейба и др. испытуемые следили за движущимися зелеными точками на экране монитора. Ранее им говорили, что наблюдаемое способствует снижению эмоциональной напряженности, что и контролировалось как зависимая переменная эксперимента. В качестве испытуемых привлекались здоровые люди, не принимавшие лекарств длительное время. Принятые авторами меры по дистанцированию от болезненного состояния фактически означают изменение объекта исследования в сравнении с заявленным: понятие «плацебо» лишь условно применимо в данном случае и моделирование ситуации болезни, если оно и проведено, то без учета соответствующего цели исследования модельного отношения. На наш взгляд, в данном случае логичной была бы связь объекта исследования с внушаемостью как социально-психологической характеристикой личности, тем более что авторами выявлено следующее: при доброжелательном отношении экспериментатора к испытуемым эмоциональное напряжение действительно снижалось, при отсутствии такового напряжение оставалось прежним.

В качестве еще одного примера исследования, приводящего к снижению достоверности результатов, можно привести эксперименты Бауса и др. [15], относящиеся к области социальной перцепции. Одной из целей исследования послужило выявление взаимосвязи акустических свойств высказывания и возникших личностных впечатлений о говорившем. Испытуемые оценивали личность говорящего по параметрам агрессивности, привлекательности, компетентности, уверенности, влиятельности, дружелюбности, надежности и сердечности, анализировались и акустические характеристики стимула. С целью статистического анализа использовался метод главных компонент. Было установлено, что дружелюбность и влиятельность можно определить по одному сказанному слову, акустические характеристики голоса играют существенную роль при формировании социальных впечатлений. Как отметили авторы исследования, полученные результаты свидетельствуют о том, что социальное восприятие голоса содержит определенные элементы, инвариантные между культурами (языками), в то время как другие модулируются культурным (языковым) фоном

слушателя. Если учесть заявленную цель, то авторов интересовали личностные впечатления, сложившиеся на основе восприятия одного звучащего слова. Известно, что личностные впечатления как результат социальной перцепции носит индивидуальный характер. В то же время испытуемым авторами исследования для оценки впечатления предлагали одинаковый для всех перечень свойств личности, ее модель, сформированную на основе «большой пятерки». Полученные выводы касаются не столько личностных впечатлений, сколько возможностей избранной модели личности. Нам не удалось найти в статье данных о соответствии возникшего у испытуемых впечатления реальным характеристиками говорившего, а также данных о мотивации испытуемых, конкретной теории личности, послужившей основой для оценки индивидуальных впечатлений.

Приведенные материалы указывают на сложность решения проблемы повышения достоверности результатов социально-психологического исследования и в то же время указывают на возможную перспективу в решении этой задачи.

Список литературы

1. *Reicher St., Haslam S. A.* Rethinking the psychology of tyranny : The BBC prison study // *British Journal of Social Psychology*. 2006. Vol. 45. P. 1–40.
2. *Blum B.* The most famous psychology study of all time was a sham. Why can't we escape the Stanford Prison Experiment? URL: <https://medium.com/s/trustissues/the-lifespan-of-a-lie-d869212b1f62> (дата обращения: 25.11.2018).
3. Estimating the reproducibility of psychological science Open Science Collaboration // *Science*. 2015. Vol. 349, iss. 6251. DOI: 10.1126/science.aac4716
4. *Snyder M., Cantor N.* Testing hypotheses about other people : The use of historical knowledge // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1979. Vol. 15, iss. 4. P. 330–342.
5. *Bail Ch., Argyle L., Brown T., Bumpus J., Chen H., Hunzaker M. B., Lee J., Mann M., Merhout F., Volfovsky A.* Exposure to Opposing Views can Increase Political Polarization : Evidence from a Large-Scale Field Experiment on Social Media. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/4yguX/2018> (дата обращения: 25.11.2018).
6. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship. URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/>; <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (дата обращения: 25.11.2018).
7. *Johnson Valen E.* Revised standards for statistical evidence // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. Vol. 110, № 48. P. 19313–19317.
8. *Kitcher. P., Salmon. W.* Scientific explanation. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1989. 543 p.
9. *Fraassen van B. C.* The Scientific Image. N.Y. : Oxford University Press, 1980. 248 p.
10. *Machamer P., Darden. L., Craver. C.* Thinking about mechanisms // *Philosophy of Science*. 2000. Vol. 67. P. 1–25.
11. *Левицкий С. А.* Трагедия свободы. М., 1995. 512 с.
12. *Joël K.* Der freie Wille : eine Entwicklung in Gesprächen. 1908, München : Bruckmann, 756 p.
13. *Ракитов А. И.* Курс лекций по логике науки. М., 1971. 176 с.
14. *Gaab J., Kossowsky J., Ehlert Ul., Locher C.* Effects and Components of Placebos with a Psychological Treatment Rationale – Three Randomized-Controlled Studies // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-37945-1> (дата обращения: 25.11.2018).
15. *Baus Cr., McAleer Ph., Marcoux K., Belin P., Costa A.* Forming social impressions from voices in native and foreign languages // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. Article number: 414. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-36518-6> (дата обращения: 25.11.2018).

Образец для цитирования:

Пантелеев А. Ф. Проблема достоверности результатов социально-психологического исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 176–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-176-182>

The Significance Problem of Social-Psychological Research Results

A. F. Panteleev

Alexander F. Panteleev, <https://orcid.org/0000-0003-4357-4998>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, afp45@mail.ru

One of the topical problems of social psychology is the significance of the research results. After experiments are retried using published techniques, more than a half of these experiments have no confirmation. The verification of the Zimbardo "prison" experiment

is one of the most famous examples. Flimsy evidence calls into doubt the predictive function of science and creates difficulties for the practical application of results. The article discusses some sources of flimsy evidence, such as problems of certainty of the theory underlying the study, selection of the object of the study, non-compliance with the experiment, confirmation bias. The influence of the social set patterns leads to a decrease in the level of objectivity of the reliability of study significance when materials are published. A possible source of uncertainty is the inadequate use of mathematical statistics during research data processing. The difficulties of disclosing the social-psychological research of the phenomenon under consideration reduce the accuracy. Another aspect is the problem of the principle of determinism observance.

The emphasis on neurophysiological arguments often provides unjustified advantages to materialistic determinism over psychological and logical ones. Some of the aspects are illustrated with references to specific studies in which a decrease in confidence may occur.

Keywords: social psychology, significance of research, subject of inquiry, psychological determinism.

References

1. Reicher St., Haslam S. A. Rethinking the psychology of tyranny: The BBC prison study. *British Journal of Social Psychology*, 2006, vol. 45, pp. 1–40.
2. Blum B. The most famous psychology study of all time was a sham. Why can't we escape the Stanford Prison Experiment? Available at: <https://medium.com/s/trustissues/the-lifespan-of-a-lie-d869212b1f62> (accessed 25 November 2018).
3. Estimating the reproducibility of psychological science Open Science Collaboration. *Science*, 2015, vol. 349, iss. 6251. DOI: 10.1126/science.aac4716
4. Snyder M., Cantor N. Testing hypotheses about other people: The use of historical knowledge. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1979, vol. 15, iss. 4, pp. 330–342.
5. Bail Ch., Argyle L., Brown T., Bumpus J., Chen H., Hunzaker M.B., Lee J., Mann M., Merhout F., Volfovsky A. Exposure to Opposing Views can Increase Political Polarization: Evidence from a Large-Scale Field Experiment on Social Media. Available at: <https://osf.io/preprints/socarxiv/4ygux/2018> (accessed 25 November 2018).
6. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship. Available at: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship>; <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (accessed 25 November 2018).
7. Johnson Valen E. Revised standards for statistical evidence. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2013, vol. 110, no. 48, pp. 19313–19317.
8. Kitcher P., Salmon W. *Scientific explanation*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1989. 543 pp.
9. Fraassen van B. C. *The Scientific Image*. New York, Oxford University Press, 1980. 248 p.
10. Machamer P., Darden L., Craver C. Thinking about mechanisms. *Philosophy of Science*, 2000, vol. 67, pp. 1–25.
11. Leviczkij S. A. *Tragediya svobody* [Tragedy of Freedom]. Moscow, 1995. 512 p. (in Russian).
12. Joël K. *Der freie Wille: eine Entwicklung in Gesprächen*. München, Bruckmann, 1908. 756 S.
13. Rakitov A. I. *Kurs lekcij po logike nauki* [A course of lectures on the logic of science]. Moscow, 1971. 176 p. (in Russian).
14. Gaab J., Kossowsky J., Ehlert Ul., Locher C., Effects and Components of Placebos with a Psychological Treatment Rationale – Three Randomized-Controlled Studies. *Scientific Reports*, 2019, vol. 9. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-37945-1> (accessed 25 November 2018).
15. Baus Cr., McAleer Ph., Marcoux K., Belin P., Costa A. Forming social impressions from voices in native and foreign languages. *Scientific Reports*, 2019, vol. 9, article no. 414. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-36518-6> (accessed 25 November 2018).

Cite this article as:

Panteleev A. F. The Significance Problem of Social-Psychological Research Results. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 176–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-176-182>

УДК 159.9.072+331.101.3

Изучение мотивации труда медицинских работников

Е. Ю. Панчук

Панчук Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики, маркетинга и психологии управления, Ангарский государственный технический университет, epanchuk05@mail.ru

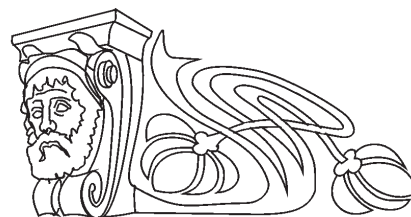
В статье представлены результаты проведенного автором анкетирования врачей и медицинских сестер в целях изучения влияния психологических факторов на мотивацию труда, а также структуры мотивов труда медицинского персонала. Исследование проводилось в больницах и поликлиниках городов Иркутской области, в анкетировании участвовали 26 врачей и 34 медицинские сестры. Также в опросе участвовали 12 врачей г. Гринсборо, Северная Каролина, США. В результате исследования установлено, что у врачей в России наблюдается преобладание внутренней и внешней положительной мотивации. Для них большое значение имеют оплата труда и продвижение по службе, стремление избежать критики и возможных наказаний или неприятностей. У врачей, работающих в США, более благоприятный мотивационный комплекс, чем у врачей в России. При этом оплата труда играет большую роль по сравнению со стремлением к продвижению, а значимость критики, наказаний и других неприятностей стремится к нулю. У медицинских сестер выявлен неблагоприятный мотивационный комплекс, когда внешняя отрицательная мотивация играет равнозначную роль с внутренней мотивацией. Ведущим психологическим фактором, влияющим на мотивацию труда медицинских работников, в большинстве случаев является осознание ими социальной значимости выполняемой работы. Внутренняя мотивация медицинских работников снижается, когда контролирующий аспект руководства преобладает над информационным. Чем более квалифицированным является труд, тем в меньшей степени он поддается регламентации и внешним методам стимулирования.

Ключевые слова: мотивы, мотивация труда, внешняя и внутренняя мотивация, потребности, стимулы, удовлетворенность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-183-187>

Введение

Эффективность работы персонала медицинских учреждений напрямую зависит от грамотно организованной системы мотивации и стимулирования труда. Деятельность по оказанию медицинской помощи имеет существенные особенности, связанные с характером труда: высокая степень ответственности, напряженности, индивидуализации, что закономерно находит отражение в личностных качествах, в том числе и в особенностях трудовой мотивации. Психологических исследований, посвященных данной тематике, крайне недостаточно. Таким

образом, изучение особенностей мотивационно-потребностной сферы медицинских работников, психологических механизмов и закономерностей регуляции трудового поведения на сегодняшний день очень актуально.

Предпосылки исследования

Для анализа мотивации труда персонала медицинских учреждений необходимо определить, что мотивация труда представляет собой процесс формирования внутренних побудительных сил к данному виду деятельности. На основе изучения теорий мотивации труда [1–3] установлено, что значительное влияние на мотивацию медицинских работников оказывает индивидуальная иерархия потребностей, сформировавшаяся под воздействием социальной среды. Согласно В. К. Вилюнас [4] потребность, осознанная в форме интереса, становится побуждением к деятельности определенного типа, что влияет не только на выбор профессии, но и на особенности выполнения профессиональных обязанностей.

В исследованиях Ю. П. Кокина [5], Т. И. Мухамбетова [6], А. С. Огнева [7] рассматривается структура мотива труда. Помимо потребности, в данную структуру включаются: моральное или материальное вознаграждение, способное удовлетворить эту потребность; трудовое действие, необходимое для получения вознаграждения, а также затраты материального и морального характера, связанные с его осуществлением. Система мотивов труда, их соподчиненность и взаимное влияние, по данным С. А. Суркова [8], составляют механизм мотивации труда.

Как отмечает И. П. Пономарев [9], многообразие стремлений и целей работников, уровень их образования, воспитания и общей культуры определяют различные потребности и требуют применения разнообразных способов мотивации. Для изучения психологических механизмов мотивации труда необходимо определить место и роль индивидуальной иерархии потребностей в формировании мотивов труда [10].

Ведущие потребности медицинских работников могут составлять основу мотивации, но, несмотря на стремление к признанию, уважению, самоактуализации, неудовлетворенность заработной платой и условиями труда способствует развитию негативного отношения к своей работе и существенно снижает мотивацию труда. Кроме того, согласно Ю. А. Афонину, Р. Р. Сагдееву [11], медицинские работники руководствуются стремлением получить справедливую оценку своих действий. Сопоставление трудового вклада и величины вознаграждения медицинский персонал производит на основе субъективного восприятия своих действий, действий коллег, а также руководителя по отношению к подчиненным. В случае, если работник отмечает дисбаланс в соотношении своего вклада в работу и оценки труда руководителем, по данным И. П. Пономарева [9], у медицинского персонала возможно снижение качества труда и его интенсивности, попытка незаконными способами увеличить свое вознаграждение.

Анализ психологического механизма мотивации труда медицинских работников предполагает выделение внутренней и внешней мотивации. Э. Л. Деси и Р. М. Райан [12–14] внутренней мотивацией называют стремление совершать деятельность не для достижения каких-либо внешних наград, а для получения удовлетворения от самого процесса выполнения деятельности. Вознаграждением в данном случае является возможность заниматься любимым делом, а в основе мотивации лежат потребности автономности и самоопределения.

Для воздействия на мотивацию труда руководители применяют разнообразные стимулы, которые имеют, как отмечает Деси [12], контролирующий и информационный аспекты. Контролирующий аспект выходит на первый план, когда вознаграждение напрямую связано с результатом выполнения работы, например, когда работник получает определенную денежную сумму за каждую единицу работы (за каждого пациента). В данном случае работник чувствует себя менее компетентным и ответственным, так как он просто выполнил то, что необходимо, за вознаграждение. Когда подчеркивается компетентность и самостоятельность работника, увеличивается удовольствие от выполняемой деятельности. У медицинского персонала предположительно существует внутренняя потребность испытывать чувство личной автономности в работе.

Согласно мнению профессора психологии и экономики Дюкского университета Д. Ариэля [15] основой мотивации является осознание работником того, что трудовая деятельность имеет смысл, а социальные связи с другими работ-

никами и с руководителем оказывают большее мотивирующее воздействие, чем денежное вознаграждение. Автор приводит рецепт «убийства» любой мотивации труда: заставьте работать кого-то через силу, а затем проигнорируйте результат.

Ряд исследований, проведенных в России, подтверждает дифференциацию мотивов труда на внешние и внутренние. Так, например, Л. С. Бабынина отмечает, что на внутренние мотивы влияет процесс мотивирования, а на внешние мотивы – процесс стимулирования [16]. Она считает, что уровень развития отношений в организации обратно пропорционален применению стимулирования в качестве средства управления людьми.

В результате анализа теоретических основ мотивации труда и данных практических исследований можно сделать вывод, согласно которому проблема мотивации трудового поведения медицинских работников изучена недостаточно.

Методика исследования

Эмпирическое исследование мотивации труда персонала проводилось при помощи методики К. Замфир в модификации А. А. Реан [17] с использованием комбинированной бесповторной выборки. Было опрошено 70 работников (врачей и медицинских сестер) учреждений здравоохранения Иркутской области (Российская Федерация) и штата Северная Каролина (США). Анкета также включала вопросы относительно социально-демографических данных испытуемых: пола, возраста, образования, стажа работы и занимаемой должности. Для анализа достоверности полученных различий мы использовали *U*-критерий Манна–Уитни.

Результаты эмпирического исследования и их анализ

Социально-демографический статус участников исследования представлен следующим образом: 11,54% (3 человека) опрошенных врачей были мужского пола, остальные 88,46% (23 человека) – женского. Все опрошенные медицинские сестры были женского пола.

Проанализировав значения побуждений в профессиональной деятельности в группах испытуемых, мы оценили достоверность полученных различий в возрастных группах врачей и медицинских сестер, а также в группах врачи – медсестры (Россия), врачи России – врачи США. При множественном сопоставлении выборок достоверные различия между какой-либо конкретной парой (или парами) могут оказаться стертыми, поэтому мы использовали попарные сопоставления данных выборок (табл. 1).

Таблица 1

Значения U-критерия Манна–Уитни для групп врачей России и США

Побуждения в профессиональной деятельности	Врачи – медсестры (Россия)	Врачи (Россия) – врачи (США)
Денежный заработок	782	164
Стремление к продвижению	245,5	69
Стремление избежать критики	265	40,5
Стремление избежать возможных наказаний или неприятностей	486	12,5
Потребность в достижении социального престижа и уважения	489,5	143
Удовлетворение от самого процесса и результата труда	636,5	196,5
Возможность наиболее полной самореализации	772	152

По данным табл. 1 видно, что достоверные различия получены при сопоставлении групп врачей и медсестер (Россия) по показателю «стремление избежать критики» ($U_{кр. 0,05} = 436$, $U_{кр. 0,01} = 380$). У медсестер по сравнению с врачами стремление избежать критики значительно преобладает. У врачей России по сравнению с врачами США преобладают стремление избежать критики и возможных наказаний или неприятностей (внешняя отрицательная мотивация), а также стремление к продвижению ($U_{кр. 0,05} = 103$, $U_{кр. 0,01} = 81$).

Рассмотрим результаты изучения структуры мотивации труда (табл. 2). У врачей в России на-

блюдается преобладание внутренней и внешней положительной мотивации. Для них большое значение имеют оплата труда и продвижение по службе, причем продвижение по службе играет большую роль, чем для врачей США. Также важное значение имеет для них стремление избежать критики и возможных наказаний или неприятностей.

У врачей, работающих в США, более благоприятный мотивационный комплекс, чем у врачей в России. При этом оплата труда играет большую роль, по сравнению со стремлением к продвижению, а значимость критики, наказаний и других неприятностей стремится к нулю.

Таблица 2

Сравнительная структура мотивации врачей России и США по методике К. Замфир, А. А. Реан

Тип мотивации	Средние значения		
	Медсестры России	Врачи России	Врачи США
Внешняя положительная мотивация (ВПМ)	3,86	4,17	3,97
Внешняя отрицательная мотивация (ВОМ)	3,67	3,18	1,84
Внутренняя мотивация (ВМ)	3,87	4,17	4,33

У медицинских сестер наблюдается неблагоприятный мотивационный комплекс, когда внешняя отрицательная мотивация играет равнозначную роль с внутренней мотивацией. У медицинских сестер в возрасте 20–30 лет преобладает внешняя отрицательная мотивация. Это отчасти объясняется применением таких отрицательных стимулов, как наказание, критика, а также низкой оплатой труда у данной категории работников. Постоянная критика работы без положительной оценки достижений, чрезмерная загруженность, давление со стороны администрации могут приводить к снижению мотивации к труду в целом.

Внутренняя мотивация медицинских работников может подавляться определенными дей-

ствиями руководства. Достаточно иницирующим и регулирующим факторам стать внешними, как вся мотивация приобретает характер внешней. То есть, если руководитель перехватывает инициативу в деятельности, навязывает задачи и способы их выполнения, чрезмерно регулирует и контролирует деятельность высококвалифицированных специалистов, то они теряют интерес к труду, перестают творчески подходить к делу.

Материальное вознаграждение в виде премии может быть использовано как способ выразить признание, одобрение и уважение к усилиям, но чем больше оно используется как регулятор поведения, например, зависимость выплат от количества принятых больных, тем более вероятно,

что это будет иметь негативные последствия. Регуляторами поведения медицинских работников, отрицательно влияющими на мотивацию труда, кроме денег, могут выступать: жесткие сроки, навязанные цели, надзор, постоянные оценки, преимущественно критического характера. Люди воспринимают эти явления как противоречащие их автономности и поэтому энтузиазм и интерес в контролируемых видах деятельности снижаются. Если сотрудники чувствуют, что они находятся под давлением или контролем соревнования, тогда и соревнование воспринимается как ограничение их автономности.

К причинам, по которым медицинские работники утрачивают мотивацию, можно отнести отсутствие публичного поощрения, карьерного роста. Медицинский персонал не привлекают к участию в принятии решений, осуществлению перемен, обсуждению стратегических проблем развития организации, идеи и предложения не поддерживаются и даже не выслушиваются. В ряде случаев обязанности медицинской сестры расцениваются как однообразные, скучные.

Выводы

Мотивация труда медицинских работников определяется преимущественно такими факторами, как возможность самореализации, достижение уважения, интерес к содержанию труда.

Более квалифицированный труд врачей в меньшей степени подвержен таким внешним методам стимулирования, как критика и возможные наказания.

Для повышения эффективности системы мотивации медицинского учреждения важно установить, какие мотивы труда являются у работников преобладающими, понять необходимость автономии и самостоятельности труда высококвалифицированных специалистов, усилить заинтересованность работников в содержании труда, личностном и профессиональном росте.

Список литературы

1. Maslow A. Motivation and Personality. Contents. 3rd ed. N.Y. 1987. 359 p.
2. Alderfer C. P. An Empirical Test of a New Theory of Human Needs // *Organizational Behaviour and Human Performance*. 1969. Vol. 4, iss. 2. P. 142–175.
3. McClelland D. C. Human Motivation. Cambridge University Press, 1987. 268 p.
4. Виллонас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990. 288 с.
5. Кокин Ю. П. Система мотивов и стимулов к высокоэффективному труду в современных условиях // Мотивация и поведение человека в сфере труда : сб. науч. тр. М., 1990. С. 3–5.
6. Мухамбетов Т. И. Мотивационный механизм управления трудом. Алма-Ата, 1991. 125 с.
7. Огнев А. С. Мотивация, как инструмент управления персоналом // *Управление персоналом*. 2003. № 6. С. 20.
8. Сурков С. А. Закономерности мотивации персонала // *Управление персоналом*. 2007. № 7. С. 17–21.
9. Пономарев И. П. Мотивация работой в организации. М., 2004. 224 с.
10. Панчук Е. Ю. Исследование индивидуальной иерархии потребностей в целях разработки системы стимулирования // *Экономическая психология : актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы Четвертой междунар. науч.-практ. конф.* Иркутск, 2003. С. 101–104.
11. Афонин Ю. А., Сагдеев П. П. Проблемы мотивации медицинского персонала // *Вестн. Самар. гос. эконом. ун-та*. 2012. № 7 (93). С. 10–15.
12. Deci E. L. Intrinsic motivation. N.Y., 1975. 324 p.
13. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory : Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. N.Y., 2017. 229 p.
14. Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y., 1985. 380 p.
15. Ariely D. Payoff : The Hidden Logic That Shapes Our Motivations. Simon&Schuster, 2016. 198 p.
16. Бабынина Л. С. Развитие систем вознаграждения персонала // *Инновационные доминанты социально-трудовой сферы : экономика и управление : материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф.* (Воронеж, 20 мая 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 191–193.
17. Реан А. А. Психология изучения личности. СПб., 2018. 288 с.

Образец для цитирования:

Панчук Е. Ю. Изучение мотивации труда медицинских работников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 183–187. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-183-187>

Study of Work Motivation in Medical Workers

Ye. Yu. Panchuk

Yekaterina Yu. Panchuk, <https://orcid.org/0000-0003-4240-8816>, Angarsk State Technical University, 60 Tchaikovsky St., Angarsk 665825, Irkutsk region, Russia, epanchuk05@mail.ru

The article discusses the results of the survey of doctors and nurses conducted by the author in order to study the influence of psychological factors on work motivation, as well as the structure of work motives of medical personnel. The study was conducted in hospitals and clinics of cities of the Irkutsk region, 26 doctors and 34 nurses participated in the survey. In addition, 12 physicians

from Greensboro, North Carolina, USA participated in the survey. As a result of the study, it was established that doctors in Russia have a predominance of internal and external positive motivation. For them, wages and promotions, the desire to avoid criticism and possible punishments or troubles are of great importance. Doctors working in the USA have a more favorable motivational complex than doctors in Russia. At the same time, wages play a significant role compared to the desire to be promoted, and the importance of criticism, punishment and other troubles tends to zero. Nurses have an unfavorable motivational complex, when external negative motivation plays an equivalent role to internal motivation. The leading psychological factor affecting the motivation of the labor of medical workers, in most cases, is their awareness of the social significance of the work performed. The internal motivation of medical workers is reduced when the controlling aspect of leadership prevails over the informational one. The more qualified the job is, the less it falls to regulation or yields to external stimulation methods.

Keywords: motives, work motivation, external and internal motivation, needs, stimuli, satisfaction.

References

1. Maslow A. *Motivation and Personality*. Contents. 3rd ed. New York, 1987. 359 p.
2. Alderfer C. P. An Empirical Test of a New Theory of Human Needs. *Organizational Behaviour and Human Performance*, 1969, vol. 4, iss. 2, pp. 142–175.
3. McClelland D. C. *Human Motivation*. Cambridge University Press, 1987. 268 p.
4. Vilyunas V. K. *Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka* [Psychological mechanisms of human motivation]. Moscow, 1990. 288 p. (in Russian).
5. Kokin Yu. P. Sistema motivov i stimulov k vysokoeffektivnomu trudu v sovremennykh usloviyakh [The System of Motives and Incentives for Highly Efficient Work in Modern Conditions]. In: *Motivatsiya i povedenie cheloveka v sfere truda* [Motivation and Human Behavior in the Workplace. Collection of scientific papers]. Moscow, 1990, pp. 3–5 (in Russian).
6. Mukhambetov T.I. *Motivatsionnyy mekhanizm upravleniya trudom* [Motivational mechanism of labor management]. Alma-Ata, 1991. 125 p. (in Russian).
7. Ognev A. S. Motivation as a Personnel Management Tool. *Upravlenie personalom* [Personnel Management], 2003, no. 6, pp. 20 (in Russian).
8. Surkov S. A. Patterns of Staff Motivation. *Upravlenie personalom* [Personnel Management], 2007, no. 7, pp. 17–21 (in Russian).
9. Ponomarev I. P. *Motivatsiya rabotoy v organizatsii* [Motivation to work in the organization]. Moscow, 2004. 224 p. (in Russian).
10. Panchuk Ye. Yu. Study of the Individual Hierarchy of Needs for the Development of Incentive Systems. In: *Ekonomicheskaya psikhologiya: aktualnye teoreticheskie i prikladnye problemy* [Economic Psychology: Current Theoretical and Applied Problems. Materials of the Fourth international sci.-pract. conf.]. Irkutsk, 2003, pp. 101–104 (in Russian).
11. Afonin Yu. A., Sagdeev R. R. Problems of Motivation of Medical Staff. *Vestn. Samar. gos. ekonom. un-ta* [Bulletin of the Samara State University of Economics], 2012, no. 7 (93), pp. 10–15 (in Russian).
12. Deci E. L. *Intrinsic motivation*. New York, 1975. 324 p.
13. Ryan R. M., Deci E. L. *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York, 2017. 229 p.
14. Deci E. L., Ryan R. M. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York, 1985. 380 p.
15. Ariely D. *Payoff: The Hidden Logic That Shapes Our Motivations*. Simon&Schuster, 2016. 198 p.
16. Babynina L. S. Development of Staff Remuneration Systems. *Innovatsionnye dominanty sotsialno-trudovoy sfery: ekonomika i upravlenie* [Innovative Dominants of the Social and Labor Sphere: Economics and Management. Materials of the Annual International. Sci.-pract. conf. (Voronezh, May 20, 2016)]. Voronezh, 2016, pp. 191–193 (in Russian).
17. Rean A. A. *Psikhologiya izucheniya lichnosti* [Personality psychology]. St. Petersburg, 2018. 288 p. (in Russian).

Cite this article as:

Panchuk Ye. Yu. Study of Work Motivation in Medical Workers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 183–187. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-183-187>

УДК 159.9.07

Тензометрическое исследование особенностей функционирования перцептивной и эмоциональной сфер обучающегося

И. В. Полякова

Полякова Ирина Вадимовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Смоленский государственный университет, alisapolyak2810@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, цель которого заключалась в установлении психологических особенностей взаимосвязи точности тактильного восприятия и особенностей функционирования эмоциональной сферы обучающихся. В исследовании приняли участие 120 испытуемых 5–50-летнего возраста. Гипотеза, согласно которой точность тактильного восприятия и эмоциональный статус обучающихся взаимосвязаны, получила свое подтверждение. Установлена прямая средняя корреляционная связь, уровень значимости 0,66 (коэффициент Пирсона). Тензометрические измерения осуществлены на специально разработанном приборе, позволяющем фиксировать погрешность при воспроизведении заданного экспериментатором образца. Установлены особенности точности воспроизведения стимула в разных психоэмоциональных состояниях: активного бодрствования и психоэмоционального возбуждения. Состояние психоэмоционального возбуждения снижает точность восприятия обучающихся, не занимающихся спортом систематически. Спортсмены-разрядники демонстрируют более высокий уровень стрессоустойчивости и точности воспроизведения стимула. Показатели точности воспроизведения стимула левой (не ведущей) рукой испытуемого в состоянии активного бодрствования могут быть использованы в качестве экспресс-диагностики уровня напряженности психоэмоционального состояния. Оценка выраженности психоэмоционального напряжения осуществлена с помощью коэффициента соотношения ошибок правой и левой рук испытуемых, при которой коэффициент, «стремящийся» к нулю, отражает высокий уровень самоконтроля и саморегуляции, а коэффициент, «стремящийся» к единице и выше, наоборот, низкий уровень самоконтроля и саморегуляции.

Ключевые слова: точность восприятия, эмоциональная сфера, устойчивость сознания, состояние активного бодрствования, состояние психоэмоционального возбуждения, саморегуляция.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-188-193>

Введение

Современный этап развития образования обусловлен процессами интеграции и глобализации, причем социальный заказ, адресованный системе образования, точно не сформулирован. В связи с этим неконкретные и в значительной степени новые требования к эффективной включенности человека в общество способствуют формированию повышенного уровня психоэмоциональной напряженности обучающегося. Поскольку она переживается систематически,

со временем индивид оценивает ее как привычный или нормативный уровень своего функционирования, проявляющийся в определенных динамических и операционно-технических паттернах поведения и деятельности. Эти паттерны со временем задают направление и специфику развития психики и формирования психически напряженной личности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки механизмов, способствующих снятию привычного уровня психоэмоционального напряжения обучающихся.

Обзор отечественной литературы

Л. С. Выготский подчеркивал роль движения в формировании всех мыслительных процессов. В настоящее время это положение традиционно применимо к любому психическому процессу и психике в целом. Иными словами, необходимо понимать, что любая форма и способ функционирования психики связаны с движением, предварительным напряжением соответствующих мышц, которые реализовываются в движении; особенности психического отражения (когнитивных процессов) и сложность движения взаимосвязаны [1, с. 189]. П. Ф. Лесгафт считал, что физическое совершенствование способствует развитию учащегося, когнитивное развитие ребенка более эффективно в процессе спортивных занятий, упражнений и игр [2, с. 20].

В современной научной литературе в основном представлены исследования, в которых установлена взаимосвязь особенностей физического развития человека и его когнитивных способностей. В качестве параметров физического развития рассматриваются силовые качества, гибкость, равновесие, в качестве интеллектуальных – главным образом мышление (гибкость и продуктивность). Т. Н. Березиной установлено «... наличие достоверных взаимосвязей между способностями к координации движений и некоторыми показателями дивергентного мышления (гибкостью его и продуктивностью), а также сообразительностью при решении задач» [3, с. 51]. Критерием успешного овладения двигательными навыками (действиями) называют координационную способность, под которой

традиционно понимается «... способность целесообразно координировать движения, т.е. согласовывать, соподчинять, организовывать движения в целостный двигательный акт при построении и воспроизведении новых движений» [3, с. 53]. В исследованиях, проведенных нами в 2015–2018 гг., также было установлено, что уровень развития координационной способности и устойчивости сознания связаны с особенностями формирования когнитивных процессов [4]. Т. Н. Березина выявила взаимосвязи «... между показателями двигательной способности к удерживанию равновесия (координации) и некоторыми показателями мышления ... гибкостью образного мышления, гибкостью вербального мышления и словесной продуктивностью» [3, с. 56]. Нами была установлена взаимосвязь между точностью тактильного восприятия и устойчивостью сознания, причем наиболее высокую точность восприятия демонстрировали испытуемые, которые систематически занимались спортом с подросткового возраста. Точность восприятия «задает» и точность отражательной и регулятивной функций психики в целом.

Как отмечает И. В. Стародубцева, опираясь на данные НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Научного центра здоровья детей РАМН, число здоровых детей, поступающих в школу, составляет лишь около 10% всего контингента детей и полагает, что это обусловлено отсутствием надлежащего уровня физического развития ребенка [5]. Установлено, что недостаточное внимание к физическому здоровью детей и уменьшение роли физических нагрузок приводит к ухудшению не только физического, но и психического здоровья [6, с. 12]. Занятия физической культурой сдерживают возрастные изменения и препятствуют формированию гиподинамии, а также дегенеративных возрастных изменений [7, 8].

Устойчивость сознания развивает саморегуляцию и способствует формированию личности. Так, Б. А. Ашмарин (1990), Е. Н. Гогунев и Б. И. Мартыанов (2002), М. А. Гришина (2004) установили, что ловкость и выносливость приводят к снижению уровня агрессивности, фрустрации, ригидности и тревожности, то есть благотворно сказываются на развитии личности обучающегося. Включение самооценочного компонента в занятия физической культурой (задания и упражнения с самоконтролем) способствует «... увеличению числа детей с высоким уровнем социальных ориентаций по оценочному критерию» [9, с. 90].

Саморегуляция собственного поведения и деятельности оказывает определяющее влия-

ние на формирование личностных черт [10–12]. Нейрофизиологическую основу этого процесса составляют в том числе конституциональные особенности типов телосложения, связанные с особенностями функционирования нервных процессов: «... в фехтовании на рапирах и на шпагах преобладают индивиды со слабой нервной системой, подвижностью возбуждения, ... в фехтовании на саблях – ... с сильной нервной системой, инертностью возбуждения; в спортивной гимнастике преобладают индивиды с сильной нервной системой, инертностью возбуждения и торможения, ... в художественной гимнастике – со слабой нервной системой, инертностью возбуждения и торможения ... Среди борцов-классиков преобладают ... со слабой нервной системой, инертностью или слабой подвижностью возбуждения, уравновешенностью или преобладанием торможения ... среди борцов-вольников – индивиды с сильной нервной системой...» [13, с. 5–6]. Иными словами, авторы отмечают, что в результативности спортивных достижений имеется некая генетическая предрасположенность.

Понятно, что конституциональные и психологические особенности личности обучающихся взаимосвязаны [14, 15]. Интенсивные эмоциональные переживания неблагоприятно сказываются на их развитии, «... в конкретной ситуации оказывает опосредованное влияние на преобразование проживаемых ... эмоциональных состояний. ... Длительное проживание школьником острых и интенсивных эмоциональных состояний опасно для него самого и окружающих» [16, с. 99].

Последствия переживания острых и интенсивных эмоций легко объективируются. Переживания средней и низкой степени интенсивности не так очевидны, но анализ их психологических последствий выявляет значительные изменения в особенностях функционирования психических процессов. Представляется, что, будучи частично осознаваемыми или не осознаваемыми, они включают механизмы автоматического реагирования на пусковые особенности ситуации, делая предсказуемыми и ограниченными рамками сформировавшихся стереотипами процессы отражения и регуляции. В данном случае будет уместна аналогия кодирования информации в виде паттернов или конкретных связок, например «эмоция–запах» [17], в нашем случае – «эмоциональное состояние – точность перцепции».

В настоящем исследовании речь идет не о базовых и (или) ситуативных эмоциях, а о привычном для личности эмоциональном статусе как некоем интегрированном нормативном для

конкретного индивида «экзистенциально наработанном» результате, в котором он в большинстве случаев отчета себе не отдает. Привычный экзистенциально сформированный эмоциональный статус личности, проявляющийся в качестве общей тональности настроения, определяет в том числе вектор и точность когнитивной обработки информации. Вопрос о том, на каком этапе онтогенеза он проявляется и как именно это определяет процесс развития, исследовался нами в предлагаемой статье.

Постановка задачи

Цель проведенного исследования (совместно с А. Н. Игнатовой, студенткой IV курса психолого-педагогического факультета Смоленского государственного университета) – установление психологических особенностей взаимосвязи функционирования сенсорно-перцептивной сферы и особенностей саморегуляции личности.

Описание исследования

В исследовании приняли участие 120 человек, среди них студенты, занимающиеся спортом (спортсмены-«разрядники», 37 студентов Смоленского государственного университета с кафедры физического воспитания, секций «Атлетическая гимнастика», «Стрельба», «Шахматы», «Легкая атлетика», 17–25-летнего возраста),

и не занимающиеся спортом (39 человек, студенты психолого-педагогического факультета Смоленского государственного университета, 19–23-летнего возраста), дети 6-летнего возраста, обучающиеся в ДООУ «Ласточка» г. Смоленска (25 человек), а также пациенты с алкогольной зависимостью (19 человек).

В качестве гипотетического было выдвинуто предположение, согласно которому имеется взаимосвязь между точностью тактильного восприятия и саморегуляцией испытуемых.

Структура исследования включала два этапа. На первом этапе устанавливалась ошибка воспроизведения тактильного стимула, который был задан экспериментатором. Испытуемым предлагалось повторить заданный образец отдельно правой и левой рукой. Речь идет о тензометрических измерениях. Участники нажимали на специальную клавишу измерительного прибора до отметки, нанесенной на стрелочном вольтметре, запоминали усилие и затем воспроизводили его, не глядя на вольтметр, по памяти. Ошибки фиксировал экспериментатор. Затем такие же измерения осуществлялись после интенсивной физической нагрузки: испытуемые прыгали в течение одной минуты, высоко поднимая колени.

На втором этапе применялась методика «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой. Результаты представлены в таблице.

Компаративное соотнесение результатов точности воспроизведения заданного образца и уровня саморегуляции

№ п/п	Группы испытуемых	Ошибка воспроизведения образца				Уровень саморегуляции	Коэффициент соотнесения ошибок	
		до физической нагрузки		после физической нагрузки			до нагрузки	после нагрузки
		Правая рука	Левая рука	Правая рука	Левая рука			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Шахматисты	0.17	0.28	0.18	0.19	30.1	0.6	0.9
2	Стрелки	0.24	0.34	0.12	0.19	29.1	0.7	0.6
3	Гимнасты	0.25	0.35	0.14	0.25	32	0.7	0.5
4	Легкоатлеты	0.24	0.54	0.19	0.41	36.6	0.4	0.4
5	Студенты IV курса	0.17	0.42	0.25	0.41	35.1	0.4	0.6
6	Дошкольники	0.45	0.58	–	–	–	0.2	–
7	Зависимые	0.82	1.00	–	–	–	0.8	–

Таблица включает 9 столбцов: в первом указаны порядковые номера; второй объединяет группы испытуемых; в столбцах 3–6 представлены результаты тензометрических измерений; в столбце 7 приведены результаты испытуемых по методике «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой; в столбцах 8 и 9 приведены значения коэффициентов соотнесения

(тензометрические измерения). Коэффициент определялся с помощью деления ошибки воспроизведения образца правой рукой на левую. Если коэффициент соотнесения «стремился» к нулю, то это свидетельствовало о том, что испытуемый осуществлял сознательный контроль и саморегуляцию; если он «стремился» к единице, то это означало, что испытуемый переживает

психоэмоциональное возбуждение и его самоконтроль низкий. Дошкольникам и зависимым выполнение интенсивных физических упражнений не предлагалось, поскольку для их здоровья создание стрессовых условий функционирования не показано, поэтому соответствующие строки таблицы не заполнены.

Как видно из таблицы, точность воспроизведения заданного образца у спортсменов и студентов, не занимающихся спортом, после физической нагрузки различается (столбцы 5–6): у спортсменов она повышается, у студентов снижается, причем снижается значительно, приблизительно на 50% (0.17 и 0.25). В состоянии психоэмоционального возбуждения у шахматистов и стрелков выявлено «сближение» численных результатов точности воспроизведения разных рук, повышение точности воспроизведения и высокий уровень саморегуляции. У студентов, не занимающихся спортом, точность воспроизведения образца после физической нагрузки снижается, а результаты исследования уровня саморегуляции высокие.

В последней строке таблицы представлены результаты воспроизведения заданного образца детьми-шестилетками, выполненные в состоянии спокойного бодрствования. Как видно, их точность воспроизведения значительно снижена (0.45 и 0.58 – правая и левая рука соответственно). Как показали результаты наших исследований, примерно к 12–14 годам точность воспроизведения тактильного образца как бы выходит «на плато», то есть, достигая некоего «максимума», далее значительно не отличается от результатов взрослых. В старшем дошкольном возрасте дети демонстрируют результаты, в которых ошибка воспроизведения образца правой рукой (0.45) в два с лишним раза превышает аналогичные результаты взрослых испытуемых. Точность воспроизведения заданного образца дошкольниками левой рукой сопоставима с результатами взрослых, например, студентов, не занимающихся спортом, и легкоатлетов (0.42 и 0.54 соответственно).

На основании полученных данных можно предположить, что точность тактильного восприятия формируется на достаточно ранних этапах онтогенеза и к подростковому возрасту как бы выходит на плато, предопределяя формирование неких паттернов восприятия, которые, фиксируясь, обеспечивают специфику отражения и саморегуляции на довольно долгий срок.

Особенности взаимосвязи тензометрической точности и саморегуляции (уровень выраженности комплекса неполноценности) изучались с помощью методики «Шкала Адлера», позволяю-

щей дифференцировать результаты на три уровня выраженности комплекса: легкий, средний, высокий. Исследование проводилось совместно со студенткой III курса психолого-педагогического факультета Смоленского государственного университета К. А. Поляковой. В нем приняли участие 17 студентов. Полученные результаты коэффициентов соотношения точности воспроизведения заданного образца правой и левой рукой в состоянии активного бодрствования и психоэмоционального напряжения свидетельствовали о высоком уровне психоэмоционального напряжения: 0.8 и 1.4 соответственно (отметим, что лица с алкогольной зависимостью, обследованные нами в условиях получения ими терапии в стационаре, также демонстрируют 0.8 в состоянии активного бодрствования, которое оценивается ими как нормальное [5]). Был выявлен средний уровень комплекса неполноценности.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью критерия Пирсона. Была установлена прямая средняя корреляционная связь между точностью воспроизведения заданного образца левой рукой в состоянии спокойного бодрствования и уровнем развития чувства неполноценности – 0,66. Это означало, что психоэмоциональный статус, переживаемый испытуемыми как нормативный, был на самом деле повышенным. Иными словами, студенты, систематически не занимающиеся спортом, демонстрируют повышенный уровень психоэмоционального напряжения в условиях обучения, в отличие от студентов, систематически занимающихся спортом.

Заключение

Систематические занятия спортом, физические нагрузки, как это выяснилось в результате проведенного исследования, оказывают влияние на особенности формирования и функционирования перцептивной и эмоциональной сфер. Физические тренировки дают возможность развивать устойчивость сознания, стрессоустойчивость и психическую выносливость, повышают перцептивную точность в процессе обучения.

В свою очередь, снижение напряженности во взаимоотношениях между преподавателем и студентом с помощью развития партнерских отношений, снимающих излишнюю критическую оценку и фрустрацию, будет также способствовать более эффективному усвоению учебного материала, «когнитивному благополучию» обучающихся.

Показатели тензометрических измерений левой (не ведущей) рукой могут быть использованы в качестве экспресс-диагностики уровня

выраженности психоэмоционального состояния студента, определяющего эффективность его учебной деятельности.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Психология. М., 2000. 1008 с.
2. *Лесгафт П. Ф.* Психология нравственного и физического воспитания. М.; Воронеж, 1998. 416 с.
3. *Березина Т. Н.* Взаимосвязь физических и интеллектуальных способностей у взрослых людей // Психология и Психотехника. 2012. № 4. С. 51–60.
4. *Полякова И. В.* Последствия злоупотребления алкоголем : психоэмоциональное состояние // Поляковские чтения-2018 (к 90-летию Ю. Ф. Полякова) : сб. материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 25–16 марта 2018 г.) / под ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рошиной, С. Н. Ениколопова. М., 2018. С. 245–247.
5. *Стародубцева И. В.* Интеграция умственного и двигательного развития дошкольников 5–7 лет в процессе физического воспитания. URL: <http://www.dissercat.com/content/integratsiya-umstvennogo-i-dvigatel'nogo-razvitiya-doshkolnikov-5-7-let-v-protsesse-fizicheskogo-vozpitanija> (дата обращения: 25.05.2018).
6. *Фоминых А. В., Казаковцева Т. С.* Теоретические аспекты взаимосвязи физического и умственного развития детей старшего дошкольного возраста (6–7 лет) // Вестн. Вятского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 12–16.
7. *Николаев А. А.* Двигательная активность и здоровье современного человека : учеб. пособие для препод. и студ. высш. учеб. заведений физической культуры. Смоленск, 2005. 93 с.
8. *Селиверстова Н. С.* Психофизическая коррекция Я-концепции лиц пожилого возраста : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2017. 175 с.
9. *Аксенова А. В.* Социальное ориентирование младших школьников в процессе физического воспитания // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. Т. 4, № 1 (61). С. 87–91.
10. *Мартыросов Э. Г., Николаев Д. В., Руднев С. Г.* Технологии и методы определения состава тела человека. М., 2006. 248 с.
11. *Толочек В. А.* «Психологические ниши» в спорте : пространственные измерения // Спортивный психолог. 2017. № 2 (45). С. 4–9.
12. *Толочек В. А.* Типовые стили спортивной деятельности как психологический феномен : ресурсы эффективности // Психол. журн. 2016. Т. 37, № 6. С. 70–82.
13. *Москвин В. А., Москвина Н. В.* Межполушарные асимметрии и индивидуальное развитие человека. М., 2011. 130 с.
14. *Баландин В. А.* Развитие познавательных процессов детей 6–10 лет средствами физического воспитания // Физическая культура : воспитание, образование, тренировка. 2000. № 1. С. 24–26.
15. *Березина Т. Н.* Социальная креативность и социальный интеллект в структуре общих способностей // Психология обучения. 2016. № 2. С. 68–81.
16. *Попова С. И.* Развитие способности подростка к саморегуляции в образовательном процессе школы // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 6. С. 99–108. DOI: 10.17759/pse.2017220609
17. *Березина Т. Н.* Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения // Нац. психол. журн. 2013. № 4 (12). С. 20–30.

Образец для цитирования:

Полякова И. В. Тензометрическое исследование особенностей функционирования перцептивной и эмоциональной сфер обучающегося // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 188–193. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-188-193>

Tensometric Investigation Into the Peculiarities of Functioning of the Perceptual and Emotional Spheres of a Learner

I. V. Polyakova

Irina V. Polyakova, <https://orcid.org/0000-0003-2054-4390>, Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia, alisapolyak2810@mail.ru

The article describes the results of the study that aimed at establishing the psychological features of the relationship between the accuracy of tactile perception and the features of the functioning of the emotional sphere of students. The study involved 120 subjects aged 5–50. The hypothesis predicting that the accuracy of the tactile perception and the emotional status of the students are interrelated was confirmed in the study. The direct average correlation was established, with a significance level of 0.66 (Pearson coefficient). Strain gauging measurements were carried out with an instrument designed for this purpose. The instrument

makes it possible to fix the error when reproducing a sample specified by the researcher. Specific features of the accuracy of stimulus reproduction in different psychoemotional states were established: active wakefulness and psychoemotional arousal. The state of psychoemotional excitement reduces the accuracy of perception of the students who do not do sports systematically. The rated athletes demonstrate a higher level of stress resistance and accuracy of stimulus reproduction. The parameters of the accuracy of stimulus reproduction of the left (not dominant) hand of the subject in the state of active wakefulness can be used as an express diagnosis of the level of tension of the psychoemotional state. Evaluation of the severity of psychoemotional stress was made with the help of the correlation coefficient of errors of the right and left hands of the subjects. The coefficient “tending” to zero reflects a high level of self-regulation and self-control, while the one “tending” to unity and higher, on the contrary, shows a low level of self-control and self-regulation.

Keywords: accuracy of perception, emotional sphere, stability of consciousness, active wakefulness state, state of psychoemotional excitation, self-regulation.

References

1. Vygotskiy L. S. *Psihologiya* [Psychology]. Moscow, 2000. 1008 p. (in Russian).
2. Lesgaft P. F. *Psihologiya npravstvennogo i fizicheskogo vospitaniya* [Psychology of Moral and Physical Education]. Moscow, Voronezh, 1998. 416 p. (in Russian).
3. Berezina T. N. Interrelation of Physical and Intellectual Abilities in Adults. *Psihologiya i Psihotekhnika* [Psychology and Psychotechnics], 2012, no. 4, pp. 51–60 (in Russian).
4. Polyakova I. V. Consequences of Alcohol Abuse: Psycho-Emotional State. *Polyakovskie chteniya-2018 (k 90-letiyu Yu. F. Polyakova). Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 25–16 marta 2018)* [Polyakov Readings-2018 (on the Occasion of the 90th Anniversary of Yu. F. Polyakov). Collection of Papers Of The Scientific and Practical Conference with International Participation (Moscow, March 25–16, 2018)]. Eds. N. V. Zverevoy, I. F. Roshchinoj, S. N. Enikolopova. Moscow, 2018, pp. 245–247 (in Russian).
5. Starodubtseva I. V. *Integratsiya umstvennogo i dvi-gatel'nogo razvitiya doshkolnikov 5–7 let v protsesse fizicheskogo vospitaniya* (Integration of mental and motor development of preschool children 5–7 years in the process of physical education). Available at: <http://www.disserscat.com/content/integratsiya-umstvennogo-i-dvi-gatel'nogo-razvitiya-doshkolnikov-5-7-let-v-protsesse-fizichesk#ixzz5B2Kn1gin> (accessed 25 May 2017) (in Russian).
6. Fominykh A. V., Kazakovtseva T. S. Theoretical Aspects of the Relationship Between the Physical and Mental Development of Children of Senior Preschool Age (6–7 years). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2011, no. 3, pp. 12–16 (in Russian).
7. Nikolaev A. A. *Dvigatel'naya aktivnos i zdorove sovremennogo cheloveka* [Motor Activity and Health of Modern Man]. Smolensk, 2005. 93 p. (in Russian).
8. Seliverstova N. S. *Psihofizicheskaya korrekciya YA-kon-tseptsii lits pozhilogo vozrasta* [Psychophysical correc-tion of the self-concept of the elderly]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). St. Petersburg, 2017. 175 p. (in Russian).
9. Aksenova A. V. Social Orientation of Younger School-children in the Process of Physical Education. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, vol. 4, no. 1 (61), pp. 87–91 (in Russian).
10. Martirosov E. G., Nikolaev D. V., Rudnev S. G. *Tekhnologii i metody opredeleniya sostava tela cheloveka* [Technologies and Methods for Determining the Composition of the Human Body]. Moscow, 2006. 248 p. (in Russian).
11. Tolochek V. A. “Psychological Niches” in Sports: Spatial Dimensions. *Sportivny psiholog* [Sports Psychologist], 2017, no. 2 (45), pp. 4–9 (in Russian).
12. Tolochek V. A. Typical Styles of Sports Activity as a Psychological Phenomenon: Resources of Efficiency. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2016, vol. 37, no. 6, pp. 70–82 (in Russian).
13. Moskvina V. A., Moskvina N. V. *Mezhpolusharnye asim-metrii i individualnoe razvitie cheloveka* [Technologies and Methods for Determining the Composition of the Human Body]. Moscow, 2011. 130 p. (in Russian).
14. Balandin V. A. Development of Cognitive Processes in Children 6–10 Years of Age by Means of Physical Edu-cation. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* [Physical Culture: Education, Instruction, Training], 2000, no. 1, pp. 24–26 (in Russian).
15. Berezina T. N. Social Creativity and Social Intelligence in the Structure of General Abilities. *Psihologiya obu-cheniya* [Psychology of Teaching], 2016, no. 2, pp. 68–81 (in Russian).
16. Popova S. I. Development of the Ability of the Ado-lescent to Self-Regulation in the Educational Process of the School. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2017, vol. 22, no. 6, pp. 99–108. DOI: 10.17759/pse.2017220609 (in Russian).
17. Berezina T. N. Social Creativity and Social Intelligence in the Structure of General Abilities. *Nacional'nyj psiholo-gicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2013, no. 4 (12), pp. 20–30 (in Russian).

Cite this article as:

Polyakova I. V. Tensometric Investigation Into the Peculiarities of Functioning of the Perceptual and Emotional Spheres of a Learner. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 188–193. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-188-193>

УДК 159.9.072-057.34

Профессионально значимые характеристики личности государственных служащих

Т. В. Рябова

Рябова Татьяна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской и общей психологии и педагогики, Казанский государственный медицинский университет, tatry@ Rambler.ru

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что процессы развития и реструктуризации экономики, происходящие в современном обществе, определяют новые задачи в области повышения квалификации государственных служащих. Цель статьи заключается в определении профессионально важных качеств эффективных государственных служащих, работающих в федеральной антимонопольной службе. Для решения данной проблемы использовались психодиагностические методы и методики, позволяющие комплексно исследовать личность государственно служащего. Рассматриваются личностные качества высокоэффективных сотрудников государственной антимонопольной службы, среди которых ведущими являются патриотизм, высокая нравственность, беспристрастность, стрессоустойчивость, толерантность и терпимость. Выявлены основные стили поведения государственных служащих в конфликтных ситуациях. Статья представляет практическую ценность для разработки новых образовательных стратегий непрерывного образования государственных служащих, отвечающих запросам современности.

Ключевые слова: государственные служащие, профессионально важные качества, поведение в конфликте, психодиагностические методики, непрерывное образование, повышение квалификации.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-194-198>

Процессы развития и реструктуризации экономики, происходящие в современном обществе, выдвигают новые задачи в области повышения квалификации государственных служащих, сотрудников федеральной антимонопольной службы (ФАС). В 2019 г. исполняется 15 лет со дня образования ФАС, однако проблеме изучения психологических качеств, составления психологического портрета сотрудника службы уделялось недостаточное внимание. И. Артемьев, руководитель ФАС России, пишет: «ФАС – очень компактная служба. Нас на всю страну три с половиной тысячи человек. Но мы стараемся эффективно исполнять возложенные на нас функции и задачи» [1, с. 6].

Пути решения поставленных задач носят междисциплинарный характер и находятся на стыке различных научных направлений и деятельности различных специалистов, в том числе психологов. Только комплексный подход

к обучению может быть адекватен современному представлению о существующей системе ФАС. Такой подход осуществляет «Учебно-методический центр ФАС» (УМЦ ФАС) (г. Казань), который сформировал систему непрерывного образования, обеспечивающую подготовку высококвалифицированных кадров, обладающих профессиональными и психологическими компетенциями, важными для работы в условиях развития экономики и социальной сферы. Необходимость непрерывного образования определяется постоянным обновлением законодательной сферы, разносторонней подготовкой к меняющимся условиям, готовностью ответить на любой «вызов» ситуации. Данная система способствует также пополнению и закреплению знаний, выработке на их основе умений и навыков профессиональной деятельности. Так, сотрудники повышают уровень своей коммуникативной компетентности и развивают навыки профессиональной коммуникации, знакомятся с современными технологиями разрешения конфликтов с различными категориями заявителей, осваивают приемы планирования и управления временем, саморегуляции состояний при стрессовых ситуациях. На занятиях также уделяется внимание умению работать в команде, развитию приверженности и вовлеченности в корпоративную культуру сотрудников ФАС.

В Приказе Федеральной антимонопольной службы от 6 сентября 2016 г. № 1259/16 «О системе менеджмента качества в центральном аппарате ФАС России» постулируется, что «сотрудники ФАС России – главный капитал Службы. Профессионализм и личностные качества сотрудников определяют результативность работы Службы, качество исполнения государственных функций, услуг» [2]. К основным личностным качествам сотрудника ФАС России относятся: служение государству и политическая нейтральность; соблюдение законности, этики взаимоотношений, уважение и защита личности; лояльность; беспристрастность; открытость; недопустимость корыстных действий и конфликта интересов. Также обозначен принцип эффективности, который подразумевает, что сотрудник ФАС России должен добросовестно подходить к исполнению своих обязанностей. Одна из обязанностей сотрудника

ФАС России – стремиться за счет постоянного совершенствования профессиональных навыков и ответственного отношения добиваться высокой эффективности своего труда.

Каковы же профессионально важные качества эффективных сотрудников, как они сами оценивают себя, каков портрет «идеального сотрудника ФАС» – некоторые из этих вопросов освещены в данной работе.

В эксперименте принимали участие 120 служащих региональных отделений ФАС России. Основная выборка включала сотрудников в возрасте от 22 до 53 лет (среднее значение $32,1 \pm 8,9$ года) со стажем работы в Службе от 2 месяцев до 19 лет. Из них 36% мужчин и 64% женщин.

Задачи исследования заключались в выявлении профессионально важных качеств сотрудников ФАС, которые наиболее существенны в процессе профессиональной деятельности. Кроме того, были рассмотрены стили поведения государственных служащих в конфликтных ситуациях. Решение поставленных задач обеспечивалось применением совокупности информативных, надежных, валидных психодиагностических методов исследования:

Тест на определение стиля (стратегии) поведения в конфликте Томаса-Килманна позволил выявить конкурентные стили: «соперничество», «соревнование»; стиль «избегание» (уход); стиль «приспособление», примирительный, сглаживающий; стили: «компромисс», «взаимной уступки», которые способствуют положительному развитию межличностных отношений, а также стили: «сотрудничество», «кооперация», партнерский, позволяющие разрешать проблемы с помощью нахождения альтернативы, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. При высоких показателях человек чаще всего придерживается данных стилей поведения в конфликте и наоборот.

Сотрудникам ФАС, проходящим курс повышения квалификации в Учебно-методическом центре, было предложено задание – записать семь своих сильных личностных качеств, помогающих в работе. Критерии оценки профессионально важных качеств специалистов определялись после математической обработки результатов диагностики по схеме: ранжирование результатов, отбрасывание выскакивающих результатов (вариант), определение статистической средней по выборке.

М. В. Данилина, А. Подлиннова, А. Силаев считают, что качества личности государственного служащего есть обобщенные, наиболее устойчивые характеристики, которые оказывают

решающее влияние на его деятельность [3]. По мнению авторов, качества личности государственного служащего включают в себя социальные свойства (определяются общественными функциями, характеристиками его деятельности: профессионализмом, организаторскими способностями и др.); социально-психологические свойства (определяются формами общения, взаимодействия и поведения: ответственностью, доброжелательностью, требовательностью и т.д.) и психологические свойства (определяются характером человека: порядочностью, принципиальностью и т.п.).

В нашей работе мы придерживались иной классификации качеств личности сотрудников ФАС.

Анализ результатов исследования показал, что ведущими у сотрудников ФАС являются следующие выраженные волевые качества: целеустремленность, организованность, ответственность, настойчивость в достижении цели. По отношению к другим они проявляют себя как коммуникабельные, справедливые, принципиальные, добрые и одновременно строгие, терпеливые, стрессоустойчивые люди. По отношению к делу демонстрируют: трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность, пунктуальность, внимательность.

А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин считают, что характеристики личности работающего влияют на процесс и результаты профессиональной деятельности, равно как и личность формируется под влиянием этой деятельности [4]. В своей работе сотрудники ФАС проявляют сильные личностные качества, способствующие повышению эффективности профессиональной деятельности.

Анализ показал, что в первую группу наиболее часто встречающихся качеств (их отметили у себя 75–85% опрошенных) вошли такие качества, как целеустремленность, коммуникабельность, трудолюбие, организованность, ответственность, исполнительность, пунктуальность.

Вторую группу составили качества: внимательность, вежливость, дисциплинированность, настойчивость, принципиальность, стрессоустойчивость, строгость, справедливость, усидчивость, толерантность (терпимость), доброта, терпение (отметили у себя 65–74% опрошенных).

Третья группа (50–64% опрошенных) отметила у себя активность и энергичность, честность, грамотность, жесткость, моральную устойчивость, обучаемость, воспитанность, выносливость, доброжелательность, дружелюбие, жизнерадостность, работоспособность, скромность, уравновешенность, уверенность.

К четвертой группе относятся редко встречаемые качества: властность, спокойствие, отзывчивость, преданность, бескорыстие, уравновешенность, сообразительность, любознательность, смелость, креативность, жесткость, тактичность, честность. Также редко встречаются оптимистичность, открытость, педантичность, порядочность, рациональность, смелость, сочувствие, чувство юмора, увлеченность.

Данные качества, которые выделили сами сотрудники ФАС, носят в основном положительный характер. Однако М. В. Данилина и соавторы выявили, что люди, интересы которых должен представлять государственный служащий, обладают такими качествами, как раздражительность, неумение слушать других, давать оценку посетителям, ярко выраженная изменчивость настроения, конфликтность, стремление к самоутверждению и самореализации через ущемление интересов окружающих.

Е.С. Галеева представила уровни развития объективно-психологических проявления саморегуляции государственных служащих в учебно-профессиональной деятельности. В ходе эксперимента было выявлено, что по результатам экспертных оценок наибольший уровень развития в интеллектуально-волевом компоненте саморегуляции учебно-профессиональной деятельности занимают следующие показатели: познавательная активность, оригинальность мышления и самостоятельность; в коммуникативном – коммуникативная совместимость и поведенческая гибкость; в морально-нравственном – ответственность; в эмоционально-волевом – настойчивость и решительность [5].

И. А. Стальнова и А. Г. Стальнов изучали влияние особенностей личности государственных служащих на успешность профессионализации и пришли к выводу о том, что государственная служба несет высокую социальную нагрузку, характеризуется повышенной стрессогенностью, что предопределяет объективность психологических требований к личности служащих [6].

Слушатели ФАС отмечали: для того чтобы избежать синдрома эмоционального выгорания и профессиональных деформаций, необходимо уметь регулировать свое эмоциональное состояние с различными категориями клиентов. Сами слушатели дали следующую классификацию «сложных клиентов»: демонстрирующие правовую неграмотность, «кляузники и сутяжники», правдолюбцы, имеющие возрастные особенности. Поэтому особенно полезными были тренинги по развитию стрессоустойчивости и поведению в конфликтных ситуациях.

По мнению В. В. Новикова, Э. Л. Панеях, Л. И. Халиуллиной, в системе ФАС наблюдается большая текучка кадров и постоянный кадровый дефицит; в среднем сотрудник работает в ФАС не более трех лет. Часть сотрудников уходит через год-два вследствие низких зарплат, высоких нагрузок и требований, конфликтов с руководителями. Кроме того, сотрудникам с опытом работы в ФАС поступают выгодные предложения от государственных структур и бизнеса, заинтересованных в присутствии инсайдера. Авторы размышляют о мотивах, побуждающих работать в ФАС в течение длительного времени: стремительный карьерный рост, интерес к работе, постоянное развитие, различные бонусы. Вместе с тем В. В. Новиков с соавторами делают вывод, согласно которому «качество низовых кадров постепенно падает – на рядовых позициях остаются новички и слабые специалисты... с имеющимися массовыми задачами может справиться и не очень образованный и мотивированный сотрудник» [7, с. 45], и отмечает, что для ФАС характерно сотрудничество между работниками, отделами, территориальными управлениями, что проявляется во взаимопомощи, хороших отношениях, полезных контактах, общении по скайпу. Сами слушатели УМЦ считают, что корпоративное обучение способствует неформальному общению представителей различных территориальных органов.

Проведенный анализ результатов по методике стиля (стратегии) поведения в конфликтных ситуациях свидетельствует о том, что наиболее часто применяемый стиль у сотрудников ФАС – компромисс, «взаимная уступка», когда человек проявляет среднее внимание к интересам другого и к своим интересам. Возможно, из-за того, что компромисс может исчерпать конфликтную ситуацию, сотрудники ФАС часто прибегают к стратегии «компромисс» – 8,1 балла.

Средние значения по шкале «избегание конфликтов» составляют 7,3 балла. То есть сотрудники ФАС часто не признают существование конфликта, у них отсутствует стремление к кооперации, достижению собственных целей, либо они игнорируют проблему, не прилагают усилий для ее решения.

По стилю «приспособление» сотрудники ФАС имеют 4,0 балла. Специалисты уходят от конфликта, проявляя уступчивость, готовность поступиться своими интересами и целями, в приоритете – интересы другого человека, поддержание межличностных отношений.

Стратегия без учета интересов партнера, направленная на достижение собственных

интересов (соперничество, или конкуренция, доминирование), используется сотрудниками ФАС нечасто (4,0 балла из 10 возможных). Они стремятся к конкуренции, стараются добиться удовлетворения собственных интересов, часто в ущерб другому, чьи интересы не соблюдаются.

Эффективная стратегия поведения в конфликтных ситуациях, в которых учитывается мнение обеих сторон, сотрудничество используется часто (6,6 балла).

Следует отметить, что женщины чаще, по сравнению с мужчинами, используют стили конкуренции (соперничество) и компромисс, а мужчины чаще женщин прибегают к стратегиям «избегание» и «приспособление».

Таким образом, результатом исследования является возможность ответить не только на вопрос, каким набором качеств и свойств должен обладать сотрудник ФАС, но и на вопрос, как их сформировать и совершенствовать.

Основываясь на целях, ценностях и принципах, ФАС России стремится создавать благоприятные условия для развития профессиональных навыков, знаний своих сотрудников, их личностных качеств.

«Высокоэффективный (идеальный) сотрудник ФАС» наделен такими качествами, как честность, профессионализм, умение четко формировать мысль, стрессоустойчивость, толерантность, исполнительность, дисциплинированность, неподкупность, патриотизм, высокая нравственность, беспристрастность. Кроме того, он должен обладать государственным и конкурентноспособным мышлением, терпимостью к заявителям, порядочностью.

Сотрудники ФАС имеют выраженные волевые качества (целеустремленность, организованность, ответственность). По отношению к другим людям они проявляют себя как коммуникабельные, справедливые, принципиальные; по отношению к делу демонстрируют трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность, пунктуальность, внимательность. Работники ФАС склонны к самообучению и саморазвитию, к взаимопомощи и взаимовыручке.

Необходимо разрабатывать новые образовательные стратегии непрерывного образования, отвечающие психологическим запросам со-

временности, адекватным сложному положению в ФАС. Они должны быть направлены на формирование толерантности, терпимости и индивидуального подхода к разным категориям заявителей, креативного (творческого) подхода в ситуациях неопределенности, критического мышления, умения четко формулировать и излагать мысли (когнитивная гибкость), а также на развитие навыков самоуправления и самоконтроля, уверенного и настойчивого (ассертивного) поведения, способности отстаивать свою профессиональную позицию в сложных ситуациях; мотивации к саморазвитию и самообучению; принятию решений в ситуации неопределенности. Все это будет способствовать формированию положительного имиджа сотрудника ФАС.

Список литературы

1. *Артемов И.* Наша цель – войти в десятку лучших антимонопольных ведомств мира // Конкуренция и рынок. 2014. № 3. С. 6–22.
2. О системе менеджмента качества в центральном аппарате ФАС России : приказ Федеральной антимонопольной службы от 6 сентября 2016 г. № 1259/16. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. *Данилина М. В., Подлиннова А., Силаев А.* Портрет государственного служащего : социальные и психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1, ч. 2. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/8195> (дата обращения: 9.01.2019).
4. *Деркач А. А., Зыбкин В. Г.* Акмеология. СПб., 2003. 436 с.
5. *Галеева Е. С.* Подготовка государственных и муниципальных служащих : саморегуляция как механизм активизации деятельности // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 389–392.
6. *Стальнова И. А., Стальнов А. Г.* Влияние особенностей личности государственных служащих на успешность профессионализации // Учен. записки Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1 (57). С. 353–355.
7. *Новиков В. В., Панях Э. Л., Халиуллина Л. И.* Влияние бюрократических систем оценки и отчетности подразделений Федеральной антимонопольной службы на характер и результаты ее работы. СПб., 2014. 56 с.

Образец для цитирования:

Рябова Т. В. Профессионально значимые характеристики личности государственных служащих // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 194–198. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-194-198>

Professionally Important Personal Characteristics of Government Employees

T. V. Ryabova

Tatyana V. Ryabova, <https://orcid.org/0000-0002-2199-2251>, Kazan State Medicine University, 49 Butlerova St., Kazan 420106, Russia, tatry@rambler.ru

The topicality of the problem under study is due to the fact that the processes of economic development and restructuring that takes place in modern society set new tasks in the field of upgrading the government employees' skills. The aim of the article is to identify the professionally important qualities of effective government employees of the Federal Antimonopoly Service. To solve this problem, the author used psychodiagnostic methods and techniques ensuring a comprehensive study of a government employee's personality. The article describes personal qualities of highly effective employees of the State Antimonopoly Service, with patriotism, high morality, impartiality, ability to cope with stress, tolerance being the major ones. The basic styles of the competitive behavior of the government employees were revealed. The article is of practical value for development of new educational strategies for continuous education of the government employees that meet current requirements.

Keywords: government employees, professionally important qualities, competitive behavior, psychodiagnostic techniques, continuous education, skills upgrading.

Reference

1. Artemev I. Our Goal is to Enter the Top Ten Antimonopoly Agencies in the World. *Konkurentsiya i rynek* [Competition and Market], 2014, no. 3, pp. 6–22 (in Russian).

2. O sisteme menedzhmenta kachestva v centralnom aparate FAS Rossii: prikaz Federalnoy antimonopolnoy sluzhby ot 6 sentyabrya 2016 g. № 1259/16 (About Quality Management System in the Central Office of FAS of Russia. Order of the Federal Antimonopoly Service of September 6, 2016, No. 1259/16). ATP “Garant” [Electronic resource] (in Russian).
3. Danilina M. V., Podlinnova A., Silaev A. Portret gosudarstvennogo sluzhashchego: socialnye i psihologicheskie aspekty (Portrait of a Government Worker: Social and Psychological Aspects). *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* (Humanitarian Scientific Research), 2015, no. 1, pt. 2. Available at: <http://human.snauka.ru/2015/01/8195> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
4. Derkach A. A., Zazykin V. G. *Akmeologiya* [Acmeology]. St. Petersburg, 2003. 436 p. (in Russian).
5. Galeeva E. S. Training of Government and Municipal Workers: Self-Regulation as a Mechanism of Scaling up the Activities. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2017, no. 5, pp. 389–392 (in Russian).
6. Stalnova I. A., Stalnov A. G. The Influence of Personality Traits of Government Workers on the Success of Professionalization. *Sci. Notes of Orel State University. Ser. Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 1 (57), pp. 353–355 (in Russian).
7. Novikov V. V., Paneyakh Eh. L., Khaliullina L. I. *Vliyaniye byurokraticheskikh sistem otsenki i otchetnosti podrazdeleniy Federalnoy antimonopolnoy sluzhby na kharakter i rezultaty yeye raboty* [Influence of Bureaucratic Systems of Evaluation and Reporting of the Federal Antimonopoly Service Subdivisions on the Nature and Results of its Work]. St. Petersburg, 2014. 56 p.

Cite this article as:

Ryabova T. V. Professionally Important Personal Characteristics of Government Employees. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 194–198. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-194-198>

УДК 316.6

Взаимосвязь субъективного благополучия и культурных установок русских и казахов

Н. Ж. Султаниязова

Султаниязова Насия Жалауовна, магистр психологии, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет, г. Уральск, Казахстан, passiyas@mail.ru

Цель исследования: анализ соотношения субъективного благополучия и культурных установок русских и казахов, проживающих в России и Казахстане. Исследование проводилось на пропорционально подобранных выборках представителей двух этнических групп русских и казахов России и Казахстана: по 75 человек (всего 300 человек). Методики исследования: «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева; «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски и Х. Леппера в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева; параметры психологического благополучия (автономность, компетентность, личностный рост, жизненные цели, самопринятие, общий показатель) измерялись с помощью шкалы К. Риффа в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной; для анализа отношений представителей этнических групп к этнической культуре и традициям были разработаны 24 психологические шкалы (авторы Р. М. Шамионов, Н. Ж. Султаниязова). В результате корреляционного анализа показателей субъективного благополучия и культурных установок установлена их более высокая интеграция в Казахстане (44% высокозначимых связей) и менее высокая – в России (28,2%). Выявлены также этнические различия в Казахстане (высокая интеграция у казахов и низкая – у русских) и их отсутствие в России (13,4% высокозначимых корреляций у русских и 14,8% – у казахов). Качественный анализ позволил установить наличие национальной и этнической специфики взаимосвязей изучаемых характеристик. Показано, что установки на сохранение традиций народа и приверженность традиционным ценностям являются детерминантами эмоционального компонента благополучия во всех выборках. Удовлетворенность жизнью обусловлена культурными установками в группах этнического большинства в России и Казахстане.

Ключевые слова: субъективное благополучие, культурные установки, ценности, русские, казахи.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-199-206>

Введение

Исследования детерминации субъективного благополучия личности затрагивают различные уровни. Среди них одним из наиболее значимых является уровень отношений личности к культуре, включая культурные установки. Необходимо отметить, что исследований подобного рода много, но они в основном касаются обобщенных установок – культурных измерений, ценностных предпочтений, приверженности культуре. Между тем у представителей разных народов и

стран эта детерминация может осуществляться в зависимости от культурно-исторических предпосылок и развития страны.

Взаимосвязь благополучия и культурных измерений была выявлялась в исследованиях Г. Триандиса [1], В. И. Чиркова, Р. М. Райана, Ч. Вилноса [2], Э. Динера [3, 4], Н. М. Лебедевой и Е. В. Осиповой [5], Р. М. Шамионова [6–8], Н. Ж. Султаниязовой [9].

Работы Р. М. Шамионова, Е. Е. Бочаровой убедительно доказывают связь благополучия с ценностными ориентациями. Так, Р. М. Шамионовым проведено исследование взаимосвязи групповых ценностей и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов Поволжья, русских, казахов и армян [10]. По его результатам выявлено, что у представителей русского этноса субъективное благополучие связано с субъектно-коллективистическими характеристиками групповых ценностей, в этнической группе казахов субъективное благополучие связано с субъектно-групповыми характеристиками групповых ценностей, в этнической группе армян – с субъектно-независимыми характеристиками групповых ценностей. В другом исследовании Р. М. Шамионова было определено, что в этнической группе русских на показатели психологического благополучия групповые ценности оказывают меньшее влияние, чем в этнической группе казахов [11]. Автор делает вывод, согласно которому культурные ценности наиболее сильное влияние оказывают на показатели психологического благополучия: автономность, личностный рост, жизненные цели. Р. М. Шамионовым также установлено, что в выборке русских и казахов абсолютным предиктором эмоционального и психологического благополучия является уверенность в себе [12]. В выборке русских уверенность в себе обуславливает психологическое благополучие, в выборке казахов – эмоциональное благополучие. В исследовании соотношения степени эмоциональной приверженности к этнической группе, религиозности и субъективного благополучия личности на примере выборки этногруппы русских [13] было определено, что степень эмоциональной приверженности этнической группе и гражданская идентичность связаны с переживанием счастья, удовлетворенностью жизнью и

положительным балансом аффекта. Однако гражданская идентичность является более значимым предиктором субъективного благополучия. Исследование взаимосвязи характеристик субъективного благополучия и этнокультурных характеристик представителей русской и армянской этногрупп, осуществленное Е. Е. Бочаровой, содержит вывод, согласно которому этнокультурные характеристики влияют на субъективное благополучие контактирующих этносов [14]. Другое исследование этого автора было направлено на определение взаимосвязи субъективного благополучия и социальной активности личности в выборке русской и французской молодежи [15]. Обнаружено, что уровень субъективного благополучия в выборке французской молодежи выше, чем в выборке русской. Социальная активность в выборке русской молодежи связана с отношением к образованию, общественной жизни и увлечениями, социальная активность в выборке французской молодежи – со стремлением к собственному престижу, признанием социального окружения.

Таким образом, по результатам данных исследований можно сделать следующий вывод: существуют различия в переживании субъективного благополучия в этнических группах. Вместе с тем остаются недостаточно определенными сходство и различия культурных детерминант благополучия в разных условиях не только этнической, но и национальной (гражданской) социализации. Очевидно, этнический фактор, отношение к культуре являются предикторами субъективного благополучия, но необходимо установить специфику этой предикции.

Цель исследования заключается в анализе соотношения субъективного благополучия и культурных установок русских и казахов, проживающих в России и Казахстане (этнопсихологический и кросскультурный анализы).

Методы

Выборка. Исследование проводилось на пропорционально подобранных выборках представителей двух этнических групп русских и казахов России и Казахстана: по 75 человек; всего в исследовании приняли участие 300 человек обоего пола (29% мужчин), средний возраст $M = 38$ лет, $SD = 11,57$, 69% горожан, 31% сельчан.

Для измерения трех характеристик субъективного благополучия использовались следующие методики: «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева [16], включающая пять утверждений, оцениваемых по семибалльной шкале; «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски и Х. Лепера в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева

[16] (вариант шкалы из 4-х утверждений, оцениваемых по семибалльной шкале). Параметры психологического благополучия (автономность, компетентность, личностный рост, жизненные цели, самопринятие, общий показатель) измерялись с помощью шкалы К. Риффа в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной (полный вариант) [17]. Для анализа отношений представителей этнических групп к этнической культуре и традициям были разработаны психологические шкалы, предусматривающие 5 вариантов ответов – от абсолютного несогласия (1) до абсолютного согласия (5), всего 24 шкалы.

Обработка. Для обработки первичных данных использовались статистическая программа Statistical Package for the Social Sciences (SPSS 19.0), параметрический метод сравнения выборок (*t*-критерий Стьюдента), корреляционный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи субъективного благополучия и культурных установок свидетельствуют о различиях в общекультурной детерминации субъективного благополучия представителей наций (государств) и народов (этнических групп). Количество значимых корреляций свидетельствует об уровне интеграции этих характеристик. Так, наиболее интегрированы структуры взаимосвязей в Казахстане – 44% высокозначимых связей. Очевидно, в Республике остро стоит вопрос о формировании этнокультурной среды, и позитивное отношение к культуре становится важным фактором переживания благополучия. В России показатель интеграции значительно ниже – 28,2%, что может свидетельствовать о менее значимой роли отношения к культуре в переживании благополучия. В этнических группах наибольшее количество взаимосвязей наблюдается у казахов в Казахстане – 33,3% и примерно одинаковое у русских (13,4%) и казахов (14,8%) в России, наименьшее количество взаимосвязей (10,6%) обнаружено у русских в Казахстане.

Как следует из результатов *корреляционного анализа взаимосвязи субъективного благополучия и культурных установок в выборке русских в России*, удовлетворенность жизнью, счастье, баланс аффекта этнического большинства в выборке русских в России взаимосвязаны с культурными установками. Так, удовлетворенность жизнью положительно коррелирует со степенью включенности в культуру и традиции ($r = 0,29$, $p < 0,05$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,23$, $p < 0,05$). Счастье сопряжено со степенью включенности в культуру и традиции ($r = 0,24$, $p <$

0,05) и соблюдением традиционных ценностей своего народа ($r = 0,25, p < 0,05$). Баланс аффекта имеет положительную связь со знанием фольклора ($r = 0,23, p < 0,05$) и использованием в речи поговорок и пословиц своего народа ($r = 0,23, p < 0,01$). Счастье ($r = 0,32, p < 0,01$) и баланс аффекта ($r = 0,26, p < 0,0$) взаимосвязаны с установкой на стабилизирующую роль национальной культуры. Между тем удовлетворенность жизнью ($r = -0,23, p < 0,05$) и баланс аффекта ($r = -0,23, p < 0,05$) отрицательно коррелируют с установкой на постоянство процессов смешения наций, культур и традиций. Это свидетельствует в пользу того, что удовлетворенность жизнью и эмоциональное благополучие могут быть связаны с опорой на свою этничность как неизменную, не смешанную с характеристиками культуры иных народов. С другой стороны, ввиду интенсивных миграционных процессов в России скорее всего происходят столкновения культурных феноменов, вызывающие некоторую тревогу по поводу их смешения у русских.

Характеристики психологического благополучия – автономность ($r = 0,37, p < 0,01$), компетентность ($r = 0,26, p < 0,05$), личностный рост ($r = 0,25, p < 0,05$), жизненные цели ($r = 0,32, p < 0,01$), самопринятие ($r = 0,34, p < 0,01$) положительно коррелируют с установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа. Автономность ($r = 0,26, p < 0,05$), компетентность ($r = 0,24, p < 0,05$), личностный рост ($r = 0,27, p < 0,05$), жизненные цели ($r = 0,29, p < 0,05$) положительно взаимосвязаны с установкой, согласно которой морально-этические нормы не ограничивают индивидуальность человека. Между тем компетентность ($r = 0,27, p < 0,05$), ($r = 0,34, p < 0,01$), личностный рост ($r = 0,24, p < 0,05$), ($r = 0,27, p < 0,05$), жизненные цели ($r = 0,4, p < 0,01$), ($r = 0,46, p < 0,01$) имеют связь с установками на празднование главных национальных праздников и соблюдением традиционных ценностей. Характеристика психологического благополучия «жизненные цели» имеет положительную связь с установкой на необходимость проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,3, p < 0,01$), прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,27, p < 0,05$). Наконец, позитивные отношения ($r = -0,25, p < 0,05$) и жизненные цели ($r = -0,26, p < 0,05$) отрицательно коррелируют с установкой на постоянство процессов смешения наций, культур и традиций. Поэтому, несмотря на то, что характеристики психологического благополучия в основном относятся к индивидуальной жизни

субъекта, их уровень в немалой степени обусловлен культурными установками. Это значит, что установки на сохранение традиций народа, участие в его культурной жизни, в национальных праздниках, понимание стабилизирующей роли национальной культуры и того, что морально-этические нормы народа не ограничивают индивидуальность человека, обуславливают психологическое благополучие представителей русского большинства в России.

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи субъективного благополучия и культурных установок в выборке казахов в России. Выявлено, что удовлетворенность жизнью не имеет корреляционных связей с культурными установками. Счастье положительно коррелирует с негативным отношением к замещению традиционных ценностей народа современными европейскими ценностями ($r = 0,23, p < 0,05$). Между тем эмоциональный компонент субъективного благополучия (баланс аффекта) имеет множество положительных связей с культурными установками: на соблюдение традиций своего народа ($r = 0,27, p < 0,05$), знание традиций и обычаев своего народа ($r = 0,24, p < 0,05$), фольклора ($r = 0,33, p < 0,05$), использование в речи поговорок и пословиц ($r = 0,39, p < 0,05$), интерес к развитию современного искусства своего народа ($r = 0,35, p < 0,05$), установкой на владение родным языком ($r = 0,49, p < 0,05$), установкой на необходимость проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$), со степенью включенности в культуру и традиции ($r = 0,26, p < 0,05$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,45, p < 0,05$), с установкой на постоянство процессов смешения наций, культур и традиций ($r = 0,23, p < 0,05$), установкой на оценку влияния культуры и традиций других народов на развитие культуры своего народа ($r = 0,23, p < 0,05$). Приведенные данные свидетельствуют в пользу того, что эмоциональное благополучие казахов в значительной степени обусловлено позитивным отношением и погруженностью в свою этническую культуру. Этот факт подтверждает известный вывод Г. У. Солдатовой о стабилизирующей роли в межэтнических отношениях четкого осознания своей этничности и позитивной этнической идентичности [18].

Обратимся к данным о взаимосвязях установок и психологического благополучия в выборке казахов в России. Выраженность автономии связана с низким показателем установки казахов на то, что культура и традиции других народов способствуют развитию культуры их народа ($r = -0,27,$

$p < 0,05$). В то же время имеется положительная связь с установкой на то, что морально-этические нормы своего народа не ограничивают индивидуальность респондентов ($r = 0,25, p < 0,05$). Компетентность положительно коррелирует с празднованием национальных праздников своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$), позитивные отношения – с осознанием необходимости знания культуры других народов ($r = 0,26, p < 0,05$). Между тем такой компонент психологического благополучия, как личностный рост, имеет несколько положительных связей с культурными установками. Он сопряжен с установкой на необходимость в специальных мероприятиях для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,31, p < 0,01$), на то, что морально-этические нормы своего народа не ограничивают индивидуальность респондента ($r = 0,3, p < 0,05$), с интересом к культуре других народов, проживающих на одной территории ($r = 0,24, p < 0,05$), отрицательным отношением к замещению традиционных ценностей своего народа с современными европейскими ценностями ($r = 0,3, p < 0,01$). Следующий компонент психологического благополучия «жизненные цели» имеет положительную связь с установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$) и празднованием главных национальных праздников ($r = 0,25, p < 0,05$). Самопринятие положительно коррелирует с установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$), со степенью включенности в культуру и традиции ($r = 0,26, p < 0,05$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,36, p < 0,01$).

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи субъективного благополучия и культурных установок в выборке русских в Казахстане. Удовлетворенность жизнью и характеристики психологического благополучия – «автономность», «жизненные цели», «самопринятие» русских, проживающих в Казахстане, – не связаны с культурными установками. Между тем счастье имеет положительную связь с включенностью в культуру казахского большинства в части празднования национальных праздников ($r = 0,25, p < 0,05$). Эмоциональный компонент благополучия (баланс аффекта) имеет несколько положительных связей с культурными установками. Так, он сопряжен с установкой на соблюдение традиций и обычаев своего народа ($r = 0,23, p < 0,05$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,31, p < 0,01$), интересом к развитию современного искусства своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$), его традиционным ценностям ($r = 0,29, p < 0,05$), установкой на оценку влияния культуры и тради-

ций других народов на развитие культуры своего народа ($r = 0,3, p < 0,01$), с осознанием необходимости знания культуры других народов ($r = 0,25, p < 0,05$), с установкой на постоянство процессов смешения наций, культур и традиций ($r = 0,31, p < 0,01$). Необходимо отметить, что баланс аффекта также имеет и отрицательную связь с установкой смешивания традиций, обычаев своего народа с традициями и обычаями других народов ($r = -0,25, p < 0,05$). Из этих данных следует обусловленность эмоционального компонента субъективного благополучия установками на соблюдение традиций и обычаев своего народа и в немалой степени позитивными установками в отношении культуры других народов вообще и соседствующего народа в частности. Очевидно, такое позитивное отношение к культуре и традициям своего этноса и этноса большинства является стабилизирующим фактором, влияющим на благополучие русских в Казахстане. Эти данные согласуются с исследованиями В. В. Гриценко, в соответствии с которыми социальная адаптация (в частности мигрантов) связана не только с приверженностью своей культуре, но и культурными взаимодействиями у других народов [19, 20].

Взаимосвязь компонентов психологического благополучия и культурных установок русских также имеет свою специфику. Компетентность положительно коррелирует с установками на соблюдение традиционных ценностей своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$), интересом к истории происхождения и развития своего народа ($r = 0,25, p < 0,05$). Позитивные отношения имеют несколько положительных связей с культурными установками. Так, позитивные отношения сопряжены с установкой на необходимость прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,26, p < 0,05$), знание фольклора ($r = 0,33, p < 0,01$) и использование в речи поговорок и пословиц своего народа ($r = 0,28, p < 0,05$), с установкой на соблюдение традиций и обычаев своего народа ($r = 0,3, p < 0,01$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,32, p < 0,01$). Также компонент – позитивные отношения имеют связь с необходимостью проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,24, p < 0,05$), установкой на стабилизирующую роль национальной культуры ($r = 0,35, p < 0,01$) и степенью включенности в культуру и традиции своего народа ($r = 0,28, p < 0,05$). Необходимо отметить, что позитивные отношения связаны с отрицательным отношением к замещению традиционных ценностей своего народа с современными европейскими ценностями ($r = 0,27, p < 0,05$).

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи субъективного благополучия и культурных установок в выборке казахов в Казахстане.

В выборке этнического большинства казахов в Казахстане характеристики субъективного благополучия имеют наиболее частую взаимосвязь с культурными установками. Так, удовлетворенность жизнью положительно коррелирует с субъективной включенностью в культуру и традиции своего народа ($r = 0,25, p < 0,05$). Счастье имеет положительную корреляцию со степенью включенности ($r = 0,24, p < 0,05$) и соблюдением традиций и обычаев своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$), а также их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,26, p < 0,05$). В этнической группе казахов в Казахстане счастье имеет связь с установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа ($r = 0,26, p < 0,05$) и с установкой на постоянство процессов смешения наций, культур и традиций ($r = 0,25, p < 0,05$).

Эмоциональный компонент благополучия (баланс аффекта) связан с культурными установками на соблюдение традиций и обычаев своего народа ($r = 0,24, p < 0,05$), с установкой на необходимость прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,38, p < 0,01$), знание фольклора ($r = 0,3, p < 0,05$), использование в речи поговорок и пословиц своего народа ($r = 0,26, p < 0,01$), проявление интереса к истории происхождения и развития своего народа ($r = 0,33, p < 0,01$) и интереса к развитию современного искусства своего народа ($r = 0,34, p < 0,01$), установкой на необходимость проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,24, p < 0,05$), степени включенности в культуру и традиции своего народа ($r = 0,34, p < 0,01$), с установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа ($r = 0,32, p < 0,01$), с установкой на то, что морально-этические нормы народа не ограничивают индивидуальность респондента ($r = 0,38, p < 0,01$), интерес к культуре других народов, проживающих на одной территории ($r = 0,3, p < 0,01$), установкой на то, что культура и традиции других народов способствуют развитию культуры своего народа ($r = 0,32, p < 0,01$), с осознанием необходимости знания культуры других народов ($r = 0,4, p < 0,01$).

Приведенные данные свидетельствуют о включенности установок на соблюдение культурных традиций своего народа в систему смысловых связей и критериев благополучия казахов. Вполне очевидно, что осознание важности, значимости этнической культуры казахов становится ведущим фактором их субъективного благополучия

– удовлетворенности жизнью, счастья и баланса аффекта. При этом эмоциональное благополучие связано еще и с признанием других культур и установками на их познание.

Аналогично обстоит дело и с психологическим благополучием. Компетентность казахов имеет положительную корреляцию с культурными установками на соблюдение традиций и обычаев своего народа ($r = 0,28, p < 0,05$), установкой на необходимость прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,39, p < 0,01$), знание фольклора ($r = 0,31, p < 0,01$), проявление интереса к развитию современного искусства своего народа ($r = 0,37, p < 0,01$), необходимостью проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,35, p < 0,01$), субъективной включенностью в культуру и традиции своего народа ($r = 0,35, p < 0,01$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,34, p < 0,01$), с установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа ($r = 0,38, p < 0,01$), оценкой приверженности традиционным ценностям своего народа ($r = 0,36, p < 0,01$), с осознанием необходимости знания культуры других народов ($r = 0,25, p < 0,05$).

Личностный рост сопряжен со знанием традиций и обычаев своего народа ($r = 0,29, p < 0,05$), установкой на необходимость прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,42, p < 0,01$), знанием фольклора ($r = 0,33, p < 0,01$), использованием в речи поговорок и пословиц своего народа ($r = 0,3, p < 0,01$), необходимостью проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,3, p < 0,01$), степенью включенности в культуру и традиции своего народа ($r = 0,33, p < 0,01$), оценкой приверженности традиционным ценностям своего народа ($r = 0,25, p < 0,05$), интересом к культуре других народов, проживающих на одной территории ($r = 0,23, p < 0,05$).

Позитивные отношения имеют множество корреляционных связей с культурными установками: установкой на необходимость прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,32, p < 0,05$), знание фольклора ($r = 0,28, p < 0,05$), установкой на владение родным языком ($r = 0,24, p < 0,05$), установкой на необходимость проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,33, p < 0,01$), степенью включенности в культуру и традиции своего народа ($r = 0,23, p < 0,05$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,35, p < 0,01$), установкой на стабилизиру-

ющую роль культуры своего народа ($r = 0,31$, $p < 0,01$), оценкой приверженности традиционным ценностям своего народа ($r = 0,24$, $p < 0,05$), установкой на то, что морально-этические нормы своего народа не ограничивают индивидуальность ($r = 0,24$, $p < 0,05$).

Наконец, жизненные цели сопряжены с установкой на необходимость прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,35$, $p < 0,01$), знание фольклора ($r = 0,39$, $p < 0,01$), использование в речи поговорок и пословиц своего народа ($r = 0,29$, $p < 0,05$), интересом к истории происхождения и развития своего народа ($r = 0,25$, $p < 0,05$), установкой на необходимость проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,33$, $p < 0,01$), степенью включенности в культуру и традиции своего народа ($r = 0,3$, $p < 0,01$), оценкой приверженности традиционным ценностям своего народа ($r = 0,25$, $p < 0,05$). Самопринятие положительно коррелирует с культурными установками: соблюдением традиций и обычаев своего народа ($r = 0,26$, $p < 0,05$), со знанием традиций и обычаев своего народа ($r = 0,23$, $p < 0,05$), необходимостью прививать и передавать младшему поколению традиционные национальные ценности ($r = 0,38$, $p < 0,01$), знанием фольклора ($r = 0,34$, $p < 0,01$), проявлением интереса к развитию современного искусства своего народа ($r = 0,33$, $p < 0,01$), необходимостью проводить специальные мероприятия для сохранения обычаев и традиций своего народа ($r = 0,28$, $p < 0,05$), включенностью в культуру и традиции своего народа ($r = 0,32$, $p < 0,01$) и их реализацией в наиболее признанных формах (национальных праздников) ($r = 0,38$, $p < 0,01$), установкой на стабилизирующую роль культуры своего народа ($r = 0,24$, $p < 0,05$), оценкой приверженности традиционным ценностям своего народа ($r = 0,28$, $p < 0,05$).

Заключение

Существуют как общие тенденции во взаимосвязи субъективного благополучия и культурных ценностей, так и частные особенности в различных выборках. Необходимо отметить, что в целом установки на сохранение традиций народа и приверженность традиционным ценностям выступают важными детерминантами эмоционального компонента благополучия во всех выборках. Это значит, что на эмоциональном уровне эти установки в большей степени принимаются их представителями и играют стабилизирующую роль. Важным является и то, что наравне с этим признание значимости культуры соседствующего народа служит весомым фактором благополучия. Очевидно, такое положение дел способствует

установлению конструктивного взаимодействия представителей изучаемых народов и является социально-психологическим ресурсом для обеспечения их сотрудничества как на межэтническом, так и на межнациональном (межгосударственном) уровне. Вместе с тем удовлетворенность жизнью обусловлена культурными установками лишь в этнических группах большинства (и в России, и в Казахстане).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что характеристики психологического благополучия связаны с культурными установками особым образом в разных выборках. Так, в выборках этнических русских и выборках этнических казахов, а также представителей большинства–меньшинства обнаружены различия количества и качества взаимосвязей. Количество связей в группах большинства выше, чем в группах меньшинств, что связано с общей комфортностью пребывания в рамках этнической культуры большинства в соответствующих странах.

Список литературы

1. Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение : учеб. пособие / пер. В. А. Соснина. М., 2007. 384 с.
2. Chirkov V. I., Ryan R. M., Willness C. Cultural Context and Psychological Needs in Canada and Brazil: Testing a Self-Determination Approach to the Internalization of Cultural Practices, Identity and Well-Being // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2005. Vol. 36, iss. 4. P. 423–443. DOI: 10.1177/0022022105275960
3. Diener E. Culture and Well-being : The Collected Works of Ed Diener. Dordrecht Springer, 2009. 304 p. DOI: 10.1007/978-90-481-2352-0
4. Diener E., Oishi S., Lucas R. E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being : Emotional and Cognitive Evaluations of Life // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54 (1). P. 403–425. DOI: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145056
5. Лебедева Н. М., Осипова Е. В. Взаимосвязь социокультурного контекста и мотивации личности с поведением и установками студентов по отношению к здоровью в России и Канаде // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5 (48). С. 97–106.
6. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности : психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 296 с.
7. Шамионов Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психол. журн. 2014. Т. 35, № 4. С. 68–81.
8. Шамионов Р. М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 109–122. DOI:10.17759/sps.201506040
9. Султаниязова Н. Ж. Соотношение характеристик

- субъективного и психологического благополучия и культурных измерений русских и казахов // *Общество : социология, психология, педагогика*. 2018. № 12. С. 186–194.
10. Шамионов Р. М. Взаимосвязь групповых ценностей и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов (на примере Поволжья) // *Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология*. 2011. № 4. С. 307–309.
 11. Шамионов Р. М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // *Психол. исследования*. 2014. Т. 7, № 35. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> (дата обращения: 10.02.2018).
 12. Шамионов Р. М. Уверенность в себе и базовые убеждения как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 45. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1235-shamionov45.html> (дата обращения: 10.02.2018).
 13. Шамионов Р. М. Соотношение степени эмоциональной приверженности к этнической группе, религиозности и гражданской идентичности и субъективного благополучия личности // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 26, № 4. С. 107–112.
 14. Бочарова Е. Е. Взаимосвязь субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов // *Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал*. 2015. № 4 (52). С. 185–200 DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-15
 15. Бочарова Е. Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности : кросскультурный аспект // *Социальная психология и общество*. 2012. № 4. С. 53–63.
 16. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М., 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 30.03.2016).
 17. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // *Психол. журн*. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.
 18. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
 19. Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002. 252 с.
 20. Гриценко В. В. Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2006. Т. 6, вып. 1. С. 62–70.

Образец для цитирования:

Султаниязова Н. Ж. Взаимосвязь субъективного благополучия и культурных установок русских и казахов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-199-206>

The Relationship of Subjective Well-Being and Cultural Values of Russians and Kazakhs

N. Zh. Sultaniyazova

Nassiya Zh. Sultaniyazova, <https://orcid.org/0000-0003-0119-783X>, West-Kazakhstan Innovative-Technological University, 12 Gumar Karash Ave., Uralsk 090000, Republic of Kazakhstan, nassiyas@mail.ru

The aim of the study is to analyze the ratio of subjective well-being and cultural values of Russians and Kazakhs living in Russia and Kazakhstan. The study was conducted among proportionally selected samples of representatives of two ethnic groups of Russians and Kazakhs of Russia and Kazakhstan: 75 people (a total of 300 people). Methodology of the study includes "The Satisfaction with Life Scale" by E. Diener in adaptation of D. Leontiev, E. Osin; "Subjective Happiness Scale" by S. Lubomirski and Kh. Lepper in adaptation of D. Leontiyev, E. Osin. The dimensions of psychological well-being (autonomy, competence, personal growth, purpose in life, self-acceptance index) were measured using the scale of K. Riff in the adaptation of L. Zhukovskaya and E. Troshikhina. 24 psychological scales were developed (the authors are R. Shamionov, N. Sultaniyazova) to analyze the relationship of representatives of ethnic groups and traditions. As a result of the correlation analysis of indicators of subjective well-being and cultural values, their higher integration in Kazakhstan

(44% of highly significant connections) and lower intergration in Russia (28.2%) were established. Ethnic differences in Kazakhstan (high integration among Kazakhs and low integration among Russians) and their absence in Russia (13.4% of highly significant correlations among Russians and 14.8% of highly significant correlations among Kazakhs) were also revealed. The qualitative analysis allowed to establish the existence of national and ethnic specificity of interrelations of the characteristics studied. It is shown that the attitudes to preservation of the traditions of the people and commitment to traditional values are the determinants of the emotional component of well-being in all the samples. Satisfaction with life is determined by cultural values in the ethnic majority groups in Russia and Kazakhstan.

Keywords: subjective well-being, cultural values, values, Russians, Kazakhs.

References

1. Triandis Garri K. *Kul'tura i sotsialnoye povedenie: uchebnoe posobie* [Culture and social behavior]. Moscow, 2007. 384 p. (in Russian).
2. Chirkov V. I., Ryan R. M., Willness C. Cultural Context and Psychological Needs in Canada and Brazil: Testing a Self-Determination Approach to the Internalization of Cultural Practices, Identity and Well-Being. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2005. vol. 36, iss. 4, pp. 423–443. DOI:10.1177/0022022105275960

3. Diener E. *Culture and Well-being : The Collected Works of Ed Diener*. Dordrecht Springer, 2009. 304 p. DOI: 10.1007/978-90-481-2352-0
4. Diener E., Oishi S., Lucas R. E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life. *Annual Review of Psychology*, 2003, vol. 54 (1), p. 403–425. DOI: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145056
5. Lebedeva N. M., Osipova E. V. The relationship of socio-cultural context and motivation of the individual with the behavior and attitudes of students in relation to health in Russia and Canada. *Almanac of Modern Science and Education*, 2011, no. 5 (48), pp. 97–106 (in Russian).
6. Shamionov R. M. *Subektivnoe blagopolychie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory* [Subjective Well-Being of Personality: Psychological Picture and Factors]. Saratov, 2008. 296 p. (in Russian).
7. Shamionov R. M. Ethnocultural Factors of the Subjective Well-Being of The Individual. *Psychological Journal*, 2014, vol. 35, no. 4, pp. 68–81 (in Russian).
8. Shamionov R. M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of the Emotional and Psychological Well-Being of Citizens and Villagers. *Social Psychology and Society*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 109–122. DOI: 10.17759/sps.2015060408 (in Russian).
9. Sultaniyazova N. Zh. The Ratio of the Characteristics of Subjective and Psychological Well-Being and Cultural Dimensions of Russians and Kazakhs. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2018, no. 12, pp. 186–194. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.31> (in Russian).
10. Shamionov R. M. Interrelation of group values and subjective well-being of representatives of contacting ethnic groups (on the example of the Volga region). *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2011, no. 4, pp. 307–309 (in Russian).
11. Shamionov R. M. Group Values and Attitudes as Predictors of Psychological Well-Being of Russians and Kazakhs. *Psychological Research*, 2014, vol. 7, no. 35, pp. 12. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> (accessed 10 February 2018) (in Russian).
12. Shamionov R. M. Self-Confidence and Basic Beliefs as Predictors of the Subjective Well-Being of Russians and Kazakhs. *Psychological Studies*, 2016, vol. 9, no. 45, p. 5. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1235-shamionov45.html> (accessed 10 February 2018) (in Russian).
13. Shamionov R. M. The Ratio of the Degree of Emotional Commitment to the Ethnic Group, Religiosity and Civic Identity and Subjective Well-Being of the Individual. *Bulletin of Udmurt University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 107–112 (in Russian).
14. Bocharova E. E. Interconnection of the Subjective Well-Being of the Individual and the Ethnocultural Characteristics of the Representatives of the Contacting Ethnic Groups. *Modern Studies of Social Problems. Electronic Scientific Journal*, 2015, no. 4 (52), pp. 185–200. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-15
15. Bocharova E. E. Interconnection of Subjective Well-Being and Social Activity of the Individual: Cross-Cultural Aspect. *Social Psychology and Society*, 2012, no. 4, pp. 53–63 (in Russian).
16. Osin E. N., Leontev D. A. Testing the Russian-Language Versions of the Two Scales for Rapid Assessment of Subjective Well-Being. *Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress*. Moscow, 2008. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (accessed 3 March 2016) (in Russian).
17. Zhukovskaya L. V., Troshikhina E. G. The Scale of Psychological Well-Being of K. Riff. *Psychological Journal*, 2011, vol. 32, no. 2, pp. 82–93 (in Russian).
18. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy naryazhonosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow, 1998. 389 p. (in Russian).
19. Gritsenko V. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev v Rossii* [Socio-Psychological Adaptation of Immigrants in Russia]. Moscow, 2002. 252 p. (in Russian).
20. Gritsenko V. V. Ethnic Identity and Socio-Psychological Adaptation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006, Vol. 6, iss. 1, pp. 62–70 (in Russian).

Cite this article as:

Sultaniyazova N. Zh. The Relationship of Subjective Well-Being and Cultural Values of Russians and Kazakhs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-199-206>

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.378

Организация научно-исследовательской деятельности будущих учителей-словесников в зарубежных странах

Е. В. Артёменко

Артёменко Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), ewa_12@mail.ru

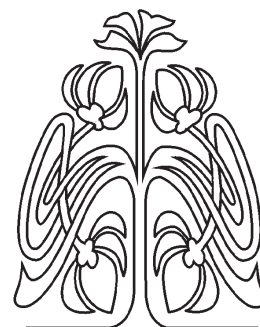
Статья посвящена изучению ведущих тенденций организации научно-исследовательской деятельности будущих учителей-словесников в зарубежных странах. Дана общая характеристика инновационных тенденций в зарубежном филологическом образовании, выделены особенности психолого-педагогической, лингвистической подготовки будущих учителей родного языка и литературы. Обоснована целесообразность использования зарубежного опыта в педагогических университетах страны. Раскрываются главные векторы педагогического образования США, что позволило составить ориентировочную обобщенную модель выпускника американских вузов; обозначить специфику организации научно-исследовательской деятельности будущих учителей-филологов в университетах Испании; национальные особенности образовательной системы Франции, построенную на учете национальных языковых культурных ценностей; организацию профессионального обучения в Германии, ведущим принципом которого является единство образования и исследования; базового педагогического образования Финляндии, конечная цель которого – подготовка опытно-направленного учителя и систему организации профессионального обучения будущих учителей-словесников в Польше, в которой особое внимание уделяется формированию языковой, лингвистической, культуроведческой компетенции, развитию мышления и коммуникативных навыков. Акцентируется внимание на индивидуализации и дифференциации подготовки будущих учителей, развитии их критического мышления, формировании умений сравнивать, анализировать, наблюдать, обобщать, систематизировать в процессе подготовки к научно-исследовательской деятельности. Формулируется вывод, согласно которому в нынешних условиях научно-исследовательская деятельность студентов наполняется новым актуальным содержанием и становится одним из главных факторов в обеспечении качественно новых изменений в профессиональной деятельности, условием его личностной самореализации.

Ключевые слова: инновации, филологическое образование, научно-исследовательская деятельность, педагогические университеты, подготовка будущих учителей, индивидуализация, дифференциация.

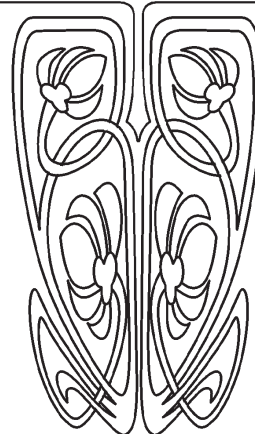
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-207-211>

Повышение роли человеческого фактора в различных сферах жизни и деятельности общества приводит к повышению требований, предъявляемых к выпускнику высшей школы. Постоянно растет спрос на высококвалифицированных специалистов, способных творчески решать сложные задачи, прогнозировать и моделировать результаты собственной профессиональной деятельности, находить пути и средства самовыражения и самоутверждения в условиях самостоятельной профессиональной деятельности [1].

Изменение социального заказа общества требует кардинального изменения приоритетных целей профессиональной подготовки

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

специалистов: речь идет о переносе акцентов с информационно-трансляционной формы обучения на расширение диапазона знаний студентов с помощью наукоемких средств профессионально направленной исследовательской деятельности.

Учеными-педагогами доказано, что значительный потенциал в решении указанных задач принадлежит исследовательско-ориентированной парадигме профессионального обучения будущих учителей филологических специальностей: их языковой подготовке, созданию и построению такой духовно-ценностной платформы, на основе которой будет разворачиваться профессиональное межличностное субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и студента с первой лекции, с первого семинара, с первого исследования на основе «научного образования».

Модернизация, качественное обновление и обогащение системы профессиональной подготовки будущих учителей-филологов важно осуществлять с учетом передового зарубежного опыта, где доминирующим вектором является ориентация на подготовку студента-исследователя.

Академик В. П. Андрущенко отмечает, что «по разнообразию взглядов европейских мыслителей разных времен и народов, опытом организации университетского образования в странах Европы рельефно прослеживаются характеристики, которые в своей совокупности формируют качественную определенность европейского образования». По мнению ученого, «первой и главной характеристикой европейского университетского образования является его функционирование на основе глубокой развивающейся науки в университетах» [2, с. 4].

Интеграция образовательной и научной составляющих в деятельности высших учебных заведений служит необходимым условием качественной подготовки специалистов, совершенствования и реализации интеллектуально-творческих способностей научно-педагогических работников и студенческой молодежи, весомым фактором развития научного и инновационного потенциала государства. Такая необходимость вытекает и из Лиссабонской стратегии по созданию Европейского исследовательского пространства, в формировании которого ведущая роль отводится высшей школе, университетам. Реальная интеграция образовательной и научной составляющих в деятельности высших учебных заведений возможна при условии определения критериями качественного высшего образования осуществление научных исследований с учетом их признания международным научным сообществом (опубликование результатов ис-

следований в научных изданиях с высоким профессиональным рейтингом, которые переводятся на многие языки, реферируются, цитируются), использование их результатов в учебном процессе, привлечение студентов к исследовательской деятельности, ориентацию преподавания в новейшие научные достижения, концентрацию интеллектуально-творческого потенциала студенческой молодежи.

Остановимся подробно на общей характеристике инновационных тенденций в зарубежном филологическом образовании, выяснив особенности психолого-педагогической, литературоведческой и языковедческой подготовки будущих учителей родного языка и литературы с целью рассмотрения целесообразности использования определенного опыта в педагогических университетах страны.

Анализируя научную литературу, мы пришли к выводу, согласно которому современный этап совершенствования педагогического образования в США характеризуется положительными тенденциями: происходит построение динамической и конкурентоспособной системы образования, базирующейся на исследовательских знаниях, направленной на развитие творческих возможностей личности, ее интеллектуального потенциала на основе непрерывного образования.

Специфика американской школы – акцентирование внимания на индивидуализации и дифференциации, развитии критического мышления, формировании умений сравнивать, анализировать, наблюдать, обобщать, систематизировать. Так, в университете Дрексела (Филадельфия) на отделении английского языка и философии по результатам исследования Е. Семенов студентам предлагаются курсы по различным отраслям литературы, языка, философии, культурологии. Дополнительную специализацию будущие учителя-словесники в Вашингтонском университете приобретают на курсах педагогической культуры, английского языка и искусства, в Миддлберийском колледже – современного искусства, психологии общения, традиционных культур Европы, внешней политики США и др.; в Дартмутском колледже – на курсах истории искусства, классической и современной американской литературы, теории искусства и творчества, педагогической психологии, философии и социологии образования [3].

Известная исследовательница М. Князьян, обобщая опыт профессиональной подготовки учителей филологических специальностей в США, утверждает, что наиболее активно в учебном процессе вуза используются такие виды исследовательской деятельности, как со-

ставление портфолио, написание этнической автобиографии, создание проектов, организация аутентичных бесед и публичных презентаций, использование «кейсов», что в целом обеспечивает системность и систематичность интериоризации профессиональных знаний, метарефлексивных и метакогнитивных умений будущих специалистов, подчеркивая, что эти методы дают им возможность переосмыслить собственный опыт и «достроить» его до уровня целостной системы [4, с. 126].

В рамках проведенного функционального анализа подготовки будущих учителей-словесников в США можно составить ориентировочную обобщенную модель выпускника американских вузов, который должен иметь основательную специальную подготовку, обладать способностями к анализу, структурированию и систематизации фактов, явлений, событий, на основе сложившихся умений формулировать индуктивные и дедуктивные выводы, устанавливать причинно-следственные связи, эффективно применять образовательные технологии, соблюдать этические принципы и нормы профессионального поведения в практической деятельности, уметь доказать свою востребованность на рынке труда, иметь постоянную мотивацию к непрерывному личностно-профессиональному самосовершенствованию.

Исследуя особенности организации научно-исследовательской деятельности будущих учителей-филологов в университетах Испании, А. В. Григорович отмечает, что внимание испанских ученых сосредоточено на выработке целей профессиональной подготовки вышеназванной категории студентов, которые реализуются именно в контексте научно-исследовательской деятельности. Среди них приоритетными являются: ориентация студентов на расширение и передачу знаний, а также обеспечение их использования во всех областях с целью удовлетворения потребностей страны в специалистах; интегрированное развитие профессиональных, исследовательских и социальных навыков; формирование умений, дающих возможность предоставлять обществу качественные образовательные услуги по обучению языку и литературе через разработку собственных нестандартных методических средств; способствование гармонизации научного, культурного, социального, нравственного развития личности; эффективное сотрудничество с различными образовательными структурами; оптимальное воздействие на учащихся с целью расширения их знаний, приобретенных на предыдущих образовательных уровнях; помощь в развитии национального единства; сохранение культурного наследия страны. В отличие от

отечественных подходов к организации научно-исследовательской деятельности, в испанских источниках подчеркивается необходимость внедрения этой деятельности именно для обеспечения децентрализации, региональной интеграции, а также сотрудничества между институтами, для того чтобы дать возможность различным регионам страны располагать необходимыми ресурсами и технологиями для совершенствования процесса обучения языку и литературе [5, с. 29–30].

Ярко выраженная национальная специфика образовательной системы Франции под влиянием динамического обновления техники и технологий, растущей интеллектуализации труда, приоритета человеческого фактора в экономическом и социальном развитии современного общества также приобрела гибкость, вариативность, открытость, ориентацию на непрерывность образования, профессионализацию педагогической подготовки. Получила распространение концепция формирования «компетентного специалиста», основная идея которой – достижение будущими учителями профессиональных умений и навыков, акцент на индивидуальный подход, развитие самоорганизации, саморазвития и самосовершенствования, специализация с учетом не только выбранного учебного предмета, но и специфики учебного заведения, где будет работать специалист [6, с. 7–9].

Профессиональная подготовка учителей-словесников во Франции построена на учете национальных языковых культурных ценностей, ведь забота власти об обогащении учащейся и студенческой молодежи знаниями родной культуры максимально способствует внедрению в вузах элементов лингвокультурологии, формированию коммуникативной компетентности студентов. Неотъемлемой составляющей профессионального обучения будущих учителей филологических дисциплин выступает научно-исследовательская деятельность, которая «пронизывает» большинство учебных тем, способствуя развитию критического мышления, творческой индивидуальности студентов-исследователей, формированию их научного мировоззрения и методологической культуры.

Исследуя организацию профессионального обучения в Германии, М. Князян констатирует, что единство образования и исследования выступает ведущим принципом функционирования высшего образования. Приоритетные цели самостоятельной исследовательской деятельности – научить студентов анализировать научную информацию и организовывать собственную и коллективную поисковую работу для получения объективно

новых результатов. Характерной чертой организации самостоятельной исследовательской деятельности в Германии является тесное сотрудничество студентов и преподавателей, обеспечивающее активное развитие научного мировоззрения и интеллектуальных умений будущего специалиста, более четкое осознание студентом своей роли в поисковом сотрудничестве, выработка им собственной позиции при определении стратегических, тактических и оперативных целей [4, с. 127].

Организация профессионального обучения педагогов в Финляндии свидетельствует о том, что центральным ее вектором является исследовательское педагогическое образование, конечной целью которого является подготовка опытно-направленного будущего учителя (inquiry-oriented future teacher).

В Финской Государственной программе сформулированы требования к педагогическим компонентам в подготовке учителя, а также обоснован комплекс компетенций, которыми он должен владеть: межличностные умения и навыки конструктивного общения и сотрудничества; глубокое понимание учебного процесса; предупреждение трудностей, осложнений и негативных сценариев в обучении; межкультурная компетентность; управленческая компетентность; компетентность в сфере информационно-коммуникационных технологий; умение работать и решать конфликты в педагогической среде; в области планирования и обучения и т.д. [7, с. 5].

Подводя итог, отметим, что исследовательское базовое педагогическое образование рассматривается учеными Финляндии как непрерывный процесс, имеющий целью подготовку высококомпетентных будущих учителей как генераторов знаний, способных к инновационной деятельности в образовании, с положительной мотивацией к педагогическому исследованию, развитию творческого мышления, научной интуиции, овладению ими умениями и навыками научного поиска, самостоятельной учебной и научной работы, стремящихся к самосовершенствованию.

Изучение системы организации профессионального обучения будущих учителей-словесников в Польше показало, что современное общество нуждается в конкурентоспособном, самостоятельном, творческом, компетентном и открытом к сотрудничеству педагоге-исследователе, который имеет основательную общекультурную, филологическую и психолого-педагогическую подготовку. Приоритетными целями научно-исследовательской деятельности будущих учителей польского языка определены: максимальная индивидуализация; акцент на са-

моразвитие на постоянной основе; расширение самостоятельности студентов: овладение навыками самостоятельного приобретения знаний. Особое внимание уделяется формированию языковой, лингвистической, культуроведческой компетенции, развитию мышления и коммуникативных навыков.

Таким образом, изучение опыта организации научно-исследовательской деятельности будущих учителей-словесников в зарубежных странах позволяет определить ведущие тенденции в реализации этой деятельности, в частности: интенсивное обновление системы образования, конечной целью которого является подготовка учителя-исследователя, культурной личности, сформированность системы профессиональных знаний и умений, филологических и педагогических способностей с ориентацией на сохранение национальных воспитательных традиций и непрерывности образования.

Действительно, в нынешних условиях научно-исследовательская деятельность студентов наполняется новым актуальным содержанием и становится одним из главных факторов в обеспечении качественно новых изменений в профессиональной деятельности, условием его личностной самореализации.

В современных условиях существует острая необходимость привлечения будущих учителей родного языка и литературы к научному поиску с целью ускоренного развития и саморазвития их научно-творческого потенциала, профессионализма, стимулирования интереса к самооткрытию, овладения аппаратом научного предвидения, умениями прогнозировать результаты учебно-воспитательной деятельности, выстраивать творческий подход к ней.

Список литературы

1. *Набока О. Г.* Научно-исследовательская деятельность студента как профессионально ориентированная технология // Наука и образование : научно-практический журнал Южного научного центра АПН Украины. 2010. № 7. С. 165–168.
2. *Андрущенко В. П.* Основные характеристики европейского университетского образования и возможности их реализации в системе образования Украины // Научный журнал Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Сер. 5. Педагогические науки : реалии и перспективы : сб. науч. работ / науч. ред. А. В. Быковская, П. В. Дмитренко. Киев, 2011. Вып. 26. С. 3–15.
3. *Семенов Е. Н.* Профессиональная подготовка будущих учителей украинского языка и литературы. Сумы, 2005. 404 с.
4. *Князян М. А.* Самостоятельно-исследовательская деятельность будущих учителей иностранных

- языков : теория и практика. Измаил, 2006. 242 с.
5. Григорович А. В. Организация научно-исследовательской деятельности будущих учителей-филологов в университетах Испании : дис. ... канд. пед. наук. Харьков, 2015. 220 с.
 6. Зязюн Л. И. Артистическое воспитания личности в системе образования Франции : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 2003. 20 с.
 7. Teacher Education Development Programme. Helsinki, 2001. 9 p.

Образец для цитирования:

Артёмченко Е. В. Организация научно-исследовательской деятельности будущих учителей-словесников в зарубежных странах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-207-211>

Organization of Research Activities of Future Language Teachers in Foreign Countries

E. V. Artemenko

Elena V. Artemenko, <https://orcid.org/0000-0002-0193-0723>, Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports, 2a Sportivnaya St., Churapcha 678670, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, ewa_12@mail.ru

The article is devoted to the study of leading trends in the organization of research activities of future language teachers in foreign countries. General characteristics of innovative trends in foreign philological education are given and features of psychological, pedagogical, and linguistic training of future teachers of the native language and literature are highlighted. The expediency of using foreign experience in pedagogical universities of Russia is indicated. The author reveals the main vectors of US pedagogical education, which made it possible to compile an approximate generalized model of an American university graduate and to single out features of the organization of future Philology teachers' research activities at universities in Spain; national specifics of the educational system of France which is built on the basis of national linguistic cultural values. The author also considers organization of vocational training in Germany, whose leading principle is the unity of education and research. Finland's basic pedagogical education, the ultimate goal of which is to prepare an experienced future teacher is discussed. Much attention is paid to a system for organizing vocational training of future language teachers in Poland, which focuses on the development of language, linguistic and cultural competencies and thinking and communication skills. In the article, the researcher focuses on individualization and differentiation of training future teachers, development of their critical thinking, and formation of the ability to compare, analyze, observe, synthesize, and systematize in the process of preparing for research activities. It is concluded that in the current conditions, the research activity of students is filled with new relevant content and becomes one of the main factors in ensuring qualitatively new changes in the professional activity and the condition of their personal self-realization.

Keywords: innovations, philological education, research activities, pedagogical universities, training future teachers, individualization, differentiation.

References

1. Naboka O. G. Student Research Activities as a Professionally Oriented Technology. *Nauka i obrazovanie: nauchno-prakticheskiy zhurnal Yuzhnogo. nauchnogo tsentra APN Ukrainy* [Science and Education: Scientific and Practical Journal of the South. Scientific Center APS of Ukraine], 2010, no. 7. pp. 165–168 (in Russian).
2. Andrushchenko V. P. The Main Characteristics of European University Education and the Possibility of Their Implementation in the Educational System of Ukraine]. *Nauchnyy zhurnal Natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni M. P. Dragomanova Ser. 5. Pedagogicheskie nauki: realii i perspektivy: sb. nauchn. rabot* [Scientific Journal of M. P. Dragomanov National Pedagogical University. Ser. 5. Pedagogical Sciences: Realities and Prospects. Coll. scientific works. Sci. eds. A. V. Bykovskaya, P. V. Dmitrenko]. Kiev, 2011, iss. 26, pp. 3–15 (in Russian).
3. Semenog E. N. *Professional'naya podgotovka budushchikh uchiteley ukrainskogo yazyka i literatury* [Professional Training of Future Teachers of the Ukrainian Language and Literature]. Sumy, 2005. 404 p. (in Russian).
4. Knyazyan M. A. *Samostoyatel'no-issledovatel'skaya deyatel'nost' budushchikh uchiteley inostrannykh yazykov: teoriya i praktika* [Self-Research Activities of Future Teachers of Foreign Languages: Theory and Practice]. Izmail, 2006. 242 p. (in Russian).
5. Grigorovich A. V. *Organizatsiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti budushchikh uchiteley-filologov v universitetakh Ispanii* [Organization of Research Activities of Future Teachers-Philologists in Universities of Spain]. Diss. Cand. Sci. (Pedag.). Khar'kov, 2015. 220 p. (in Ukrainian).
6. Zyazyun L. I. *Artisticheskoe vospitaniya lichnosti v sisteme obrazovaniya Frantsii* [Artistic Education of the Individual in the Education System of France]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Pedag.). Kiev, 2003. 20 p. (in Russian).
7. *Teacher Education Development Programme*. Helsinki, 2001. 9 p.

Cite this article as:

Artemenko E. V. Organization of Research Activities of Future Language Teachers in Foreign Countries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-207-211>

УДК 378.016

Теоретические основы подготовки студентов в области безопасности жизнедеятельности

В. И. Ваулин

Ваулин Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Инженерные дисциплины», филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» в г. Сызрани, vladimir2018vaulin@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические основы подготовки студентов в области безопасности жизнедеятельности (БЖД). Утверждается, что возможно предложить концептуальный подход к изучению дисциплины, который включает элементы теоретических основ безопасности жизнедеятельности: понятия и категории (среда обитания, производственная среда, опасность, безопасность, безопасность жизнедеятельности, риск), закономерности и принципы (аксиомы) безопасности, критерии оценки безопасности «Предельно допустимая концентрация» (ПДК) и «Предельно допустимый уровень» (ПДУ), риск, направления обеспечения безопасности жизнедеятельности на предприятии (охрана труда, гражданская оборона, экологическая безопасность); виды ЧС (антропологические, природные, техногенные, экологические); функциональные аспекты безопасности жизнедеятельности (экономический, социальный, правовой, личностный и др.); факторы окружающей среды (физические, химические, биологические, психофизиологические, социально-психологические); уровни влияния факторов окружающей среды (оптимальный, допустимый, опасный, чрезвычайно опасный); уровни безопасности (личный, коллективный, местный, региональный, государственный, межгосударственный); методы анализа опасностей (метод потенциальных ЧС, количественные, качественные); методы защиты от опасностей; средства защиты (технические, природные, индивидуальные и др.); основы управления безопасностью жизнедеятельности: законодательные основы безопасности жизнедеятельности (система законов государства и межгосударственные законы взаимодействия); управление охраной труда: нормативные документы, оргштатная структура, методы управления безопасностью труда (профессиональный отбор, обучение безопасности труда, инженерно-технические методы, административные методы и т.д.); анализ условий труда на рабочих местах («типовые положения» – единый методологический документ, учет, аттестация, рационализация и планирование рабочих мест); управление безопасностью – оценка безопасности определяется показателями, непосредственно характеризующими состояние исследуемого объекта (параметры микроклимата, шума, запыленности и т.п.); управление гражданской обороной на предприятии; управление экологической безопасностью.

Ключевые слова: теоретические основы, понятия и категории безопасности жизнедеятельности, закономерности и принципы безопасности, критерии оценки безопасности, направления обеспечения безопасности жизнедеятельности на предприятии, виды чрезвычайных ситуаций, функциональные аспекты безопасности жизнедеятельности, факторы окружающей среды, основы управления безопасностью жизнедеятельности.

Большая энерговооруженность современного производства определяет повышенные требования к подготовке студентов, которые по окончании вуза будут обеспечивать безопасность производства. «Государственные задачи сохранения здоровья и жизни российских граждан в значительной мере решаются путем формирования компетенций безопасности жизнедеятельности у будущих специалистов. В особенности это относится к будущим инженерам, для которых данные компетенции выступают и как характеристики их профессионализма, и как их личностные качества» [1, с. 95.]. Анализ учебников по безопасности жизнедеятельности свидетельствует, что подготовка студентов направлена на гарантирование личной безопасности выпускников и создает противоречие с вопросами подготовленности к выполнению обязанностей по обеспечению безопасности на производстве при выполнении должностей различного уровня (мастер, начальник цеха и т.д.). Это противоречие дополняется тем, что дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» в системе высшего профессионального образования уровня бакалавриата носит общепрофессиональный характер и включается в образовательные программы всех направлений и специальностей. В зависимости от вида профессиональной деятельности изменяется лишь уровень освоения тех или иных разделов программы» [2, с. 65]. Следует отметить, что «ученые разработали различные теоретико-методические основы и подходы к определению содержания, форм, методов, средств реализации безопасности жизнедеятельности, в связи с чем произошло деление единого образовательного пространства на множество образовательных областей (технических, гуманитарных, социальных, методологических и др.)» [2, с. 61]. Это свидетельствует о том, что существуют различные подходы при подготовке студентов вузов, а это создает противоречие в едином подходе к обеспечению безопасности жизнедеятельности производства. Для разрешения противоречий в подготовке студентов вузов целесообразно систематизировать теоретические основы безопасности жизнедеятельности, позволяющие создать теоретическую базу для подготовки выпускников вузов в вопросах обеспечения производственной безопасности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-212-215>

Анализ некоторых учебников и учебных пособий по безопасности жизнедеятельности [3] в разделе «Теоретические основы» позволил выявить элементы, которые могут составить основу теоретических знаний студентов: понятия, критерии и показатели безопасности, методы изучения опасностей технических систем; принципы, методы и средства обеспечения безопасности; правовые, нормативно-технические и организационные основы обеспечения безопасности жизнедеятельности; управление безопасностью жизнедеятельности.

Позиции ученых дополняют содержание теоретических основ безопасности жизнедеятельности. В. Г. Ляшко высказывает точку зрения, согласно которой «... безопасность жизнедеятельности – область научных знаний, в которой изучаются теоретические основы происхождения опасностей, угрожающих человеку и окружающей его среде, закономерности их формирования и проявления, прогнозирование опасностей и ЧС различного характера, практические способы защиты от них и ликвидации их последствий» [4, с. 115]. Данный подход определяет целесообразность включения в теоретические основы закономерности безопасности. Вместе с тем, по его мнению, «в современном мире уровень развития науки и технологий определяет перспективу социально-экономического развития, качество окружающей среды, систему образования, духовную и политическую культуру населения страны, защищенность личности и общества от воздействия опасных природных и антропогенных факторов» [4, с. 114], что свидетельствует о необходимости учитывать различные уровни безопасности: личную, коллективную, производственную, безопасность населенного пункта и региона, государственную и межгосударственную.

Так как вопрос формирования культуры безопасности человека относится к приоритету образовательной деятельности, следует согласиться с тем, что «основными дидактическими принципами в области безопасности жизнедеятельности являются проблемность, теоретическая обоснованность, установление причинно-следственных и логических связей между изучаемыми вопросами, практическая направленность обучения, ориентированная на формирование культуры профессиональной безопасности, профессионального риск-мышления и приобретения устойчивых приоритетных ориентиров на создание комфортной для человека среды обитания вне зависимости от вида будущей профессиональной деятельности» [2, с. 64]. Данные принципы могут составлять теоретические основы безопасности жизнедеятельности.

Факторы, оказывающие воздействие на человека, можно классифицировать следующим образом: природные факторы (природные чрезвычайные ситуации в атмосфере, литосфере, гидросфере); факторы техносферы (вредные и опасные); факторы, влияющие на жизнедеятельность человека (физические, биологические, психо-физиологические); факторы социальные, военные; факторы, оказывающие воздействие на психическое состояние (социально-психологические), и др. Очевидно, возможно выделить уровни влияния факторов: комфортный (оптимальный), допустимый, опасный, чрезвычайно опасный.

«Культура безопасности общества – это совокупность разделяемых всеми членами общества и его социальными группами взглядов и убеждений, касающихся риска, аварий и угрозы здоровью; это свод убеждений, норм, установок, а также достижений социальной и технологической практики, который ориентирован на минимизацию риска» [5, с. 179]. По-видимому, теоретические основы должны содержать критерии безопасности жизнедеятельности, которые включают: ПДК (предельно допустимая концентрация), ПДУ (предельно допустимый уровень). В связи с этим риск является важным критерием безопасности.

«Культура безопасности личности и общества – важнейший фактор обеспечения устойчивого развития, решения демографических проблем, повышения эффективности труда и производства, что особенно важно в условиях инновационного развития» [5, с. 179]. Поэтому показателями безопасности являются: травматизм (частота, тяжесть), заболевания (частота, тяжесть), смертность, заболевания детей, младенческая смертность.

По мнению С. В. Абрамовой, «обучение должно иметь научно-практическую направленность, в нем должны рассматриваться конкретные задачи, которые следует решать в рамках будущей профессии, особенности и уровни негативных факторов, специальные методы и средства защиты человека и окружающей среды» [2, с. 65]. В связи с этим целесообразно выделить теоретические методы исследования опасностей, включающие: анализ потенциальных чрезвычайных происшествий (ЧП) (отбор потенциального ЧП; отбор факторов, которые могут привести к выбранному ЧП; построение ориентированного графа, основывающегося на факторах и их логических комбинациях), количественные и качественные (предварительный анализ опасностей; анализ последствий отказов; анализ опасностей с помощью дерева причин; анализ опасностей с

помощью дерева последствий; анализ опасностей методом потенциальных отклонений; анализ ошибок персонала; причинно-следственный анализ). Основными характеристиками, определяющими опасности, являются: вероятностный характер (случайность); потенциальность (скрытость); перманентность (постоянство, непрерывность); тотальность (всеобщность).

«Важнейшей в условиях современной действительности является способность специалиста применять полученные знания, использовать средства и методы для решения практических задач. Владение навыками безопасного труда позволит предотвращать опасные ситуации, угрожающие целостности и здоровью человека, не допускать возникновения критических состояний. Умение находить нестандартные решения, быть готовым к работе во внезапно изменившихся условиях становится все более актуальной характеристикой работника» [1, с. 98]. В данном контексте целесообразно знать и правильно использовать средства обеспечения безопасности: индивидуальные средства защиты, методы (методы анализа аппарата опасностей, количественные, качественные); средства коллективной защиты (СКЗ) и средства индивидуальной защиты (СИЗ); технические средства обеспечения безопасности; способы обеспечения безопасности: защита человека, защита технических средств, защита расстоянием и автоматизацией технических средств. Обозначенные элементы заслуживают быть включенными в теоретические основы безопасности жизнедеятельности.

«Область научных знаний “Безопасность жизнедеятельности” охватывает широкий круг человеческих знаний уже систематизированных, а также систематизирующихся в настоящее время в виде отдельных, как непосредственно связанных, так и не связанных между собой наук. Это и прикладные науки, работающие в различных областях управления БЖД человека, разномастных социумов, объектов экономики, регионов и тому подобное с позиций различных видов безопасности: военной, экологической, экономической, технологической, социальной, политической, финансовой, информационной и др.» [4, с. 116]. Данный подход позволяет предложить классификацию видов безопасности. По субъектам и объектам безопасности: безопасность людей (личная, коллективная, работников объекта трудовой деятельности, города, региона, государства); техническая безопасность (безопасность технического устройства; безопасность технических средств; безопасность технологического процесса; безопасность технического состояния

объекта); безопасность среды обитания (земель, воздушной среды, водных ресурсов). Очевидно, могут быть выделены виды безопасности по функциональной целесообразности: производственная, экономическая, информационная, интеллектуальная, социальная, общественная, экологическая, военная, технологическая, политическая, финансовая и др.

Культура безопасности интегрирует экологическую культуру, культуру безопасности труда (как неотъемлемую часть культуры труда), культуру транспортной безопасности (как неотъемлемую часть транспортной культуры) и т.д. [6, с. 10]. Такой подход позволяет выделить направления обеспечения безопасности, реализуемые на предприятии: охрана труда; гражданская оборона и защита населения от ЧС; экологическая безопасность, что могут представлять элементы теоретических основ.

Анализ учебников позволил выявить, что многие из них содержат раздел управления безопасностью жизнедеятельности, которое осуществляется на основе системы законодательных актов. Законодательная база обеспечения безопасности жизнедеятельности [3] включает систему законодательных актов (Конституция Российской Федерации (РФ), законы РФ), а также подзаконные акты (указы Президента, постановления Правительства РФ и местных органов власти); ГОСТы; нормативно-техническую документацию по охране труда (правила по технике безопасности и производственной санитарии, инструкции по охране труда для рабочих и служащих, должностные обязанности и др.). Следует выделить также систему нормативных актов по направлениям обеспечения безопасности на производстве [3]: нормативные документы по охране труда; законодательные акты по экологической безопасности и защите окружающей среды; правовые основы гражданской обороны и защиты при ЧС. Эта система служит основой управления и должна быть включена в теоретические основы.

Список литературы

1. Месхи Б. Ч. Компетенции безопасности жизнедеятельности : стандарты и действительность // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 95–98.
2. Абрамова С. В., Бояров Е. Н., Моисеев В. В. Теоретические основы подготовки студентов в области безопасности жизнедеятельности // Вестн. Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина». 2010. № 3 (42). С. 61–68.

3. Белов С. В. Безопасность жизнедеятельности и защиты окружающей среды (техносферная безопасность). М., 2011. 680 с.
4. Ляшко В. Г. Теоретические основы безопасности жизнедеятельности человека // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та. 2007. Т. 7, № 4. С. 114–116.
5. Девисилов В. А., Павлихин Г. П. Компетенции по безопасности жизнедеятельности в стандартах высшего образования // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 179–180.
6. Девисилов В. А. Российский приоритет – человеческий капитал // Безопасность в техносфере. 2008. № 2. С. 3–10.

Образец для цитирования:

Ваулин В. И. Теоретические основы подготовки студентов в области безопасности жизнедеятельности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 212–215. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-212-215>

Essentials of Theoretical Basis of Students' Training in the Life Safety Field

V. I. Vaulin

Vladimir I. Vaulin, <https://orcid.org/0000-0003-1491-7760>, Branch FGBOU VO "Samara State Technical University" in Syzran (SfSamGTU), 45 Sovetskaya St., Syzran 446000, Russia, vladimir2018vaulin@yandex.ru

The article considers theoretical basis of students' training in the life safety field. It offers a conceptual approach of studying the discipline which includes elements of theoretical fundamentals of "Life Safety": concepts and categories (the habitat, the production environment, hazard, safety, life safety, risk), regularities and the principles (axioms) of safety, safety evaluation criteria (TLV and MAC, risk), life safety guidelines at the enterprises (labor safety, civil defense, ecological safety); emergency situations (anthropological, natural, technogenic, ecological); functional aspects of life safety (economic, social, legal, personal, etc.); environment factors (physical, chemical, biological, psychophysiological, social and psychological); environment factors influence levels (optimum, admissible, dangerous, extremely dangerous; safety levels (personal, collective, local, regional, state, interstate); hazard analysis methods (potential emergency situations method, quantitative, qualitative); hazard protection methods; means of protection (technical, natural, individual, etc.); life safety management fundamentals: life safety law fundamentals (state law system and interstate interaction laws); labor protection management: regulating documents, organizational and staff structure, work safety management methods (professional selection; work safety training; technical methods; administrative methods, etc.); working conditions analysis at workplaces ("standard provisions" – the unified methodological document, account, certification, rationalization and work place planning (WP); safety management – safety assessment is defined by indicators that characterize the state of the object under study (microclimate, noise, dust parameters etc.); civil defense management at the enterprise; ecological safety management.

Keywords: theoretical fundamentals, life safety concepts and categories, safety regularities and principles (axioms), safety criteria

evaluation, life safety guidelines at the enterprises, types of emergency situations, functional aspects of life safety, environmental factors, environment factors influence level, safety levels, hazard analysis methods, hazard safety methods; means of protection, life safety management methodological fundamentals.

References

1. Meskhi B. Ch. Competences of Life Safety: Standards and Reality. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Magazine the Higher Education in Russia], 2011, no. 6, pp. 95–98 (in Russian).
2. Abramova S. V., Boyarov E. N., Moiseyev V. V. Theoretical Basis of Students Training in the Life Safety Field. *Vestnik Federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Moskovskij gosudarstvennyj agro-ingenernyj universitet im. V. P. Goryachkina"* [Bulletin of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow State Agroengineering University of V. P. Goryachkin"], 2010, no. 3 (42), pp. 61–68 (in Russian).
3. Belov S. V. *Bezopasnost zhiznedeyatel'nosti i zashhity okruzhayushhej sredy* (texno-sfernaya bezopasnost) [Life Safety and Environment Protection (Technosphere Safety)]. Moscow, 2011. 680 p. (in Russian).
4. Lyashko V. G. Person Life Safety Theoretical Basis. *Izvestiya Volgograd. gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Technical University], 2007, vol. 7, no. 4, pp. 114–116 (in Russian).
5. Devisilov V. A., Pavlikhin G. P. Competences of Life Safety in Higher Education Standards. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Magazine the Higher Education in Russia], 2009, no. 7, pp. 179–180 (in Russian).
6. Devisilov V. A. The Russian Priority – the Human Capital. *Bezopasnost v tehnosphere* [Safety in a Technosphere], 2008, no. 2, pp. 3–10 (in Russian).

Cite this article as:

Vaulin V. I. Essentials of Theoretical Basis of Students' Training in the Life Safety Field. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 212–215. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-212-215>

УДК 378.1

Понятийное диалектическое мышление студентов: методологический анализ

Г. И. Железовская, М. А. Исайкина, Н. Г. Недогреева

Железовская Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sgu.pedagogika@yandex.ru

Исайкина Мария Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, maria-isaikina@mail.ru

Недогреева Наталия Герасимовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики и методико-информационных технологий, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nata-ned@mail.ru

В статье предложен методологический анализ формирования понятийного диалектического мышления студентов. Исследование осуществлено в контексте профессиональной деятельности студентов как ведущей в становлении и развитии будущего специалиста. В определении сущности и особенностей понятийного диалектического мышления авторы руководствовались общепсихологическим пониманием мышления как процесса анализа через синтез, движения от сущности к явлению, от всеобщего к единичности, исходили из его направленности на практическое преобразование познаваемых явлений; опосредованности знаний в процессе познания затруднений в своей деятельности; соотносённости действий с содержанием ситуации и условиями ее протекания. В качестве диагностирующего метода использовался подход, позволяющий выявить различные характеристики мышления в их естественных связях и отношениях. Для выбора рациональных методов, приемов и средств изучения понятийного диалектического мышления студентов были выделены критерии и их интегрированные, обобщенные показатели, на основе которых выявлены уровни сформированности понятийного диалектического мышления, определена их сущность.

Ключевые слова: методология, диагностика, диалектика, мышление, понятийное диалектическое мышление.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-216-220>

Данное исследование направлено на поиск эффективных путей совершенствования стратегии и тактики вузовского образования, разработку принципиально нового механизма подготовки специалистов в условиях высшего образования. Этого же требует и современное общество, которое ждет специалиста-носителя обобщенных теоретических и методологических знаний, человека, умеющего отбирать и рационально

использовать информацию для решения возникающих задач в профессиональной деятельности и нахождения единственно верного их решения. На рынке труда в настоящее время востребован специалист, умеющий диалектически мыслить и в совершенстве владеть диалектическим методом познания.

Сегодня остро стоит необходимость перехода от господствующей ныне традиционной стратегии обучения студентов к более гибкой технологии, которая позволит готовить специалиста, не обремененного автоматизированными, конкретными, консервативными знаниями, чуткого и восприимчивого к изменениям, относящегося к знаниям как к внешней информации, изменчивой по сути и своему содержанию

При разработке механизма формирования понятийного диалектического мышления у студентов мы исходили из следующих гипотетических посылок [1, с. 5–6]:

1) любое мышление – это не только предметная деятельность субъекта, но и непрерывный процесс анализа, синтеза, сравнения, обобщения, входящий в ее состав, неотделимый от личностного аспекта, поскольку мышление формируется только в процессе самостоятельного решения на индивидуально-личностном уровне системы развивающихся понятийно-терминологических задач;

2) студенты активно включаются в самостоятельную деятельность по усвоению понятий, изменчивых и противоречивых по своей сути, в том случае, если они вооружены диалектическими принципами их определения, синтез которых представляет составляющую метода восхождения от абстрактного к конкретному;

3) формирование понятийного диалектического мышления осуществляется успешно, если студенты не получают знание в готовом виде, а самостоятельно усваивают понятия на диалектическом уровне, т.е. на уровне их сущности, в движении, изменении, развитии, во взаимосвязях, взаимоотношениях, поскольку идеальное не передается из одной головы в другую, его можно лишь воссоздать в соответствующих формах деятельности;

4) управление самостоятельной понятийно-терминологической деятельностью студентов

осуществляется на основе фиксированного трехуровневого усвоения понятий, отличающихся друг от друга степенями абстракции, т.е. языком, на котором идет объяснение сущности последних;

5) диалектическое усвоение системы понятий и формирование мышления обуславливают диалоговый и полилоговый режимы работы на занятиях, протекающих на положительном мотивационном, эмоциональном и интеллектуальном фоне взаимодействия субъектов обучения.

Был рассмотрен комплекс следующих теоретических аспектов, позволяющих изучить исследуемое явление со всех сторон:

а) философско-психологического, предполагающего раскрытие сущности понятийного диалектического мышления студентов при изучении системы понятий в процессе самостоятельного решения понятийно-терминологических задач и выявления корреляции между уровнем осуществления самостоятельной понятийно-терминологической деятельности и качеством мышления обучаемых;

б) содержательного, направленного на выделение системы фундаментальных понятий из курса дисциплины, представляющего собой «строительный материал», без которого невозможно формирование мышления, на выявление условий их качественного усвоения и определение функций в логико-методологической подготовке студентов, разработку критериального инструментария усвоения понятий;

в) дидактического, ориентирующего на обобщение результатов научных исследований, посвященных разработке принципов развивающего обучения, средств, приемов, методов, форм организации учебного процесса в вузе;

г) операционально-деятельностного, включающего разработку и внедрение систем развивающих средств обучения.

Опираясь на диалектическое положение о гибкости понятий [2, с. 236–238], руководствуясь деятельностным подходом в рассмотрении механизма усвоения понятий, в основу исследования мы положили представление о том, что глубокое, осознанное диалектическое их усвоение, а следовательно, и формирование понятийного диалектического мышления обеспечиваются тогда, когда они как система входят в содержание понятийно-терминологической деятельности студентов, а способы ее осуществления лежат в области диалектической логики, методологии и принципов науки. Подобно тому, как нельзя насильственно развернуть лепестки розы, так нельзя извне насадить понятия в голову студента. Побудить их усвоение – значит вызвать у студен-

та, опирающегося на свои собственные представления, адекватные мыслительные действия, которые будут развиваться самостоятельно.

Именно через систему логических действий, адекватных изучаемым явлениям, студент вводится в сферу понятийного знания. Усвоение какого-либо понятия или системы понятий, таким образом, представляет собой итог определенной умственной деятельности, которая включает в себя не только накопленную сумму знаний, но и выработку определенных логических операций анализа, синтеза, сравнения, обобщения, осуществляемых на диалектическом уровне [3, с. 26–27].

Разработанный нами механизм усвоения понятий и формирования понятийного диалектического мышления приобретает особую значимость в силу того, что во многих учебниках понятия не рассматриваются в системе, а потому понимаются и усваиваются студентами как абстрактные метафизические противоположности, тогда как диалектическое усвоение требует рассмотрения и усвоения понятий в единстве, в движении, в развитии, в изменении, во взаимосвязях [4, с. 19–20]. Поскольку действительность постоянно изменяется, изменяются и понятия, ее отражающие. В современной научной теории и практике недопустимо оперировать неподвижными, устаревшими понятиями и их определениями. В связи с этим при разработке механизма усвоения понятий и формирования понятийного диалектического мышления мы вынуждены были обратиться к принципам определения научных понятий.

Известно, что формальная логика предлагает систему правил определения понятий, к которым среди прочих относятся следующие: определение должно быть ясным, однозначным, точным; в нем не должно быть тавтологии; оно не должно быть отрицательным и т.д. Речь в таких правилах идет лишь о формальной правильности определения, предмет характеризуется со стороны его устойчивости, однозначности, вне движения, изменения, развития.

Опираясь на диалектическую логику, мы выделили следующие принципы определения научно-педагогических понятий: 1) всесторонность (определение можно получить лишь в результате синтеза диалектически различных определений одного и того же понятия); 2) должно показывать развитие, движение, изменение предмета, его взаимосвязи, отношения с другими предметами; 3) конкретность, что тесно связано с принципом всесторонности; 4) должно включать в себя практику как критерий истины [5, с. 8–11].

При разработке дидактических условий эффективного формирования понятийного диалектического мышления у студентов [6, с. 50–54] мы обратили внимание на необходимость изменения требований ко многим современным учебникам, которые должны отличаться дискуссионностью и проблематичностью теорий, отраженных и зафиксированных в знаково-символической форме определений соответствующих понятий. В учебниках должны рассматриваться также и проблемы, далекие от окончательного решения, в них должны быть представлены различные точки зрения, с тем чтобы и студента пригласить к участию в их обсуждении. Только при таком условии, т.е. когда при обсуждении научных проблем учитывается мнение самого студента и может формироваться понятийное диалектическое мышление, способность проникать в суть явления, учебник будет воздействовать не только на интеллект студента, но и на его эмоции, на весь спектр духовных способностей.

Выделим следующие критерии и показатели уровня сформированности понятийного диалектического мышления студентов:

критичность ума, умение строго оценивать работу мысли, тщательно взвешивать все доводы за и против намечающихся гипотез и подвергать эти гипотезы всесторонней проверке. Показателем критичности является умение смотреть на свои предположения как на гипотезы, нуждающиеся в проверке;

глубину ума как важное звено умственной деятельности; умение поставить вопросы, отражающие стремление вскрыть самые существенные стороны изучаемого факта и установить его разносторонние связи с другими известными явлениями;

конкретность мысли, умение охватить весь вопрос в целом, не теряя в то же время из виду всех существенных для дела частных; свобода от предвзятых предположений и шаблонных способов решения, способность находить новые решения при изменении обстановки и условий задачи; это выражается в умении разнообразить попытки решения, а не повторять те, неправильность которых уже обнаружена;

гибкость мышления, способность к выделению существенных признаков из множества случайных и способность быстро перестраиваться с одной идеи на другую, умение предложить сразу много вариантов решений, комбинируя и варьируя отдельные элементы проблемной ситуации;

логичность и доказательность мышления, способность подмечать новое в окружающем мире, стремление понять это новое и объяснить его, умение выделять существенное, применить

и проверить имеющиеся знания и различные операции на практике, что составляет необходимое условие культуры ума;

систематичность и последовательность мышления, которые позволяют сводить идеи в определенную систему, последовательно анализировать, открывая путь к решению проблемы.

На основании выделенных критериев и показателей были выявлены уровни сформированности понятийного диалектического мышления и определена их сущность.

Нулевой уровень характеризуется отсутствием умений осуществить раздвоение единого и познание противоречивых частей его, что есть суть, одно из «сущностей», одна из основных особенностей или черт диалектики. Он отличается репродуктивностью мышления, инертностью, негибкостью понятийного мышления, проявляется как неспособность видеть и учитывать внутреннюю раздвоенность и противоречивость вещей и явлений, как безнадежное «застревание» на общеизвестных противоречиях, абсолютная неспособность решать их рациональными, принятыми в науке способами.

Низкий уровень характеризуется умением самостоятельно выдвигать свою точку зрения, отличную от существующей в науке, удовлетворительным образом обосновать ее; отличается относительной самостоятельностью суждений, независимостью в определении понятий. Качество мышления характеризуется способностью различать, отмечать существование многообразных определений одних и тех же понятий, выделять существенные и несущественные их признаки, но не их взаимодействие, взаимопереходы, противоположности.

Среднему уровню присущи нетривиальное, новое отождествление различного, переход от одной противоположности к другой, умение аргументированно опровергать, обобщать, доказывать, отстаивать свое мнение в несложных ситуациях, выявлять диалектические противоречия, способность к более или менее эффективному соединению и синтезу противоположного, выявлению, фиксации и разрешению различными способами противоречий как между понятиями, так и внутри каждого из них, что проявляется случайным образом.

На должном уровне развиваются мыслительные операции, умение выделять диалектические противоречия при овладении научным понятием, создавать широкий спектр самостоятельных замыслов, которые не всегда находят адекватное творческое воплощение.

Высокий уровень отличается умением соединять и отождествлять различное, достигать при этом диалектического синтеза, обобщения,

разрешения диалектических противоречий, устойчивых способностей анализировать исходные данные, выполнять известное, определять, что неизвестно, что можно найти, с помощью каких действий получить искомым результат, как проверить истинность полученных знаний.

Следует отметить, что студенты, находящиеся на нулевом и низком уровнях сформированности понятийного диалектического мышления, сомневаются в собственных возможностях, выполняют задания только под руководством преподавателя и осуществляет их репродуктивным способом. У студента, достигшего среднего уровня, предполагается сформированность тех качеств мышления, которые характерны для двух предыдущих. На высоком уровне проявляются способности свободно оперировать абстрактными понятиями, находить нестандартные пути решения и воплощать их в самостоятельные проекты.

Сформированность понятийного диалектического мышления у студентов развивает следующие умения: оперировать общелогическим приемом «поиск противоречий», который составляет ядро диалектического метода познания; видеть явление, отраженное в понятии, в движении, развитии, изменении; рассматривать явление, понятие как систему в системе; конкретизировать и оперировать научными категориями.

В заключение следует отметить, что понятийное диалектическое мышление по своему содержанию является полимотивированным, в основе его лежит познавательный мотив как осознанная потребность. Чем полнее и глубже осознается эта потребность, тем выше порядок формируемого мотива. Мотивы низшего порядка (включения, желания, хотения, интересы) больше связаны с нулевым и низким уровнями понятийного диалектического мышления. Мотивы более высокого порядка (склонность, идеалы, убеждения) относятся к творческому продуктивному мышлению, характерному для высокого уровня его сформированности. Опре-

деление уровня сформированности понятийного диалектического мышления у студента – сложная и перспективная работа, необходимая для оценки развивающей стороны обучения в вузе, развития активности и самостоятельности будущих специалистов.

Трудно говорить об эффективности обучения, выбора форм, методов и средств, не определив уровень понятийного диалектического мышления каждого студента. Контроль и фиксацию сохранения и изменения уровня мышления целесообразно проводить регулярно с целью получения объективных, полных и всесторонних данных о продуктивности усвоения знаний.

Решение коренных задач современного вузовского образования в конечном счете связано с изменением теоретической и методологической подготовки будущих специалистов, с изменением типа мышления, определяемого целями, содержанием и методикой обучения. Весь учебный процесс в вузе должен быть направлен на формирование у студентов понятийного диалектического мышления, на использование диалектического подхода к изучению объективной действительности, отраженной в понятиях.

Список литературы

1. Железовская Г. И. Педагогическая технология формирования понятийного диалектического мышления у студентов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Саратов, 1994. 31 с.
2. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960. 477 с.
3. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958. 145 с.
4. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974. 271 с.
5. Холодная М. А. Интегральная структура понятийного мышления. Томск, 1983. 190 с.
6. Железовская Г. И. Понятийное диалектическое мышление у студентов. Педагогическая технология и диалектический анализ. Саратов, 1993. 140 с.

Образец для цитирования:

Железовская Г. И., Исайкина М. А., Недогреева Н. Г. Понятийное диалектическое мышление студентов: методологический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 216–220. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-216-220>

Conceptual Dialectical Thinking of Students: Methodological Analysis

G. I. Zhelezovskaya, M. A. Isaikina, N. G. Nedogreeva

Galina I. Zhelezovskaya, <https://orcid.org/0000-0002-6720-680X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, sgu.pedagogika@yandex.ru

Maria A. Isaikina, <https://orcid.org/0000-0001-6127-4978>, Saratov Socio-economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischev St., Saratov 410003, Russia, mariya-isaikina@mail.ru

Nataliya G. Nedogreeva, <https://orcid.org/0000-0001-5005-2245>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, nata-ned@mail.ru

The article offers a methodological analysis of the formation of students' conceptual dialectical thinking. The research is organized in the context of students' professional activity as leading and determining in the formation and development of the future specialist. In determining the essence of conceptual dialectical thinking, the authors have been guided by the general psychological understanding of thinking as a process of analysis through synthesis and the movement from essence to phenomenon, from universal to singularity. Denoting the features of conceptual dialectical thinking, the authors have proceeded from its focus on the practical transformation of cognizable phenomena, mediated knowledge in the process of cognition of difficulties in their activities and correlation of actions with the content of the situation and the conditions of its course. An approach allowing to identify different characteristics of thinking in their natural connections and relationships has been used as a diagnostic method. The criteria and their integrated and generalized indicators have been identified for choosing rational methods, techniques and means of studying students' conceptual dialectical thinking. On this basis the levels of formation of conceptual dialectical thinking have been discovered and their essence has been determined.

Keywords: methodology, diagnostics, dialectics, thinking, conceptual dialectical thinking.

References

1. Zhelezovskaya G. I. *Pedagogicheskaya tekhnologiya formirovaniya ponyatijnogo dialekticheskogo myshleniya u studentov* [Pedagogical Technology of the Formation of Students' Conceptual Dialectical Thinking]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Pedag.). Saratov, 1994. 31 p. (in Russian).
2. Rozental' M. M. *Principy dialekticheskoy logiki* [The Principles of Dialectical Logic]. Moscow, 1960. 477 p. (in Russian).
3. Rubinshtejn S. L. *O myshlenii i putyax ego issledovaniya* [About Thinking and the Ways of its Research]. Moscow, 1958. 145 p. (in Russian).
4. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical Logic. The Essays of its History and Theory]. Moscow, 1974. 271 p. (in Russian).
5. Holodnaya M. A. *Integral'naya struktura ponyatijnogo myshleniya* [The Integral Structure of Conceptual Thinking]. Tomsk, 1983. 190 p. (in Russian).
6. Zhelezovskaya G. I. *Ponyatijnoe dialekticheskoe myshlenie u studentov. Pedagogicheskaya tekhnologiya i dialekticheskij analiz* [Students' Conceptual Dialectical Thinking. Pedagogical Technology and Dialectical Analysis]. Saratov, 1993. 140 p. (in Russian).

Cite this article as:

Zhelezovskaya G. I., Isaikina M. A., Nedogreeva N.G. Conceptual Dialectical Thinking of Students: Methodological Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 216–220. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-216-220>

УДК 373.21

Развивающая образовательная среда в детском саду: особенности формирования в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования

Н. В. Лексакова

Лексакова Надежда Владимировна, аспирант кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, leksakova-nadezhda@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования развивающей образовательной среды дошкольной образовательной организации в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования. Поставленная задача включает в себя, во-первых, определение ориентиров формирования развивающей образовательной среды детского сада, во-вторых, обоснование структуры данной среды. На основе проведенного анализа определены главные ориентиры формирования развивающей образовательной среды детского сада: деятельностный подход, приоритет игры, снятие с занятий основной организационной функции. Обоснованы и представлены важнейшие компоненты образовательной среды дошкольной образовательной организации: содержание дошкольного образования, включающее в себя интеграцию образовательных областей, деятельностный подход, ориентацию на интегративные качества; взаимодействие участников педагогического процесса в ходе непрерывной образовательной деятельности в игровой форме; развивающая образовательная предметно-пространственная среда. Сформулированы психолого-педагогические требования к созданию развивающей предметно-пространственной среды.

Ключевые слова: образовательная среда, развивающая среда, развивающая образовательная среда, развивающая предметно-пространственная среда, развивающая предметно-игровая среда, деятельностный подход, Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО).

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-221-225>

Научный интерес к изучению образовательной среды как в нашей стране, так и за рубежом в настоящее время очень велик. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что образовательная среда рассматривается не только как система условий и влияний, определяющая формирование личности, но и комплекс возможностей для развития человека. Анализируя различные подходы к изучению и проектированию образовательной среды, ученые-педагоги имеют в виду конкретную среду образовательной организации, так как образовательная среда составляет совокупность материальных и предметно-пространственных

факторов, социальных компонентов, межличностных отношений. Специалисты по-разному представляют функциональное назначение и структурное содержание данных сред. Следует также отметить различия в изучении образовательной среды, которые присущи наукам. Интерес к вопросам среды актуализирован в науках, связывающих теорию с практикой образования. Это философия образования, социология образования, психология образования.

В философии образования речь идет о «проектировании новой образовательной среды как многомерного пространства, адекватного потребностям детей и подростков и соответствующего тенденциям и динамике современной культуры» [1, с. 193]. В работах ученых-философов ставится задача разработки гибкого средового подхода, ориентированного не только на объектный предметный мир, но и на развитие мира коммуникаций, связей и взаимоотношений между образовательными системами, объединениями (ассоциациями) образовательных организаций их образовательных сред в единую коммуникативную культурную среду региона [1, с. 194].

В рамках психологической науки проводится психологический анализ использования образовательной среды как фактора, условия и средства построения образовательного процесса в образовательных организациях. В настоящее время актуализируется проблема разработки психолого-дидактических и эколого-психологических принципов и методов проектирования и экспертизы образовательной среды. При этом особое внимание обращается на необходимость разработки эконсихологических принципов образовательных сред, обеспечивающих развитие специальных, общих и творческих способностей обучающихся не в ущерб их психическому и физическому здоровью.

Экологическая психология развивает направление «психология образовательной среды». Формирование развивающей образовательной среды в дошкольной образовательной организации (далее – ДОО) было и остается одним из

самых актуальных аспектов образовательного процесса. В настоящее время приоритетность этого направления зафиксирована в нормативных документах, в частности в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования. Ориентиры, представленные в данном законе, заставляют по-новому взглянуть на процесс создания развивающей среды ДОО. Это деятельностный подход, приоритет игры, снятие с занятий основной организационной функции.

Для успешной реализации основной образовательной программы дошкольного образования по ФГОС ДО необходимо создание развивающей образовательной среды, которая:

гарантирует охрану и укрепление физического и психического здоровья детей;

влияет на результаты образовательного процесса;

обеспечивает эмоциональное благополучие детей;

создает условия для развивающего вариативного дошкольного образования (интегративное, инклюзивное, консультационный пункт, лекотеки, группа кратковременного пребывания и т.д.);

обеспечивает открытость дошкольного образования (сайт ДОО, информационные уголки, газета, информация через СМИ);

создает условия для участия родителей (законных представителей) в образовательной деятельности;

способствует профессиональному развитию педагогических работников [2, с. 14].

Образовательная среда включает в себя следующие компоненты:

содержание дошкольного образования: интеграция образовательных областей, деятельностный подход, ориентация на интегративные качества;

взаимодействие участников педагогического процесса: непрерывная образовательная деятельность в игровой форме в ходе режимных моментов, деятельностный подход, приоритет игры;

развивающая образовательная предметно-пространственная среда: психолого-педагогические требования к созданию развивающей предметно-пространственной среды.

В содержание дошкольного образования входят знания, умения, навыки воспитанников, присваиваемые нравственно-эстетические идеи и различные типы опыта.

Взаимодействие участников педагогического процесса рассматривается как согласованная деятельность педагога, воспитанников и родителей по достижению совместных задач и, конечно же, полученных результатов [3].

Одним из ведущих элементов, входящих в состав образовательной среды, является развивающая образовательная предметно-пространственная среда организации, представленная образовательным оборудованием, материалами, мебелью, инвентарем, играми, игрушками и др.

Все компоненты образовательной среды дошкольной организации выступают в единстве, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Содержание дошкольного образования во многом определяется уровнем социального и экономического развития общества и регламентируется законом РФ «Об образовании» [4]. В числе требований, выдвигаемых к содержанию дошкольного образования, – создание условий для самовыражения и самореализации личности. Современные условия предлагают ДОО достаточно большой выбор образовательных программ, посредством которых могут быть выполнены требования, сформулированные в законе. Содержание дошкольного образования определяется: федеральными государственными образовательными стандартами; основной образовательной программой дошкольного образования, которую разрабатывает ДОО; возрастными особенностями и спецификой индивидуального развития детей данной группы, данной дошкольной образовательной организации.

Эффективная коммуникация между всеми участниками образовательного процесса (педагогами, детьми, родителями) имеет значение в структуре образовательной среды ДОО. Эффективность обеспечивается высоким профессионализмом педагогического коллектива, его готовностью к проявлению коммуникативной компетенции, к творческой и инновационной деятельности.

Комфортной средой проявления качеств, необходимых для эффективного взаимодействия, является модель образования личностно-ориентированного типа. Личностно-ориентированная модель взаимодействия позволяет успешно формировать субъектную позицию каждого участника образовательного процесса [5]. Не только педагог, обладая субъектностью, влияет на ребенка, обеспечивая его развитие, но и деятельность детей качественно меняет деятельность педагога. Педагог вынужден искать новые формы, методы и содержание образовательного процесса, которые будут соответствовать индивидуальным особенностям каждого воспитанника. То есть мы можем говорить и о субъектности ребенка. Развитие при этом носит дуалистический характер – ребенок приобретает новые качества, педагог растет профессионально.

Важнейшим фактором образовательного процесса является взаимодействие педагог–родитель. Родитель не только выступает заказчиком образовательной услуги, но также несет в себе значительный педагогический ресурс, так как дополняет процесс обучения в ДОО положительным опытом семейного воспитания. Позитивное целенаправленное взаимодействие взрослых субъектов образовательного процесса – педагогов и родителей – предпосылка формирования условий, благоприятных для развития ребенка. Кроме того, важно отметить, что именно родители, как никто, знают своего ребенка и эффективное взаимодействие с ними поможет педагогу лучше сориентироваться в индивидуальных личностных особенностях воспитанника.

Развивающая предметно-пространственная среда выступает частью образовательной среды, представленной специально организованным пространством. При его создании важно учитывать не только возрастные и личностные особенности группы, но и дизайнерское, и эргономическое решение среды образовательной организации [6].

Правильно организованная предметно-пространственная среда должна обеспечивать различные возможности ее эксплуатации: при совместном общении педагогов и воспитанников; при двигательной активности детей; при необходимости уединения ребенка [2, с. 19].

Правильно организованная образовательная среда, насыщенная средствами обучения и воспитания, обеспечивает игровую, познавательную, исследовательскую, творческую активность всем воспитанникам, позволяет экспериментировать с доступными детям материалами, в том числе с песком и водой, развивает двигательную активность детей. Дети испытывают эмоциональное благополучие во взаимодействии с предметно-пространственным окружением, что дает им возможность самовыражаться.

В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования сформулированы психолого-педагогические требования, которые необходимо учитывать при формировании развивающей предметно-пространственной среды. К ним относятся полифункциональность, трансформируемость, доступность, безопасность, вариативность, содержательная насыщенность [2, с. 19]. Под насыщенностью понимается разнообразие элементов среды, соответствующих возрастным особенностям группы и содержанию образовательной программы.

Полифункциональность – возможность неоднозначного использования предметов среды (мебели, спортивного инвентаря, мягких модулей и др.).

Понятие «трансформируемость» связано с насыщенностью пространства и с возможностью его изменения при изменении условий (образовательных задач в конкретной ситуации, смены интересов или возможностей воспитанников).

Под вариативностью понимается несколько аспектов среды. К ним относятся и наличие различных функциональных зон (для игры, уединения и т.д.), и возможность смены элементов среды, и наличие достаточного количества предметов, необходимых для самостоятельного определения занятия воспитанниками, и периодическое обновление предметного наполнения среды.

Игровая предметная среда представляет собой неотъемлемую часть развивающей предметно-пространственной среды, к которой ФГОС ДО предъявляет особые требования [2, с. 19].

Предметно-игровая среда не однообразна. Она имеет свои особенности для каждого из трех возрастов (младшего, среднего и старшего дошкольного). Так, приоритетными для младшего дошкольного возраста выступают игрушки с динамической составляющей, игрушки-орудия, игрушки, несущие дидактическую функцию освоения различных сенсорных эталонов. Обязательными являются игрушки, применяемые для сюжетно-ролевой игры. Необходимым элементом предметно-развивающей среды для данного возраста являются предметы-заместители. Это, в свою очередь, говорит о необходимости достаточного количества бросового материала в группе. К среднему дошкольному возрасту бросовый материал будет постепенно заменяться материалом для поделок. Наличие игрушек и материалов данного типа обеспечивает полифункциональность предметно-развивающей среды [2, с. 19]. Важно также не только наличие игрушек для сюжетных игр, но и обустроенные зоны – игровые уголки, в которых дети могут реализовывать тот или иной сюжет. В этом возрасте чаще для начала сюжетной игры нужен стимул. Таким стимулом служат игрушки, которые должны быть расположены в зоне видимости ребенка. Неправильно укладывать игрушки в коробки или ящики, так как это нарушает принцип доступности, зафиксированный в регламентирующих документах [2, с. 19]. Такой способ хранения подходит для детей старшего дошкольного возраста.

В среднем дошкольном возрасте сохраняют актуальность некоторые типы игрушек, например игрушки-заместители. Тем не менее должны быть включены игрушки, более разнообразные по своей тематике. Важнейшее наполнение для среднего дошкольного возраста – атрибуты, не-

обходимые для создания различных образов. Это могут быть платки, фартуки, шапочки, украшения и т.д. Важно иметь не детальные проработанные костюмы, а отдельные элементы, которые помогут ребенку почувствовать себя «в образе». Игровые уголки, актуальные в младшем дошкольном возрасте, заменяются вариантами обобщенной предметно-игровой среды. При этом среда приобретает модульный характер, активно используются различные средства оформления игрового пространства, например, ширмы, ткани, подвижная мебель и т.д. При этом использовать передвижные элементы могут не только взрослые, но и дети, что обеспечивает принципы полифункциональности и трансформируемости среды.

Модульность и возможность трансформации среды остаются актуальными и для старшего дошкольного возраста. Ребенок должен иметь возможность наделения среды и ее элементов различными игровыми значениями, менять среду в зависимости от задач игры. У детей старшего дошкольного возраста появляется интерес к реалистичным игрушкам. Это также можно использовать для формирования актуальной возрасту среды. Причем предметно-игровую среду могут организовывать сами дети, самостоятельно создавая игровые элементы – героев, модели городов и др. При этом используется самый разнообразный и доступный подручный материал.

Вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: наряду с необходимостью учета воз-

растных особенностей детей важным условием является создание среды, способной к удобной и правильной трансформации. Одним из главных является принцип доступности, который означает, что ребенок должен иметь свободный доступ ко всем помещениям, в которых осуществляется непрерывная образовательная деятельность, к играм, игрушкам и учебным пособиям. Для реализации принципа доступности все элементы среды должны быть исправны и гарантировать безопасность детей. В связи с этим необходимым требованием является наличие сертификатов и деклараций соответствия на все элементы среды.

Особенности организации развивающей образовательной среды по возрастам можно представить следующим образом:

младший возраст – накопление опыта предметно-познавательной и коммуникативной деятельности;

средний возраст – формирование опыта совместного со сверстниками действия, развитие познавательных интересов и творческое отражение впечатлений в различных видах продуктивной деятельности;

старший и подготовительный возраст – формирование познавательной активности, самостоятельности, ответственности и инициативы; участие в преобразовании предметно-пространственной среды.

Развитие предметно-пространственной среды зависит от насыщения ее игровыми центрами. В таблице представлены возможные варианты таких центров в соответствии с ФГОС ДО.

Образовательные области				
Физическое развитие	Познавательное развитие	Речевое развитие	Социально-коммуникативное развитие	Художественно-эстетическое развитие
Центры				
Центр физического развития Центр сохранения здоровья	Центр математики Центр конструктивной деятельности Центр науки, экологии и экспериментирования	Центр книги Центр речевого развития или уголок речи, грамотности	Центр игры Центр социально-эмоционального развития Центр ПДД Центр пожарной безопасности Центр труда, уголок дежурств	Центр изобразительной деятельности Центр музыкально-театрализованной деятельности

Таким образом, правильно организованная развивающая предметно-пространственная среда ДОО служит потенциальным средством воздействия на формирование и становление

личности ребенка, способствует развитию разносторонних способностей, стимулирует разные виды активности, обеспечивает благоприятный психологический климат в группе.

Список литературы

1. Крылова Н. Б. Культурология образования. М., 2000. 75 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования : приказ Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального образовательного стандарта дошкольного образования» // Российская газета. 2013. 25 нояб.
3. Хаснутдинова С. Р. Поиск активных форм взаимодействия детского сада с родителями // Воспитатель ДОУ. 2011. № 11. С. 82–97.
4. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 дек.
5. Лебедева В. П., Орлов В. А., Панов В. И. Практико-ориентированные подходы к развивающему образованию // Педагогика. 1996. № 5. С. 24–26.
6. Ясвин В. А. Образовательная среда : от моделирования к проектированию. М., 2001. 365 с.

Образец для цитирования:

Лексакова Н. В. Развивающая образовательная среда в детском саду: особенности формирования в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 221–225. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-221-225>

Developing Educational Environment in Kindergarten: Features of Formation in Accordance with the Requirements of the Federal State Educational Standard for Preschool Education

N. V. Leksakova

Nadezhda V. Leksakova, <https://orcid.org/0000-0002-8062-1039>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, leksakova-nadezhda@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of the formation of developing educational environment of a preschool educational organization in accordance with the Federal State Educational Standard for Preschool Education. The task includes, firstly, defining guiding lines for the formation of the developing kindergarten educational environment, and secondly, justification of the structure of this environment. On the basis of the analysis, the main guiding lines for the formation of the developing kindergarten educational environment have been determined: activity approach, priority of the game, removal of the main organizational function from classes. The main components of the educational environment of preschool educational organization are substantiated and presented: the content of preschool education, including the integration of educational areas, activity approach, focus on integrative qualities; interaction of participants of the pedagogical process in the course of continuous educational activity in the form of a game; developing educational subject-spatial environment. Psychological and pedagogical requirements to creation of developing subject-spatial environment are presented.

Cite this article as:

Leksakova N. V. Developing Educational Environment in Kindergarten: Features of Formation in Accordance with the Requirements of the Federal State Educational Standard for Preschool Education. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 221–225. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-221-225>

Keywords: educational environment, developing environment, developing educational environment, developing subject-spatial environment, developing subject-playing environment, activity approach, Federal State Educational Standard for Preschool Education.

References

1. Krylova N. B. *Kulturologiya obrazovaniya* [Culturology of Education]. Moscow, 2000. 75 p. (in Russian).
2. Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart doshkolnogo obrazovaniya [Federal State Educational Standard for Preschool Education]. *Prkaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF* “Ob utverzhdenii federalnogo obrazovatel'nogo standarta doshkolnogo obrazovaniya” [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. “On approval of the federal educational standard for preschool education”] (in Russian).
3. Khasnutdinova S. R. Search for active forms of kindergarten interaction with parents. *Vospitatel DOU* [Kindergarten teacher], 2011, no. 11, pp. 82–97 (in Russian).
4. On Education in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2012 no. 273-FZ. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2012, 31 December (in Russian).
5. Lebedeva V. P., Orlov V. A., Panov V. I. Practice-Oriented Approaches to Developing Education. *Pedagogika* [Pedagogy], 1996, no. 5, pp. 24–26 (in Russian).
6. Yasvin V. A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational Environment: from Modeling to Design]. Moscow, 2001. 365 p. (in Russian).

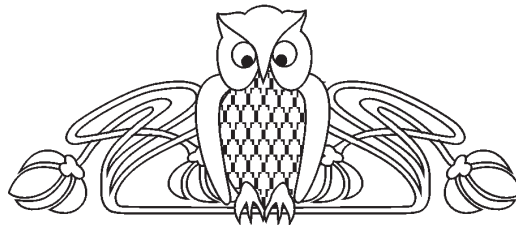

УДК 378.096

О содержании интеллектуально-нравственного потенциала студента-юриста

А. А. Рождествина

Рождествина Анна Анатольевна, директор Центра дополнительного образования, Поволжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саратове, Rozhdestvinaaa@yandex.ru

Развитие образования, в том числе юридического, в настоящее время является одним из приоритетных направлений развития страны, которое закреплено в стратегических документах Российской Федерации. Наличие высоких требований к будущему специалисту-юристу способствует формированию особых его компетенций, позволяющих легко и быстро осваивать новые образовательные технологии, быть заинтересованным в профессиональном росте и совершенствовании, воспринимать инновации в учебном процессе, а для этого уже на стадии обучения необходимо наличие определенного интеллектуально-нравственного потенциала у студента – будущего юриста. В статье рассматриваются разные точки зрения на понятие «потенциал», приводится это понятие исходя из требований ФГОСа 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата). Отмечается, что потенциал может развиваться и реализовываться путем обучения и воспитания, но первоначальные возможности напрямую зависят от набора интеллектуальных и нравственных качеств студента-юриста, которые были сформированы на момент поступления его в вуз. Автор приводит мнения ученых по поводу определения, сущности и содержания интеллектуальных и нравственных способностей, а также виды этих способностей, основываясь на требованиях ФГОС.

Ключевые слова: студенты-юристы, структура личности, потенциал, интеллектуальные способности, нравственные способности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-226-230>

В современных условиях глобализации наука и образование, в том числе юридическое, во многом определяют благополучие как отдельных граждан, так и общества в целом, возможность инновационного развития страны, повышения уровня конкурентоспособности государства в мире. Поэтому концепция социального развития Российской Федерации на ближайшее будущее заключается в движении к знаниям и преобразованиям. В Российской Федерации продолжается модернизация юридического образования, которая направлена на повышение интеллектуального потенциала нации [1]. Как закреплено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [2], необходимым условием для форми-

рования инновационной экономики является модернизация системы образования – основа динамичного экономического роста и социального развития общества, благополучия граждан и безопасности страны.

Конкуренция различных систем образования стала ключевым элементом глобальной конкуренции, требующей постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира. Одновременно возможность получения качественного образования продолжает оставаться одной из наиболее важных жизненных ценностей граждан, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности.

В настоящее время активно обновляется система образования в целом и юридического в частности. Специалист в этой области, желающий добиться успеха, должен постоянно учиться, прежде всего потому, что в практике востребован профессионал, способный решать новые задачи на основе инновационного отечественного и зарубежного опыта [3, с. 17]. Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям деятельности, высокая квалификация становятся ведущим производственным ресурсом, главным фактором материального достатка и общественного статуса личности и организации.

Высокие требования, предъявляемые к будущему специалисту-юристу, способствуют формированию особых его компетенций, позволяющих легко и быстро осваивать новые образовательные технологии, быть заинтересованным в профессиональном росте и совершенствовании, воспринимать инновации в учебном процессе, а для этого уже на стадии обучения необходимо наличие определенного интеллектуально-нравственного потенциала у студента – будущего юриста. Поэтому представляется важным определить сущность этого понятия, исходя из содержания

его элементов, к числу которых мы относим «потенциал», «интеллектуальные способности», «нравственные способности».

Потенциал является общенаучной универсальной категорией, означает «совокупность имеющихся средств, ресурсов, возможностей в чем-либо» и интерпретируется учеными по-разному в зависимости от их научных воззрений. Д. А. Леонтьев представляет личностный потенциал как системную организацию индивидуально-психологических особенностей личности, лежащую в основе способности личности исходить из устойчивых ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности [4, с. 56].

Согласно В. Н. Маркову потенциал есть система его возобновляемых внутренних ресурсов, которые проявляются в деятельности, направленной на получение социально значимых результатов. Следовательно, потенциал не может сам по себе бесконечно накапливаться и развиваться, он с необходимостью материализуется в разных видах деятельности, совершенствуется, возобновляется и регулярно «подзаводится» в ней [5, с. 265].

Анализ научной литературы по проблеме потенциала личности свидетельствует, что его сущность, структура и условия развития у различных авторов трактуются по-разному, как с точки зрения понятийных, так и деятельностно-сущностных основ.

Согласно основным подходам к понятию «потенциал личности» его можно рассматривать как:

1) ресурсы, исследуемые в ракурсе личностного и человеческого потенциалов (П. Г. Щедровицкий);

2) способности как индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие успех в деятельности (В. Н. Дружинин);

3) склонность как направленность на соответствующую деятельность (Б. М. Теплов);

4) ценностные ориентации, формирующие основу поведения личности в процессе профессионального и личностного развития (Б. Г. Ананьев);

5) основу социальной, профессиональной и личностной компетентности (А. К. Маркова);

6) средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованными, приведенными в действие, использованными для достижения определенных целей, осуществления плана, решения какой-либо задачи, возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области (Б. А. Введенский);

7) совокупность всех имеющихся возможностей, средств в какой-либо области, сфере (Т. В. Ефремов);

8) предел человеческих познаний внутренних, скрытых возможностей результативного использования изучаемого объекта, которые могут быть количественно оценены и в конечном счете реализованы при идеальных условиях практической деятельности (К. М. Миско);

9) совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-нибудь (Д. Н. Ушаков).

На основе изложенного можно утверждать, что потенциал, как правило, определяется как возможности, склонности, ценностные ориентиры и т.д. По нашему мнению, при определении значения слова «потенциал» необходимо исходить из его буквального перевода (от лат. *potentia* – сила, возможность), а также из содержания федеральных государственных образовательных стандартов, в частности, если речь идет о студентах-юристах, с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) [6] (далее – ФГОС), обязательных при реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования – программ бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Таким образом, потенциал студента-юриста можно определить как его возможность к освоению программы бакалавриата, в том числе к формированию общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в области разработки и реализации правовых норм, а также обеспечения законности и правопорядка, при условии соблюдения со стороны образовательной организации общесистемных, кадровых, финансовых, материально-технических и учебно-методических требований к реализации программы.

При этом потенциал может развиваться и реализовываться путем обучения и воспитания, которые в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7] составляют единый целенаправленный процесс, входящий в понятие «образование». Первоначальные же возможности напрямую зависят от первоначального набора интеллектуальных и нравственных способностей студента-юриста, с которыми он поступил в вуз.

Что касается разных видов деятельности, разграничивают общеинтеллектуальные способности и специальные способности. Общеинтеллектуальные способности – это система

интеллектуальных свойств личности, обеспечивающая успешность овладения знаниями, наукой, сложной деятельностью. Специальные способности – система свойств личности, обеспечивающая достижение высоких результатов в специальной области деятельности [8, с. 224].

Интеллектуальные способности, по мнению Н. В. Видинева, это умение мыслить в форме лексических (смысловых) значений слов, суждений, умозаключений, понятий, гипотез, теорий [9, с. 6]. С. Л. Рубинштейн отмечает, что интеллектуальные (умственные) способности – это, с одной стороны, результат обучения, а с другой – предпосылка обучения. Ядром, главным компонентом интеллектуальной способности является качество процессов анализа, синтеза, обобщения [10, с. 154].

В. Д. Шадриков отмечает, что интеллектуальная способность – это свойство некоторой психической реальности, обнаруживающее себя в ситуации выполнения человеком определенного задания и фиксирующее в виде показателей эффективности данного вида деятельности [11, с. 10–11].

М. А. Холодная связывает интеллектуальные способности с интеллектуальной деятельностью. Интеллектуальные способности – это свойство интеллекта, характеризующее успешность интеллектуальной деятельности в тех или иных конкретных ситуациях. Такие способности оцениваются с точки зрения скорости и правильности переработки информации в условиях решения задач, разнообразия и оригинальности идей, темпа и качества обучаемости, выраженности индивидуализированных способов познания [12, с. 139].

Н. В. Видинев определяет интеллектуальные способности как умение мыслить в формах лексических (смысловых) значений слов, суждений, умозаключений, понятий, гипотез, теорий, осуществлять обмен мыслями с другими людьми [9, с. 6].

Основываясь на приведенных точках зрения ученых и исходя из требований ФГОС, можно в общем виде определить следующие виды интеллектуальных способностей студента-юриста: 1) способность использовать, получать и обобщать общенаучные знания и методы в профессиональной деятельности; 2) способность к устной и письменной коммуникативной деятельности; 3) способность по соблюдению и применению российского и международного законодательства; 4) способность принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законодательством Российской Федерации; 5) способность четко исполнять про-

фессиональные обязанности в нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной деятельности.

Основными категориями, которыми приходится оперировать при рассмотрении нравственных способностей студента-юриста, являются понятия этики, морали и нравственности [13]. Данные понятия этимологически схожи. А. И. Павловский считает, что этика – это наука о морали и нравственности. Мораль – это внешняя, а нравственность – внутренняя по отношению к индивиду регуляция человеческого поведения [14, с. 19].

В словарях В. И. Даля и С. И. Ожегова нравственность толкуется как правила, определяющие поведение, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведения [15].

По мнению С. В. Подзоровой, нравственность – качество индивида, формирующее специфическую деятельность сознания (при этом, осмысливая опытное познание, индивид может выйти на уровень достоверного знания при условии синтеза данных опыта и априорных знаний, которые для опыта имеют всеобщее и необходимое значение; ум не может сознавать иначе как в этих априорных формах) и проявляющееся в его мыслях, суждениях, поведении [16, с. 53].

Нормативное определение нравственности содержится в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [17], которая рассматривает нравственность как составляющую духовного и нравственного воспитания детей. Исходя из содержащихся в Стратегии норм, нравственность включают в себя: 1) нравственные чувства, к числу которых относятся чувство чести, долга, справедливости, милосердия и дружелюбия; 2) нравственную позицию, в том числе способность к сознательному выбору добра; 3) сопереживание и формирование позитивного отношения к людям, в частности к лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам; 4) позитивные жизненные ориентиры и планы; 5) поведение в различных трудных жизненных ситуациях (проблемных, стрессовых и конфликтных).

К нравственным способностям студентов-юристов согласно ФГОС можно отнести следующие: 1) способность толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия; 2) способность работать на благо общества и государства; 3) способность соблюдать принципы этики юриста; 4) способность сохранять и укреплять доверие общества к юридическому сообществу; 5) способность осуществлять профессиональную деятельность

на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры.

Следует отметить, что нравственность для студентов-юристов – это не просто внутренняя составляющая, влияющая на выбор модели поведения, для них нормы нравственности прямо установлены действующим законодательством, в том числе в кодексах профессиональной этики (например, Кодекс профессиональной этики адвоката, Кодекс судейской этики, Кодекс этики прокурорского работника, Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации и т.д.). Причем за невыполнение этих норм наступает как минимум дисциплинарная ответственность. Поэтому нравственные нормы из категории внутренних переходят в правовую категорию.

Список литературы

1. *Ильина О. В.* Роль права в развитии юридического образования в Российской Федерации // *Вестн. Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки.* 2017. № 3 (12). С. 24–27.
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2008, № 47, ст. 5489.
3. *Панфилова А. П., Долматов А. В.* Взаимодействие участников образовательного процесса. М., 2014. 487 с.
4. *Леонтьев Д. А.* Личностное в личности : личностный потенциал как основа самодетерминации // *Учен. записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева.* М., 2002. С. 56–65.
5. *Марков В. Н.* Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка / под ред. А. А. Деркача. М., 2001. 264 с.
6. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) : приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 11.01.2018). URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 15.01.2019).
7. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.
8. *Егорова Г. И.* Интеллектуальная подготовка студентов технического университета как необходимое условие повышения качества обучения // *Изв. Том. политехн. ун-та.* 2005. Т. 308. № 1. С. 222–227.
9. *Видинеев Н. В.* Природа интеллектуальных способностей человека. М., 1997. 173 с.
10. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002. 720 с.
11. *Шадриков В. Д.* Способности человека. М., 1997. 285 с.
12. *Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. Томск ; М., 1997. 391 с.
13. *Овинова Л. Н.* Нравственность как педагогическое понятие // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. Образование, здравоохранение, физическая культура.* 2006. № 16 (71). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennost-kak-pedagogicheskoe-ponyatie> (дата обращения: 25.02.2019).
14. *Павловский А. И.* Введение в этический кодекс : крах нормативной этики. СПб., 2006. 110 с.
15. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2001. 736 с.
16. *Подзорова С. В.* К вопросу о сущности понятия «нравственность» // *Современная наука.* 2011. № 2. С. 51–55.
17. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2015. № 23, ст. 3357.

Образец для цитирования:

Рождествина А. А. О содержании интеллектуально-нравственного потенциала студента-юриста // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2019. Т. 19, вып. 2. С. 226–230. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-226-230>

On the Content of Intellectual and Moral Potential of the Law Student

A. A. Rozhdestvina

Anna A. Rozhdestvina, <https://orcid.org/0000-0002-9311-8256>, Director of the Center for Continuing Education, Volga Region Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, 55 A. N. Radischeva St., Saratov 410003, Russia, Rozhdestvinaaa@yandex.ru

Development of education, including legal, is now one of the priority directions of development of the country which is fixed in strategic

documents of the Russian Federation. High requirements to the future law expert suggest the formation of special competencies which allow to master new educational technologies easily and quickly, to be interested in the professional growth and improvement, and to be open to innovations in the educational process. For this it is necessary for the future lawyer to have a certain intellectual and moral potential already at the stage of training. In the article different points of view on the concept "potential" are considered. This concept is given according to FGOS'S requirements 40.03.01 Law (bachelor degree level). At the same time it is noted that potential can be developed and implemented by training and education, but initial opportunities directly depend on the set of intellectual and moral qualities of the law student which have been

formed before entering a higher educational institution. The author gives opinions of different scientists on the definition, essence and content of mental and moral abilities and gives types of these abilities, based on requirements of FGOS.

Keywords: law students, structure of the personality, potential, intellectual abilities, moral abilities.

References

1. Ilina O. V. The Role of Law in Development of Legal Education in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo un-ta im. S. Yu. Vitte. Ser. 2: Yuridicheskie nauki* [Moscow Witte University Bulletin. Ser. 2: Legal science], 2017, no. 3 (12), pp. 24–27 (in Russian).
2. On the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation until 2020. Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 no. 1662-r. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 47, art. 5489 (in Russian).
3. Panfilova A. P., Dolmatov A. V. *Vzaimodeystvie uchastnikov obrazovatel'nogo processa* [Interaction of Participants of Educational Process]. Moscow, 2014. 487 p. (in Russian).
4. Leontev D. A. Personal in the personality: personal potential as self-determination basis. *Uchenye zapiski kafedry obshchey psikhologii MGU im. M. V. Lomonosova* [Scientific Notes of Department of the General Psychology of Lomonosov Moscow State University]. Ed. by B. S. Bratus', D. A. Leontev. Moscow, 2002, iss. 1, pp. 56–65 (in Russian).
5. Markov V. N. *Lichnostno-professionalnyy potentsial upravlensta i ego ostenka* [Personal and Professional Potential of the Manager and his Assessment]. Ed. by A. A. Derkach. Moscow, 2001. 264 p. (in Russian).
6. On the Approval of Federal State Educational Standard of the Higher Education in the Direction of Preparation 40.03.01 Law (bachelor degree level). Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 01.12.2016 no. 1511 (an edition of 11.01.2018). Available at: www.pravo.gov.ru. (accessed 15 Junyary 2019) (in Russian).
7. On education in the Russian Federation: Federal law of 29.12.2012 no. 273-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 53, part 1, art. 7598 (in Russian).
8. Egorova G. I. Intellectual Training of Students of the Technical University as Necessary Condition of Improvement of Quality of Training. *Izv. Tom. politekhn. univ.*, 2005, vol. 308, no. 1, pp. 222–227 (in Russian).
9. Vidineev N. V. *Priroda intellektualnykh sposobnostey cheloveka* [Nature of Mental Abilities of the Person]. Moscow, 1997. 173 p. (in Russian).
10. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of the General Psychology]. St. Petersburg, 2002. 720 p. (in Russian).
11. Shadrikov V. D. *Sposobnosti cheloveka* [Abilities of the Person]. Moscow, 1997. 285 p. (in Russian).
12. Holodnaya M. A. *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Intelligence Psychology. Research Paradoxes]. Tomsk, Moscow, 1997. 391 p. (in Russian).
13. Ovinova L. N. Morality as Pedagogical Concept]. *Vestnik YuUrGU. Ser. Obrazovanie, zdavoohranenie, fizicheskaya kultura* (Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education, Health, Physical Culture), 2006, no. 16 (71). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennost-kak-pedagogicheskoe-ponyatie> (accessed 25 February 2019) (in Russian).
14. Pavlovskiy A. I. *Vvedenie v eticheskiy kodeks: krah normativnoy etiki* [Introduction to the ethical code: crash of standard ethics]. St. Petersburg, 2006. 110 p. (in Russian).
15. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2011. 736 p. (in Russian).
16. Podzorova S.V. On the Essence of the Concept of «Morality». *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 2011, no. 2, pp. 51–55 (in Russian).
17. On the Approval of the Strategy of Development of Education in the Russian Federation until 2025. Order of the Government of the Russian Federation of 29.05.2015 no 996-r. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Law of the Russian Federation], 2015, no. 23, art. 3357 (in Russian).

Cite this article as:

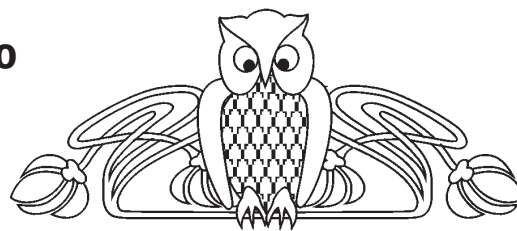
Rozhdestvina A. A. On the Content of Intellectual and Moral Potential of the Law Student. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 226–230. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-226-230>

УДК 371.39

Метаобразовательное пространство как методологическая основа профессиональной педагогики

С. Ф. Уманец

Уманец Сергей Федорович, докторант кафедры инженерной и компьютерной педагогики, Донецкий национальный университет; доцент кафедры дошкольного и начального образования, Донецкий педагогический институт, Донецкая Народная Республика, Украина, umanecsf@mail.ru

Статья посвящена философско-педагогическому феномену «метаобразовательное пространство». Идея метаобразовательного пространства основана на предположении, что мир, в котором живет человек, – это многомерная, многогранная, многообразная и многовариантная реальность. Данная идея и составляет методологическую базу исследования. В статье анализируются различные философские и педагогические подходы к теоретическому построению категории «метаобразовательное пространство». Предлагается авторское определение понятия «метаобразовательное пространство». Эта педагогическая категория тесно увязывается с понятием «жизненный идеал студента». Применяя метод шкалирования в педагогических исследованиях, автору удалось «качественные» педагогические результаты перевести в русло «количественных» результатов. Представлены итоги формирующего педагогического эксперимента, проводившегося в Донецком педагогическом институте. Дан анализ верификации этого эксперимента с помощью метода математической статистики хи-квадрат. Конечная педагогическая цель метаобразовательного пространства состоит в том, чтобы студент под руководством преподавателя сумел создать свой собственный, неповторимый, индивидуальный «образ специалиста» в той или иной области человеческой деятельности (в данном случае – «образ педагога»).

Ключевые слова: метаобразовательное пространство, объективная педагогическая реальность, виртуальная педагогическая реальность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-231-235>

Постановка проблемы и актуальность исследования

Доказательством того, что объективная педагогическая действительность является многомерным и многогранным социально-педагогическим объектом, служит более чем достаточное количество (более тридцати) относительно самостоятельных педагогических подходов. Перечислим лишь некоторые из них, имеющиеся в распоряжении современной педагогической науки и практики профессионального образования: аксиологический, акмеологический, андрагогический, антропологический, антропосоциальный, возрастной, гуманистический, герменевтический, деятельностный, диалогический, дифференци-

рованный, индивидуальный, квалиметрический, когнитивно-информационный, комплексный, культурологический, компьютерный, личностный, личностно-ориентированный, личностно-деятельностный, межпарадигмальный, парадигмальный, полипарадигмальный, параметрический, проблемный, рефлексивный, системный, синергетический, средовой, сциентический, эвристический, экологический, эволюционно-эпистемологический, этнопедагогический.

Многообразие педагогических подходов указывает на то, что педагогическая действительность многогранна и неоднозначна и это достаточно убедительный и неоспоримый факт. Однако отсутствие интеграционной педагогической концепции, говоря словами академика А. М. Новикова, способно привести к тому, что развитие педагогической науки может пойти «не в ствол, а в куст» [1, с. 6]. Мнение ученого трудно игнорировать.

Таким образом, возникает противоречие: с одной стороны, наука ратует за многообразие педагогических подходов, а с другой стороны, пытается интегрировать педагогический процесс в рамках сферы своего бытия. Этим и обусловлена актуальность данного исследования.

Цель исследования состоит в обосновании метаобразовательного пространства как методологической основы профессиональной педагогики.

Объектом исследования является процесс бытийности и онтологии профессиональной педагогики в контексте метаобразовательного пространства.

Предметом исследования выступает метаобразовательное пространство как методологическая основа профессиональной педагогики.

Основная часть исследования

Педагогическая реальность высшей профессиональной школы проявляется в двух формах. Первая форма – это физическая реальность, объективно существующая в пространстве и во времени; это учебный корпус, куда приходят студенты; учебные аудитории, где на лекциях и семинарских занятиях встречаются студенты и преподаватели; учебная, научная и методиче-

ская литература; сам учебно-познавательный процесс вуза; технические средства обучения; лаборатории для практических занятий студентов и многое другое. Иными словами, объективная педагогическая действительность – это та педагогическая реальность, благодаря которой с помощью традиционных форм и методов реализуется классический способ когнитивно-информационного взаимодействия преподавателя и студентов. Естественно, этому взаимодействию предшествует самостоятельная учебная домашняя работа каждого в отдельности. Такое взаимодействие является классикой педагогического жанра, которая неизменна уже несколько веков подряд, с той лишь разницей, что в последнее время добавились новые технические средства обучения.

В этой реальности в основном и происходит учебно-воспитательный процесс в высшей профессиональной школе. Следует отметить, что данный процесс протекает довольно успешно, судя по тому, как развивается цивилизация.

Однако естествоиспытатели, в частности физики, доказали, что мир дуален. Доказательством бинарности мира служит корпускулярно-волновой дуализм всех процессов атомной физики, которые описывает квантовая механика. Эта дуальность мира, как обосновали философы, присуща и социальным феноменам объективного мира: любовь и ненависть, добро и зло, день и ночь, твердый и мягкий, мужчина и женщина, тепло и холод, объективный и субъективный, физический и метафизический – и так можно перечислять до бесконечности. В педагогической науке и практике, вероятно, это сложилось исторически, до сих пор не обращают внимания на вторую форму педагогической действительности – метафизическую реальность.

Анализ научно-педагогической литературы показал, что в последнее время появились исследования, посвященные различным аспектам категории «метаобразовательное пространство». Например, Э. К. Самарханова исследует близкое к нашей педагогической категории понятие «образовательное пространство вуза» и утверждает, что «повышение качества профессионального образования может быть достигнуто только путем активизации всех факторов образования, охватываемых пространством вуза, их интеграции в гармоничное единство» [2, с. 36]. При этом она сама того не замечает, как противоречит собственному тезису, говоря об интеграции образовательного пространства в гармоничное единство, умалчивая при этом или игнорируя тот факт, что в педагогической действительности помимо объективной педагогической реальности одновременно существует виртуальная

педагогическая реальность (метафизическая). Исследования А. В. Гайворонской, Е. Н. Ковалевской, М. И. Корневой и других в некоторой степени проясняют ситуацию с пониманием данной области педагогического знания [3, 4]. Однако в своих работах они больше рассуждают о типах «образовательного пространства вуза», его классификации. При этом ничего не говорится о целостности образовательного пространства в плане профессиональной подготовки студентов вузов.

Близко подходят к решению теоретической проблемы «метаобразовательного пространства», используя идею метапредметного подхода, А. Г. Асмолов и Ю. В. Громыко [5–7]. Но из-за отсутствия в их концепции виртуальной составляющей педагогической действительности она теряет статус целостности.

Таким образом, для дальнейшего исследования необходимо определить, что мы понимаем под термином «метаобразовательное пространство».

Метаобразовательное пространство – это педагогическая действительность, которая включает в себя физическую (объективную) педагогическую реальность и виртуальную педагогическую реальность, существующие и функционирующие одновременно в процессе взаимодействия между собой, результатом чего выступает приращение индивидуальной культуры образующегося.

Как видим, в нашем варианте понятие «метаобразовательное пространство» включает две составляющие. Одна – объективная (физическая, предметная реальность), а другая – виртуальная (воображаемая реальность). На наш взгляд, такой методологический подход к образовательному пространству в контексте «метаобразовательного пространства» позволяет все многообразие педагогических явлений и феноменов рассматривать как единый процесс в целостном образовательном пространстве – «метаобразовательном пространстве».

Закономерный вопрос: что дает такой методологический подход теоретической педагогике?

Очень многое. В первую очередь он позволяет понять, что мир целостен и един. И то, что в науке физическое (предметное) исследуется отдельно, а виртуальное отвергается изначально, как говорят, «от порога», и не исследуется вообще, не свидетельствует о том, что его не существует в человеческой мыследеятельности.

Если встать на позицию такого авторитетного педагогического подхода, проверенного практикой, как *деятельностный подход*, который работает в физическом педагогическом пространстве, то *мыследеятельный подход* в виртуальном пространстве – это аналог первого.

В контексте вышесказанного можно привести еще одно определение (синонимичное) категории «метаобразовательное пространство»: *метаобразовательное пространство – это педагогическая действительность, где гармонично переплетаются и взаимодействуют между собой деятельностный подход объективной педагогической реальности и мыследеятельностный подход виртуальной педагогической реальности, результатом чего выступает приращение индивидуальной культуры образующегося.*

Категория «метаобразовательное пространство» подводит новый методологический базис под все виды педагогики: педагогика общего образования; педагогика профессионального образования; андрагогическая педагогика и др.

Наиболее распространен этот методологический подход в андрагогической педагогике и педагогике высшего профессионального образования (старшие курсы вуза). Почему?

Ответ. Студенты старших курсов (четвертый или пятый) или слушатели курсов переподготовки (специалисты с солидным производственным стажем и жизненным опытом) уже имеют достаточную теоретическую базу в сфере своей профессиональной деятельности. Однако личный педагогический опыт работы автора на курсах переподготовки специалистов со стажем в Донецком педагогическом институте и на старших курсах подготовки бакалавров по специальности 44.03.01 «Педагогическое образование» позволяет утверждать, что у студентов нет целостного представления об «образе своей будущей профессии», а у представителей андрапедагогики (обучаемые по программам переподготовки и повышения квалификации) отсутствует целостное видение своего дальнейшего профессионального роста, так как они заиклены на проблемы сегодняшнего дня и не осознают, что профессиональная действительность – это сумма, интеграция субъективного сегодняшнего профессионального состояния и виртуального, сознательно сконструированного, спроектированного и созданного субъектом «своего нового профессионального сюжета».

Таким образом, у студента или другого обучаемого, погруженного в виртуальный (футуристический, конструируемый, проектируемый, а главное, личностно ориентированный и личностно создаваемый) мир под руководством преподавателя, появляются новые возможности переосмысления своего теперешнего профессионального бытия с целью его изменения в контексте своего профессионального роста.

Но, как оказалось, дивиденды категории «метаобразовательное пространство» в том, что

у студента (обучаемого) изменяется фундаментальная мировоззренческая установка на жизнь как целостное явление в виде понятия «жизненный идеал человека».

В нашем исследовании степень сформированности «жизненного идеала студента» определялась уровнем его развития. Конечно, в чистом виде идеалы человека встречаются редко. В данном случае речь может идти только о приоритете того или иного типа идеала у человека (материального, идеального, духовного). Чтобы было удобно работать с идеалами человека как «педагогическим инструментарием», мы предложили авторский вариант их ранжирования. В нашей градации предложено пять уровней развития идеалов человека. За условную точку отсчета был выбран так называемый *нулевой уровень развития идеала человека – «потребительский»*. Когда мы говорим о «потребительском идеале», то имеем в виду культ потребления материальных благ человеческой цивилизации. Для человека с нулевым развитием идеала духовное и идеальное – это пустое место.

Конечно, в том, что человек стремится к материальному комфорту, нет ничего предосудительного. Плохо то, что человек абсолютизирует этот «материальный мир», не понимая того, что он появился в результате реализации идей духовного и идеального миров креативно и творчески мыслящих людей. Другими словами, материальная, идеальная и духовная субстанции едины, в то время как у человека «потребительского» типа идеала идет мировоззренческий перекося в сторону материальной абсолютизации своего бытия. Человек такого типа идеала (нулевой уровень), сам того не понимая, ставит себя в ситуацию выбора: двигаться ему в сторону первого положительного уровня (+1) или в сторону первого отрицательного уровня (–1).

Дело в том, что по законам природы все течет и изменяется в пространстве и во времени. Поэтому человек, в том числе и студент (это касается каждого человека), не может сколько угодно долго находиться, например, в нулевом состоянии (нулевой уровень) на «шкале идеалов». Со временем он неминуемо будет смещаться по «шкале идеалов» либо вверх (+1, что соответствует авангардному уровню идеала человека), либо вниз (–1, что соответствует архаичному уровню идеала человека). Эти два идеала человека мы называем промежуточными идеалами студента. Верхним (+2) уровнем или высшим уровнем идеала человека является идеал «человек-созидатель». Низшим (–2) уровнем идеала человека является идеал «человек-дно».

Таким образом, мы имеем пять уровней интегрированной шкалы «жизненных идеалов» студента: (+2) – первый уровень идеала студента – «человек-созидатель»; (+1) – второй уровень идеала студента – «человек-авангард»; (0) – третий уровень идеала студента – «человек-потребитель»; (-1) – четвертый уровень идеала студента – «человек-арьергард»; (-2) – пятый уровень идеала студента – «человек-дно». Однако мы далеки от мысли, что среди современного студенчества есть представители пятого уровня. Поэтому было оставлено только четыре уровня.

Задача преподавателя быть образцом и мотиватором первого уровня идеала студента – «человек-созидатель».

Суть диагностики «жизненных идеалов» студентов состояла в том, чтобы осуществить первоначальный срез разброса студентов по четырем уровням интегрированной шкалы их «жизненных интересов». Когда мы говорим о первоначальном срезе, то имеем в виду начало учебного года. Экспериментальный курс «Система совместной учебно-прогностической деятельности преподавателя и студентов педагогического вуза» студентам еще не предлагался. Второй раз диагностику «жизненных идеалов» студентов проводили по завершении формирующего педагогического эксперимента, то есть после вычитки указанного экспериментального курса.

Количественная оценка сформированности уровней «жизненных идеалов» студентов производилась на основе шкалирования. Для этого и была создана так называемая *четырёхуровневая интеграционная шкала «жизненных идеалов» студента*.

Полученные данные по экспериментальным и контрольным группам подвергались проверке статистической гипотезы по критерию хи-квадрат.

Выводы

1. Универсальность авторского определения понятия «метаобразовательное пространство» состоит в том, что для каждой группы профессий согласно классификации Е. А. Климова: «человек – природа», «человек – техника», «человек – человек», «человек – знаковая система», «человек – художественный образ» – это понятие «метаобразовательное пространство» одинаково хорошо удовлетворяет методологическому статусу непротиворечивости и целостности [8, с. 115].

2. По уровням «жизненного идеала» распределились студенты следующим образом: первый уровень – 4%; второй – 25%; третий – 40%; четвертый – 28%. Всего в эксперименте

были задействованы 500 студентов (из них 258 человек – в экспериментальных группах; 242 человека – в контрольных группах) очной и очно-заочной форм обучения. Анализируя результаты констатирующего эксперимента, можно утверждать, что больше половины всех студентов предпочитают мировоззрение «человека-потребителя».

По окончании формирующего педагогического эксперимента распределение студентов по уровням «жизненного идеала» оказалось другим: первый уровень – 12%; второй – 48%; третий – 20%; четвертый – 20%.

Верифицируемость экспериментальных данных проверялась методом математической статистики хи-квадрат. С помощью критерия хи-квадрат выяснялась достоверность различия (сходства) в контрольных и экспериментальных группах по уровням сформированности «жизненного идеала» студентов в начале педагогического эксперимента и после его проведения. Статистику критерия $T_{крит}$ для уровня значимости $\alpha = 0,05$ (95% достоверности) и числа степеней свободы $\nu = C - 1 = 4 - 1 = 3$ находим по табличным данным значение $T_{крит} = 7,81$, где $C = 4$ – это число уровней «жизненного идеала» студентов [9, с. 130]. *Нулевая гипотеза*: уровень сформированности «жизненного идеала» студентов в экспериментальных группах такой же, что и в контрольных группах, если $T_{набл} < T_{крит}$

Альтернативная гипотеза: уровень сформированности «жизненного идеала» студентов в экспериментальных группах выше, чем в контрольных группах (после формирующего педагогического эксперимента), если $T_{набл} > T_{крит}$. *Итоги педагогического эксперимента*: 1) на начало эксперимента $T_{набл} = 5,48 < T_{крит} = 7,81$, то есть уровни сформированности «жизненного идеала» студентов экспериментальных и контрольных групп примерно одинаковы; 2) на конец эксперимента $T_{набл} = 10,64 > T_{крит} = 7,81$, что означает наличие более высокого уровня сформированности «жизненных идеалов» студентов в экспериментальных группах, по сравнению с контрольными.

Список литературы

1. Новиков А. М. Докторская диссертация? Пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора наук. М., 2003. 120 с.
2. Самарханова Э. К. Организация единого образовательного пространства в высшем учебном заведении: дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2006. 398 с.
3. Ковалевская Е. Н., Гайворонская А. В. Формы и приемы организации деятельности педагога в образо-

- вательном метапространстве // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2013. № 2 (130). С. 182–185.
4. Корнева М. И. Прогимназия как образовательное пространство развития личности ребенка : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 1996. 24 с.
 5. Асмолов А. Г. Системно-деятельный подход к разработке стандарта нового поколения // Педагогика. 2009. № 4. С. 18–22.
 6. Громыко Ю. В. Введение в теорию мышления и деятельности. М., 2005. 480 с.
 7. Громыко Ю. В. Мыследеятельная педагогика. Минск, 2000. 376 с.
 8. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. 304 с.
 9. Кыверялг А. А. Методы исследования в профессиональной педагогике. Таллин, 1980. 334 с.

Образец для цитирования:

Уманец С. Ф. Метаобразовательное пространство как методологическая основа профессиональной педагогики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 231–235. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-231-235>

Meta-Educational Space as Methodological Basis of Professional Pedagogics

S. F. Umanets

Sergey F. Umanets, <https://orcid.org/0000-0001-6365-5539>, Donetsk National University, 24 University St., Donetsk 283001, Donetsk Peoples Republic, Ukraine, umanecsf@mail.ru

The article is devoted to such philosophical and pedagogical phenomenon as «meta-educational space». The idea of meta-educational space is based on the assumption that the world in which a person lives is a multidimensional, multifaceted, diverse and multivariate reality. This idea is the methodological basis of the study. The article analyzes various philosophical and pedagogical approaches to the theoretical construction of the category “meta-educational space”. The author’s version of the definition of “meta-educational space” is proposed. This pedagogical category of “meta-educational” in the context of the article is closely linked with the concept of “life ideal” of the student. Applying the method of scaling in pedagogical research, we managed to translate “qualitative” pedagogical results into the channel of “quantitative” results. The article presents the results of forming a pedagogical experiment conducted in Donetsk Pedagogical Institute. The verification of this experiment by the method of mathematical statistics chi-square is analyzed. Ultimately, the pedagogical goal of the meta-educational space is that the student under the guidance of the teacher was able to create their own, unique, individual “image of a specialist” in a particular area of human activity (in this case “Braze teacher”).

Keywords: meta-educational space, the pedagogical objective reality, virtual reality teaching.

References

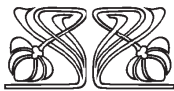
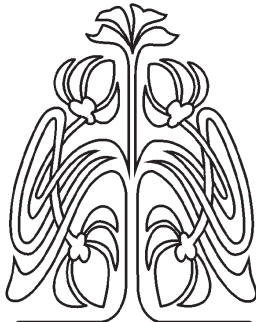
1. Novikov A. M. *Doktorskay dissertatsiya? Posobie dly doktorantov i soiskatele uchenoe stepeni doktora nauk* [Doctoral Dissertation? Handbook for Doctoral Candidates and Candidates for the Degree of Doctor of Science]. Moscow, 2003, 120 p. (in Russian).
2. Samerkhanova E. K. *Organizatsiy edinogo obrazovatel'nogo prostranstva v vuze* [Organization of a Single Educational Space in Higher Education]. Diss. Dr. Sci. (Pedag.). N. Novgorod, 2006, 398 p. (in Russian).
3. Kovalevskaya E. N., Gaivoronskaya A. V. Forms and Methods of Organizing the Activities of a Teacher in the Educational Metaspaces. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2013, no. 3 (130), pp. 182–185 (in Russian).
4. Korneva M. J. *Progimnaziy kak obrazovatel'noe prostranstvo razvitiy lichnosti rebenka* [Grammar School as an Educational Space for the Development of a Children Personality]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Pedag.). Rostov-on-Don, 1996. 24 p. (in Russian).
5. Asmolov A. G. System-Activity Approach to the Development of a New Generation Standard. *Pedagogic* [Pedagogy], 2009, no.4, pp. 18–22 (in Russian).
6. Gromyko U. V. *Vvedenie v teoriyu myshleniy i deyatelnosti* [Introduction to the Theory of Thinking and Activity]. Moscow, 2005. 480 p. (in Russian).
7. Gromyko U. V. *Musledeyatel'nay pedagogika* [Mental Pedagogy]. Minsk, 2000. 376 p. (in Russian).
8. Klimov E. A. *Psichologiy professional'nogo samoopredeleniy* [Psychology of Professional Self-Determination]. Moscow, 2004. 304 p. (in Russian).
9. CIPHERALG A. A. *Metodu issledovaniy v professinalnoy pedagogike* [Methods of Research in Professional Pedagogy]. Tallin, 1980. 334 p. (in Russian).

Cite this article as:

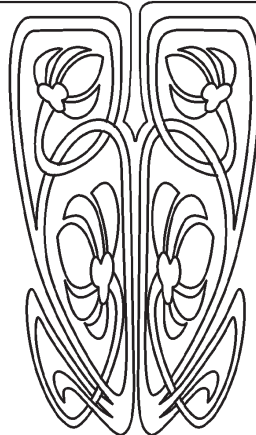
Umanets S. F. Meta-Educational Space as Methodological Basis of Professional Pedagogics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 231–235. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-231-235>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Рецензия на книгу: **Папаяни Ф. А. Имперское будущее России / Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв.**

(Папаяни Ф. А. Имперское будущее России / Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. / отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Русская цивилизация, 2019. – 560 с.)

И. И. Кальной

Кальной Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, igor_kalnoy@mail.ru

Российское пространство в XIX–XXI вв. превратилось в жесткое поле противостояния идеологических проектов, каждый из которых претендует на статус базового фактора формирования мировоззрения тех людей, от которых зависят сегодняшний и завтрашний дни России. Ключевая идея монографии – идеология как морально-этический канон поведения людей и властно-политического регламента социума; цель – выявить историческую сущность идеологических концептов в России периода XIX–XXI вв. Монография обращена к тем, кого волнует судьба России и от кого зависит ее будущее.

Ключевые слова: идея, идеология, проект, государственное устройство, политический режим, мировоззрение, империя, социум.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-236-237>

Название монографии «Имперское будущее России / Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв.», ее аннотация и оглавление уже свидетельствуют о том, что автор этой работы – человек, для которого вера – это более значимый «позвоночник», чем его физический аналог. От веры, тесно связанной с глубинной психологией человека, зависят исследовательская практика и надежда на результат. Вера бывает разной: религиозной, научной, философской и профанной. Индивидуальное сознание Ф. А. Папаяни демонстрирует единство всего «джентльменского набора» означенной веры. Он исследует заявленную проблему и не без основания верит (надеется) на искомый результат и это подтверждается его усилиями.

Автор не довольствуется чувственным уровнем восприятия проблемной ситуации. Постигая сущность идеологии, он проходит сложную дорогу от представления к понятию. Его не устраивает субъективная правда, и в поисках истины он исследует феномен идеологии как базовую идею становления и развития общества, а мировоззрение человека рассматривает как «дисциплинарную матрицу» его социального поведения. Такой подход позволил автору выявить «два основополагающих вектора воздействия идеологии: морально-этический и властно-политический», что определяет статус идеологии в качестве необходимого спутника и государства и человека.

В тексте даны исчерпывающий анализ и оценка основных проектов идеологии. Рождение новых идеологических парадигм автор объясняет исторической последовательностью социального развития через циклы накопления капитала в результате совершенствования способа производства, рынка спроса и предложения, эквивалентного посредника на рынке, формирования властных групп и конструирования той идеологии, которая в первую очередь отвечает их интересам.

Исследуя претензии форм государственного правления, Ф. А. Папаяни особое внимание уделяет олигархии, поиску нового мирового порядка, ставит вопрос о необходимости переосмысления демократии и современного «прочтения» монархии, «призрак которой бродит по России». Решая проблему поиска оптимального государственного устройства, он рассматривает *pro et contra* федеративного устройства, особое внимание уделяя империи, рассматривая ее атрибутивность и модусы проявления. Представляет интерес классификация этого государственного устройства по основаниям: «варварская», «цивилизационная» и «условно цивилизационная» империя.

Завершается монография обращением к противоборству имперских идеологий в России. Автор рассматривает и сравнивает идеологии либерального и православного империализма и выражает надежду, что достоинство второго имеет перспективу в условиях поиска достойного ответа историческому вызову в обществе переходного периода от индустриальной к иной цивилизации.

Обращение автора к российскому прошлому через концепцию уваровской триады уместно, но только в меру освоения искусства: в прошлом он видит знаки будущего, без каких-либо попыток реанимации ее образа в качестве руководства (проекта) будущего.

Поиск оптимальной идеологии для России можно только приветствовать. Эта книга – повод для академического читателя и для обывателя поразмышлять, кто мы, куда и с кем идем, какие ценностные ориентиры выбираем на этом пути. Читатель получает интересный материал для собственного умозаключения о свободе слова и действия, за которыми стоит запредельная ответственность. Основная идея монографии выстрадана. Текст продуман, прочувствован и пережит.

Образец для цитирования:

Кальной И. И. Рецензия на книгу : Папаяни Ф. А. Имперское будущее России / Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 236–237. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-236-237>

Review of the Book: Papayani F. A. The Imperial Future of Russia / Confrontation of Ideological Projects of the 19th – 21st Centuries

I. I. Kalnoy

Igor I. Kalnoy, <https://orcid.org/0000-0003-2530-7028>, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Vernadskogo Ave., Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russia, igor_kalnoy@mail.ru

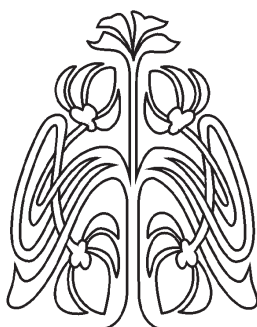
Russian space of 19th – 21st centuries turned into a tough field of opposition of ideological projects. Each project claims the status of

a basic factor in shaping the outlook of the people who influence the present and future of Russia. The key idea of the monograph is ideology as the moral and ethical canon of human behavior and the power and political regulation of society. The purpose of the stated monograph is to reveal the historical essence of ideological concepts in Russia of the period of the 19th and 21st centuries and show the objective conditions and the desired subjective factor on which the possible “Imperial future of Russia” depends. The monograph is addressed to those who care about the fate of Russia and on whom its future depends.

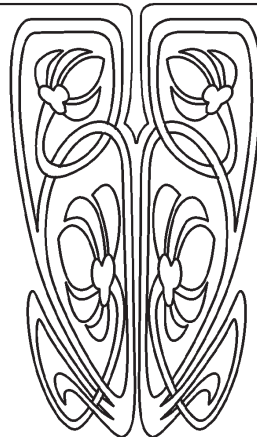
Keywords: idea, ideology, project, polity, political regime, worldview, empire, society.

Cite this article as:

Kalnoy I. I. Review of the Book: Papayani F. A. The Imperial Future of Russia / Confrontation of Ideological Projects of the 19th – 21st Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 236–237. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-236-237>

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83;

Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <http://phpp.sgu.ru>